

Из истории
абхазских
алфавитов

1

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. Д. И. ГУЛИА

———— ИЗ ИСТОРИИ —————
АБХАЗСКИХ АЛФАВИТОВ

Выпуск 1

2026

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. Д. И. ГУЛИА

**АБХАЗСКИЙ
АНАЛИТИЧЕСКИЙ
АЛФАВИТ**

**PRO ET CONTRA:
МАРР И ПОЛИВАНОВ**

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Авторы-составители:

В. С. Томеллери
А. В. Андронов
Е. И. Симонато

УДК 811.35
ББК 81.602Абх-68
А17

Ответственный редактор
В. А. Чирикба

А17 Абхазский аналитический алфавит. Pro et contra: Марр и Поливанов : исследования и материалы / авт.-сост. В. С. Томеллеры, А. В. Андронов, Е. И. Симонато ; отв. ред. В. А. Чирикба ; Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии. — Сухум : АБИГИ ; Санкт-Петербург : Наш Университет, 2026. — 191 с. (Из истории абхазских алфавитов; 1).

Г/р 918-5-166-87-06026
ISBN 978-5-6042116-3-2

Книга посвящена истории своеобразной системы транскрипции, созданной академиком Н. Я. Марром на базе латиницы первоначально для передачи армянского и грузинского языков, затем ставшей общекавказской (в рамках яфетической теории) и, наконец, введённой сто лет назад в качестве официального алфавита для абхазского литературного языка. Помимо ряда историко-лингвистических очерков, издание включает факсимиле работы Н. Я. Марра «Абхазский аналитический алфавит» (Ленинград, 1926) и архивную публикацию одноимённой статьи Е. Д. Поливанова 1927 года, содержащей критический разбор этой сложной системы.

Для кавказоведов, специалистов по абхазскому языку, общему языкознанию, фонетике, графике, а также всех интересующихся историей науки.

УДК 811.35
ББК 81.602Абх-68

Научное издание

Корректор: Н. В. Супрунчук
Макет: А. В. Андронов
Обложка: В. А. Чирикба

Г/р 918-5-166-87-06026
ISBN 978-5-6042116-3-2

© АБИГИ, 2026
© А. В. Андронов, 2026
© Е. И. Симонато, 2026
© В. С. Томеллеры, 2026
© В. А. Чирикба, 2026

Предисловие редактора

Настоящая книга открывает научную серию «Из истории абхазских алфавитов», посвящённую сложной и достаточно драматичной истории абхазских письменных систем — от ранних попыток разработки и кодификации до современной графики на основе кириллицы. В первом выпуске рассматривается Абхазский аналитический алфавит (ААА), созданный знаменитым российским и советским востоковедом академиком Николаем Яковлевичем Марром (1865–1934) и введённый в середине 20-х годов прошлого столетия в качестве официального для абхазского литературного языка.

ААА занимает особое место не только в истории абхазоведения, но и в истории кавказского и общего языкознания XX века в целом. Он был разработан Н. Я. Марром как специализированная транскрипционная система, призванная адекватно отразить исключительно сложный консонантизм абхазского — одного из наиболее богатых по числу согласных фонем языков Кавказа, да и мира. Однако вскоре сфера его применения значительно расширилась: аналитическая графика стала универсальным инструментом яфетической теории Марра и использовалась им при описании звуковых систем других кавказских и иных языков. Данная концепция органично вписывалась в более широкий и, по сути, планетарный проект учёного, предполагавший создание единого алфавита для кавказских языков, а в перспективе — универсального латинизированного алфавита для всего человечества в будущем бесклассовом обществе.

Предлагаемое читателю фундаментальное монографическое исследование, выполненное В. С. Томеллери, А. В. Андроновым и Е. И. Симонато, представляет собой опыт историко-лингвистического изучения ААА — одного из наиболее примечательных феноменов ранней советской истории Абхазии.

В первой главе книги даётся общая характеристика «аналитической» алфавитной системы Марра с предварительным

обсуждением некоторых критических замечаний современников. Вторая глава посвящена истории возникновения и развития аналитической графики в контексте научной деятельности её создателя — от ранних опытов транскрипции грузинского и армянского материала в конце XIX века до окончательного оформления яфетидологической транскрипции, применявшейся в кавказоведческих исследованиях 1930–1940-х годов. Третья глава содержит описание лингвистической дискуссии вокруг аналитического алфавита Марра после его официального введения в практику в Абхазии и подробный анализ его критики в докладе Е. Д. Поливанова «Абхазский аналитический алфавит». Завершающая, четвёртая глава посвящена реконструкции несохранившейся работы Поливанова «Фонетическая характеристика абхазского языка» и включает комментарии по ряду вопросов абхазской фонетики и транскрипции.

Авторы справедливо отвергают упрощенческий подход к рассмотрению ААА лишь в качестве неудачного эксперимента раннего советского языкового планирования и его огульное осуждение, приняв более продуктивный метод исследования, основанный на углублённом изучении эволюции ААА в связи с развитием языковой теории Марра и её восприятия в контексте советского языкознания той эпохи.

Кропотливая работа авторов настоящего тома по систематизации большого массива разрозненных и труднодоступных источников заслуживает самой высокой похвалы. Одним из значимых результатов издания является введение в научный оборот ценных материалов из наследия Н. Я. Марра и Е. Д. Поливанова, позволяющих точнее представить характер профессиональной полемики вокруг яфетидологической транскрипции в конце 1920-х годов и по-новому оценить место абхазских языковых данных в формировании более широких научных представлений эпохи. Это также помогает отделить теоретические построения, не выдержавшие проверки временем, от частных наблюдений и выводов, сохранивших несомненную ценность вне зависимости от общей концепции, в рамках которой они были сформулированы.

Особую значимость изданию придают включённые в него первоисточники. В книге помещено факсимиле работы

Н. Я. Марра «Абхазский аналитический алфавит» (Ленинград, 1926), а также публикуется сохранившаяся в его архиве рукопись одноимённой статьи Е. Д. Поливанова 1927 года, содержащая обстоятельный разбор и резко критическую оценку марровской графической системы (рукопись впервые опубликована с комментариями авторов данного труда в 2017 году).

Судьба ААА оказалась неразрывно связанной с историей созданного Марром так называемого «нового учения о языке». При жизни Марра аналитическая графика широко применялась и высоко оценивалась его последователями. Как пишут авторы, «именно абхазский язык с разработанным для него ААА составлял методологическую основу марровской лингвистической теории и служил незаменимым инструментом исследования наряду с четырёхэлементным анализом» (с. 14). Однако «свободная дискуссия» о лингвистике 1950 года, завершившаяся после публикации (20 июня) в газете «Правда» статьи И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании», положила конец безраздельному господству «нового учения о языке», и ААА был отвергнут как продукт идеологически ошибочной теории.

Тем не менее сам факт функционирования ААА как государственного алфавита Социалистической Советской Республики Абхазии в середине 1920-х годов считается крупным практическим вкладом Н. Я. Марра в советскую языковую политику эпохи. Внедрённый в официальную практику в Абхазии, этот алфавит, по первоначальному замыслу его создателя, должен был стать экспериментальной моделью для последующего перевода на аналитическую графическую основу письменностей других народов СССР. Уже одно это обстоятельство выводит историю ААА за пределы собственно абхазской проблематики и придаёт ей более широкое значение в контексте формирования и реализации общесоюзной языковой и алфавитной политики 1920-х годов.

Для самих же абхазов внедрение графической системы Марра оказалось лишь первым звеном в череде весьма болезненных алфавитных экспериментов, сопровождавших процессы культурного строительства раннего советского периода. За ним последовало введение второй версии латиницы, затем — навязанная сверху и осуществлённая административно-политическими методами радикальная реформа — переход к грузинскому

алфавиту и, наконец, возвращение (с рядом модификаций) к кириллице, использованной ещё в середине XIX века П. К. Усларом при разработке научной записи абхазских текстов.

История ААА не ограничивается краткой биографией одной письменной системы. В ней нашли воплощение стремление к максимально точной графической фиксации звуковой структуры одного из фонетически наиболее сложных языков мира, научная смелость экспериментирования в области алфавитного строительства, а также теоретико-методологические и идеологические установки её создателя — выдающегося востоковеда и лингвиста эпохи Н. Я. Марра, со всеми присущими его идеям и концепциям достижениями и заблуждениями.

Книга адресована специалистам по абхазскому языку, кавказоведам, а также историкам языкознания и всем, кто интересуется развитием советской науки в переломную эпоху 1920–1930-х годов. Вместе с тем она может быть полезна и более широкому кругу читателей.

10 июля 2026 г.
Сухум

*В. А. Чирикба,
доктор филологических наук, профессор,
член Академии наук Абхазии*

Введение

АБХАЗСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ

Абхазский аналитический алфавит (далее — ААА) представляет собой тщательно разработанную систему, созданную российским и советским востоковедом, кавказоведом, разносторонним учёным и организатором науки, академиком Николаем Яковлевичем Марром (1865–1934) на основе латинской графики для письменной фиксации звуков абхазского языка (см. рис. 1).

Как известно, абхазский язык, принадлежащий к западной ветви северокавказской языковой семьи, отличается исключительно богатым консонантизмом. Эта его черта давно привлекла внимание учёных. Уже автор первых грамматик многих северокавказских языков (в том числе абхазского) Пётр Карлович Услар (1816–1875) писал:

Не только европейцы, но даже кавказские туземцы считают абхазское произношение наитруднейшим и наименее доступным для не-абхазца. Странное впечатление производит этот язык на того, кто слышит его впервые! Многими замечено было, что английский выговор походит на щебетание птиц; об абхазском можно сказать, что он напоминает жужжание насекомых. Основа абхазского произношения состоит из сплетения самых разнообразных звуков шипящих, дрожащих, свистящих, жужжащих, но разнородность их ускользает от непривычного слуха. Чтобы распутать это *шаривари* звуков, нет другого средства, как положиться на слух самих туземцев, которые всегда безошибочно укажут на звуки тождественные и на звуки разнородные. На таковом лишь начале удалось составить абхазскую азбуку (Услар 1887: 5–6).

Ср. также мнение Николая Сергеевича Трубецкого (1890–1938), одного из основателей фонологии и зачинателя сравнительно-исторического изучения севернокавказских языков (Толстой, Иванов, Гамкрелидзе 1987: 495)¹:

¹ О вкладе Трубецкого в кавказоведение см. (Немировский 1930: 18–22; Чирикба 2018; Алиева 2019).

I. Абхазскій аналітичеській (яфетидологічеській) алфавитъ.

Печатный.

a e i o u ə y w b g ɣ ɶ d ɖ v ʋ
z [z] ɟ ɢ k k̟ k̠ l ɭ m n n̟ p ɸ ɹ ʃ [ʒ]
r s [s] t <t> ʈ ɸ q q̟ q̠ ɕ ɕ̟ ɕ̠ k k̟ k̠ m m̟
m̠ m̡ m̢ ɟ ɢ ɠ [ɠ̟] ɢ̟ ɖ [ɖ̟] ɖ̟ ɢ̟ [ɢ̟] ɢ̟ ɢ̟ ɢ̟ ɢ̟
q̟ [q̟] [q̟̟] d̟ d̟̟ h h̟ f.

Рукописный.

a e i o u æ y w b g g g d d v v
x x s s k k l l m n n p p p p
r s t t t t q q q g g k k u u
u u s s s s d d d t t t t q q
q q q d d h h f.

Звуки, выражаемые буквами, помѣщенными въ угловатыхъ скобкахъ, наличны лишь въ бзыбскомъ нарѣчіи, у наблюденъ лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ самурзаканскаго нарѣчія, такъ именно моқвинскомъ, ‡ требуетъ дослѣдованія.

Рис. 1. Абхазский аналитический алфавит (Март 1918а: 4)²

² Порядок букв напоминает грузинский алфавит; позже в программной брошюре 1926 года Марр изменил порядок печатной версии, ориентируясь на артикуляционную группировку звуков, и поместил в «угловатые» (т. е. квадратные) скобки также буквы *n*, *l* и *y* (рукописная версия была воспроизведена без изменений) — см. (Марр 1926б: 51 = с. 143 в настоящем издании).

«Au point de vue phonétique c'est bien la langue la plus difficile et la moins harmonieuse de tout le Caucase» (Troubetzkoy 1924: 338; ср. также Matthews 1951: 93).

Из характерных черт богатого консонантизма следует отметить, наряду с троичной системой смычных (звонкие, глухие придыхательные и абруптивные), корреляцию по признакам палатализации и лабиализации, мягкие и твёрдые альвеолярные спиранты (ср., например, Ломтатидзе 1967: 104–105; Клычев, Чкадуа 2001: 115; Hewitt 2010: 9–11). По словам известного кавказоведа Анатолия Несторовича Генко (1896–1941), внушительное количество согласных «наводит на мысль о второстепенном значении вокализма в системе подобного языка» (Генко 1928а: 47).

Однако и весьма бедная вокалическая система абхазского, в которой реализация гласных обусловлена комбинаторными факторами, также давно привлекла внимание фонологов. Как указывал Н. С. Трубецкой, неверхняя гласная фонема имеет различные фонетические реализации: [e] в соседстве с /j/, [o] перед тавтосиллабическим /w/, а в остальных случаях — [a], которое «отличается от максимально открытого гласного главным образом тем, что является более кратким» (Трубецкой 1939/1960: 108). Таким образом, абхазский язык относится к числу сравнительно редких языков, в которых локальные признаки гласных «не обладают смыслоразличительной функцией, поскольку они автоматически обусловлены звуковым окружением» (ibid.).

В этой особенности абхазского, а также в наличии ларингальных фонем и троичной системы согласных некоторые исследователи усматривали типологическое подтверждение моновокалической гипотезы при реконструкции праиндоевропейского языка³.

Кроме того, абхазский язык вместе со своей графической репрезентацией играл далеко не второстепенную роль в теоретической конструкции яфетидологии и в её дальнейшем развитии

³ О гипотезе одногласных языков, вызвавшей ожесточённые споры в индоевропеистике (Кацнельсон 1958; Szemerényi 1964: 5–6), см. обзоры: (Job 1977: 52–57; Кумахов 1984: 8–30; Wood 1991; Manaster Ramer, Bicknell 1995). Единственную гласную фонему в праязыковой системе западнокавказских языков постулирует Г. А. Климов (1965: 36).

(или, быть может, вырождении?) в так называемое «новое учение об⁴ языке». О соотношении двух теорий Марр писал:

Яфетическое языкознание с тех пор успело не только двинуться вперёд и пустить свои корни глубже в толщу массового язычного материала, но и раздвоиться на две самостоятельные дисциплины, на две, органически связанные особенно по линии преемства, дисциплины, одно учение — яфетическое языкознание, т. е. учение об яфетических языках, особой «семье» языков, представляющих собой по типологии⁵ речи пережитки доисторических языков Афреватрии и ныне ютящихся в трёх горных странах, на востоке в Памирской полосе, на западе в Пиренеях, и здесь, и там по одному языку, и на Кавказе значительно многочисленной и разнотипной массой. Другое учение — яфетическая теория вообще, в применении к речи — общее учение об языке, об его происхождении, о взаимоотношениях различных «семей» языков как статических состояний, отложений различных этапов развития звуковой речи человечества, и об эволюциях её как формальной типологии, так и идеологической (Марр 1927а: 45–46 = М III: 219).

Первоначально термин «яфетическое языкознание» относился у Марра к изучению южнокавказских (картвельских) языков, которые он считал особой ветвью более обширной семьи, включавшей также семитские и хамитские языки. Само название, восходящее к имени третьего сына Ноя — Яфета⁶, подчёркивало «братскую» близость к семито-хамитскому миру:

⁴ Употребление предлога *об* перед «йотированными» гласными может рассматриваться как характерная черта в целом своеобразного стиля Марра (Алпатов 2004: 27, прим. 13); некоторые возможные объяснения этой примечательной особенности предлагает Е. В. Вельмезова (Velmezova 2007: 19–20, прим. 5).

⁵ Мнение Джозефа Гринберга (1915–2001), согласно которому термин «типология» в лингвистических исследованиях впервые был употреблён в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» (Greenberg 1974: 13, прим. 4), ошибочно: он, как и производное прилагательное «типологический», встречается уже в работах Марра начала 1920-х годов (Климов 1981: 7).

⁶ Марр охотно опирался на традиционную библейскую генеалогию народов и языков, используя термин «ноетическая семья» и объединяя под этим названием три её ветви — семитическую, хамитическую и яфетическую (кавказскую) (Томеллери 2024: 226–227), ср. также о «прометеидских» языках ниже — с. 20. Высказывалось предположение, но без документальных подтверждений, что Марр заимствовал термин «яфетический»

Раз имена Сима и Хама были закреплены за определёнными группами языков, Хама за хамитическими языками, родство которых с семитическими в науке уже признавалось и тогда, то из имен трёх братьев, Сима, Хама и Яфета, оставалось лишь одно, чтобы наименовать новых кавказских родственников семитической семьи, и они были названы по Яфету. Это было сорок лет тому назад (я был ещё студентом, студентом 2-го курса) (Марр 1926д: 291 = 1926ж: 291 = М II: 182).

Сформировавшееся позже «новое учение о языке» обратилось к вопросу о возникновении языковой способности человека в связи с развитием мышления (Vorbé 1974: 5). Вместе с тем Марр и его последователи нередко использовали оба термина, не проводя чёткого и строгого различия между исследованиями яфетической языковой «ветви» и общей теорией языка (Thomas 1957: vii). Стремясь полемически противопоставить свою концепцию традиционной парадигме сравнительно-исторического языкознания, Марр назвал свою лингвистическую теорию «новой», хотя к моменту появления этого наименования её история уже насчитывала несколько десятилетий. Тем не менее такое обозначение хорошо соответствовало новому духу эпохи: сам Марр подчёркивал, что после Октябрьской революции его система пережила «бурный период развития» (Марр 1927в: 32 = М II: 35).

В литературе обычно «новое учение о языке» Марра считается и о(б)суждается как вырождение яфетического языкознания, приведшее к созданию необоснованной общей концепции происхождения и стадияльного развития речи. Любопытно, что один из наиболее непримиримых критиков его лингвистических взглядов, выдающийся лингвист и востоковед Евгений Дмитриевич Поливанов (1891–1938), эти две ветви теории рассматривает как звенья одной цепи: разумное начало раннего Марра в виде описательных и сравнительных грамматик картвельских языков (в первую очередь Марр 1910⁷), безумное продолжение в сторону палеонтологии языка и в конце, уже после смерти автора, постепенный

у датского лингвиста Расмуса Кристиана Раска (1787–1832) (Young 2022: 633). Между тем известно, что ещё немецкий философ Г. В. Лейбниц (1646–1716), увлекавшийся языкознанием, употреблял это слово для обозначения индоевропейских языков (Arens 1969: 480).

⁷ См. (Поливанов [1929]/1991: 551); цитируется в эпитафии к третьей главе, с. 66.

возврат к научной строгости с типологической перыспективой (Леонтьев, Ройзензон, Хаяутин 1968: 25–26)⁸.

Именно абхазский язык с разработанным для него ААА составлял методологическую основу марровской лингвистической теории и служил незаменимым инструментом исследования наряду с четырёхэлементным анализом:

...Яфетическая теория, новое языковедное учение, пользуется безоговорочно двумя совершенно прочно установленными средствами в своих изысканиях: одно из них — особая исследовательская графика, аналитический алфавит, другое — анализ по четырём лингвистическим элементам... (Марр 1931а: 15 = М II: 256).

В период между 1920-ми и 1940-ми годами ААА выступал своего рода визитной карточкой тех лингвистов, которые в своей исследовательской деятельности придерживались языковедческой теории Марра — независимо от того, носили ли их разыскания исторический характер или, что встречалось значительно реже, были ориентированы на синхронное описание языка. По этой причине он использовался в многочисленных научных публикациях (Климов 1962: 14–15). Благодаря почти незыблемому авторитету своего создателя, чья лингвистическая теория ближайшими учениками и соратниками восторженно восхвалялась и лишь после выступления Сталина летом 1950 года в рамках «свободной дискуссии» о лингвистике⁹ была ими же — за редкими исключениями — безоговорочно отвергнута и объявлена «ошибочной в своих мировоззренческих основах» (Olesch 1956: 368), ААА получил и практическое применение в рамках проводившейся в Советском Союзе кампании латинизации. Введённый в качестве государственного алфавита в Социалистической Советской Республике Абхазии, он обычно рассматривается как единственный вклад марристов в советскую языковую политику

⁸ Цитируемый авторами текст Поливанова взят из его неопубликованной фундаментальной грамматики дунганского языка (Рукописный фонд Института литературы Национальной академии наук Киргизской Республики: ф. «Специальный», д. 112, л. 223–225).

⁹ Об этом эпизоде истории советской науки существует огромная литература, мы здесь ограничиваемся ссылкой на недавно вышедший юбилейный сборник под ред. Е. В. Вельмезовой (Дискуссия 2020).

(Алпатов 2004: 51). Тем самым Марр присоединился к усилиям по созданию новых алфавитов (Mannewitz 2010: 94), разработав универсальную систему записи, которая, по его замыслу, должна была выйти далеко за пределы абхазского языка и так называемых яфетических (кавказских) языков. По случаю Первого тюркологического съезда, проходившего в Баку с 26 февраля по 6 марта 1926 года (подробный отчёт см. в (Menzel 1927)), специальная комиссия, учреждённая Народным комиссариатом просвещения Абхазии, постановила после ряда изменений формального и содержательного характера, направленных на упрощение типографского набора и повышение эстетической привлекательности алфавита, ввести ААА в школьное обучение:

...единогласно... в основу принять латинский шрифт, для этой цели одобрить составленный академиком Марром «абхазский аналитический алфавит». Просить его пересмотреть шрифт, упростив письменное начертание как со стороны лёгкости, так и художественности (Марр 1926б: 14–15 = М II: 327 = 1938: 264; ср. также Хашба 1936: 49).

Однако этому единогласному решению предшествовала продолжительная дискуссия, в которой активное участие приняли некоторые представители абхазской интеллигенции, в том числе основоположник абхазской литературы Дмитрий Иосифович Гулиа (1874–1960), не скрывавший своего отрицательного отношения к ААА и сомнений в его приемлемости, о чём рассказал его сын в форме почти романного повествования (Гулиа 1965: 168–172). Также и абхазский народный комиссар просвещения Андрей Максимович Чочуа (1879–1965)¹⁰ в письме к Марру от 29 июля 1925 года перечислил целый ряд недостатков ААА (Мегрелидзе 1985: 38; ср. также Габуниа 2011: 194). В свою очередь, в письме к Чочуа от 21 июля 1927 года Марр подверг критике идею сознательного упрощения языка посредством использования неточной, но привычной орфографии. В подтверждение того, что его алфавит вполне отвечал практическим потребностям, он привёл в русском переводе восьмую максимум выдающегося английского фонетиста Даниела Джоунза (1881–1967):

¹⁰ В разные годы Чочуа занимал должность наркома просвещения Абхазии, руководил Сухумским государственным педагогическим институтом и рядом научных учреждений республики (Куправа 2015).

«Не воображайте, что трудный язык может быть обращён в лёгкий, если облечь его в неточную, но привычно (интимно) выглядывающую <= выглядящую?> орфографию. Вы не можете какой-либо увёрткой уничтожить трудности языка. Вы можете скрыть многие из этих трудностей «лёгкой» на вид орфографией, и результатом будет то, что практически Вы будете в неведении скрытых затруднений и будете скверно говорить»¹¹. Как видите, учёный автор этих строк движим не яфетическим языкознанием, вообще не отвлечёнными теоретическими соображениями, а практическими интересами, и всё-таки точно задался мыслью повторить буквально мысли наши (Хашба 1936: 54 = Марр 1938: 307).

Из-за своей громоздкости и недостаточной наглядности ААА вызывал недовольство и сопротивление, прежде всего со стороны учащихся и школьных учителей, которые жаловались на трудность его усвоения и слабую запоминаемость. В результате даже многие сторонники латинизации стали выступать за возвращение к дореволюционному кириллическому алфавиту (Яковлев 1931: 48–49; Алавердов 1931: 51; Сухотин 1932: 101, прим. 7).

В Абхазии ААА потерпел полный крах ввиду невероятной типографической сложности¹² и в сфере преподавания языка из-за трудности запоминания знаков (см. раздел 1.3, с. 31). Поэтому уже через два года он был заменён унифицированным, основанным на Новом тюркском алфавите (Simonato 2005: 256–257). ААА, учитывавший фонетически более богатый бзыбский диалект абхазского языка, состоял из 76 букв (в литературе нередко приводятся иные цифры), в унифицированном алфавите, ориентировавшемся на более бедный абжуйский диалект, их число было сокращено до 62 (Шапиро 1952: 406; Бгажба 1967: 58; Hewitt 2026: 200).

¹¹ Ср. оригинал (“A Few Maxims for the Transcriber of African Languages”, полужирный шрифт и курсив автора): «(8) **Don’t imagine that a difficult language can be turned into an easy one if you only clothe it in an inaccurate but familiar-looking orthography.** You cannot by any device abolish the difficulties of a language. You may *conceal* many of them by an apparently “simple” orthography, and the result will be that in practice you will ignore the concealed difficulties and will therefore speak the language badly» (Jones, Plaatje 1916: xxxvi). — Сост.

¹² Ср. список опечаток на 13 страницах в «Абхазско-русском словаре» самого Марра (1926в: XLIII–LV), см. также с. 92 настоящей книги.

Не только из-за практического провала, но и из-за визуальной сложности ААА нередко без лишних комментариев и в довольно резких выражениях характеризуется как чудовищная смесь различных систем письма или как нелепый продукт нездоровой фантатии и обычно оставляется без дальнейшего рассмотрения:

...an aberration of the mid 1920s. Marr published in 1922 his ideas for an alphabet designed to represent all the languages of the Caucasus in a move to help unify the region... It was essentially this, eventually renamed 'Abkhaz Analytical Alphabet' of 75 characters that Marr employed in his 1928 Abkhaz-Russian Dictionary... <...> ...an amalgam of Greek, Roman and Cyrillic letter-shapes plus a substantial number of diacritics, which all combine to present the reader with a challenging obstacle-course (even in the absence of printing errors!) (Hewitt, Khiba 2002: 48; годы публикаций ошибочны: см. (აბგოო [Marr] 1923; Marr 1926в). — Сост.).

В некоторых советских социалингвистических работах послемарристского периода ААА вообще не упоминается, хотя деятельность Марра как организатора культурной жизни Абхазии оценивается весьма положительно. При этом в качестве его единственно значимого научного достижения признаётся лишь «Абхазско-русский словарь» (Мarr 1926в). Также и в общих обзорах марризма обычно подробно рассматриваются теория стадильности, классовый характер языка и четырёхэлементный анализ, тогда как ААА остаётся вне поля зрения исследователей. Лишь В. М. Алпатов вскользь упоминает аналитический алфавит, характеризуя его как крайне неудобный и рассматривая прежде всего как воплощение идеи о скором возникновении единого языка человечества, которую он назвал «вредной маниловщиной» (Алпатов 1989: 186). Аналогичным образом и в зарубежной литературе ААА обычно воспринимается скорее как своеобразный графический символ марровской лингвистической теории, чем как самостоятельный объект исследования¹³.

Вместе с тем П. Серио отвергает любые негативные оценки ААА, характеризуя его как сугубо теоретическую конструкцию, созданную учёным-мечтателем:

Critique mesquine, aveugle: peut-on reprocher à un rêveur de n'avoir pas les pieds sur la terre? Marr vivait la tête dans les étoiles, il naviguait en haute

¹³ Показательны оценки «truly horrible» (Hewitt 1995: 337) и, менее категорично, «peculiarly complex» (Hewitt 2026: 200).

mer, entouré de visions cosmiques. Les choses pratiques n'avaient pour lui que peu d'importance. Voilà pourquoi il fascine tant dans l'histoire des logophiles (Sériot 2013: 11).

Действительно, было бы слишком просто — и чрезмерно упрощённо — видеть в ААА лишь неудачный эксперимент раннего советского языкового планирования¹⁴. Гораздо более плодотворным и познавательным представляется исследование возникновения и развития ААА в связи с эволюцией лингвистической теории Марра и её восприятием в советском (и шире — мировом) языкознании.

В настоящей книге предпринимается попытка противопоставить поверхностному и огульному осуждению ААА некоторые ориентиры, которые могут послужить отправной точкой для дальнейшего углублённого изучения данной темы. При этом необходимо должным образом учитывать биографию столь примечательной фигуры, как Марр, которая по сей день остаётся во многих отношениях загадочной и противоречивой¹⁵, неизменно привлекая всё большее внимание исследователей разных дисциплин (см. только что вышедшие материалы конференции «Научная мысль неудержимо движется с потоком новой жизни...», посвящённой 160-летию со дня рождения учёного (Марр 2026)). Именно таким путём пошёл и Л. Л. Томас в своём фундаментальном исследовании лингвистической теории Марра (Thomas 1957). Вместо того чтобы выделять биографические сведения в отдельный обобщающий раздел, как это обычно делается, он рассматривал их параллельно с развитием теоретических взглядов учёного как существенный сопутствующий фактор:

¹⁴ Ср. Matthews (1953: 65): «It inevitably bears the marks of its author's peculiar turn of mind and was constructed, like his palæontological method and his theory of stadial development, out of sober fact and flights of linguistic fancy, which drew their energy from an extraordinary blending of scholarship and imagination».

¹⁵ В случае этой весьма неоднозначной личности даже дата рождения не установлена с полной уверенностью. По словам главного биографа Марра Веры Андреевны Миханковой (1892–1952), сам он указывал 25 декабря 1864 г., то есть 6 января 1865 г. по новому стилю (дата имеется и в формулярном списке), хотя в метрическом свидетельстве значится 4 июня 1864 г., а по утверждениям сверстников он родился в 1863 году (Миханкова 1949: 7; ср. также Thomas 1957: 148, прим. 1; Голубева 2002: 10).

This distribution should also contribute to a more lucid treatment by placing biographical developments within the time span of theoretical developments (Thomas 1957: vii; см. также Phillips 1986: 68).

Подобный подход позволяет осмыслять историю ААА в широком интеллектуальном и культурном контексте, определявшем формирование взглядов и научной деятельности его создателя. Исследование лингвистического наследия Марра требует пристального внимания как к многообразию его научных интересов и энциклопедической эрудиции, отразившихся в насыщенной переломными событиями биографии учёного, так и к историко-культурным условиям появления и практического применения его концепций.

Наряду с реконструкцией внутренних предпосылок ААА представляется необходимым рассматривать его и с точки зрения немарристских (но необязательно антимарристских) подходов к языку. Такой взгляд даёт возможность выявить не только своеобразие данной графическо-лингвистической концепции, но и те весомые возражения и критические отзывы, которые она вызвала у представителей иных языковедческих школ.

* * *

Цель настоящей коллективной монографии заключается в том, чтобы вновь привлечь внимание научного сообщества к ААА, рассматривая его возникновение и развитие в историко-научной перспективе, и, наряду с этим, представить суровую, но лингвистически (и практически) обоснованную критику со стороны Поливанова.

В качестве точки отсчёта публикуется факсимиле наиболее полного описания системы ААА — брошюры «Абхазский аналитический алфавит (к вопросу о реформах письма)», напечатанной Марром ровно сто лет назад (Марр 1926б)¹⁶. В её основе лежит доклад «Об аналитическом латинском алфавите абхазского

¹⁶ В переиздании 1938 года указано, что впервые часть её (§ 8–20) под заглавием «Новый абхазский алфавит» была опубликована в газете «Голос трудовой Абхазии» 18, 19, 20 сентября 1924 года (Марр 1938: 263–264, сноска 1, где приведены заключительные абзацы текста, не вошедшие в брошюру). По сообщению А. Я. Дбара (письма 17–18.06.2026), эти номера газеты не сохранились ни в Абхазии, ни в России, ни в Грузии.

языка» на Первом съезде деятелей краеведения Черноморского Побережья и Западного Кавказа (Бюллетень 1924: 10), который проходил в Сухуме под председательством Марра с 12 по 19 сентября 1924 г. (Лакоба, Дбар 2021: 17).

Текст состоит из философско-идеологического предисловия (с. 1–15) и главной части, которую, в свою очередь, можно разделить на две половины: § 1–14 и § 15–35.

В предисловии Марр обсуждает вопрос реформы письменности как проблему не столько техническую, сколько общественно-историческую. Здесь он подвергает суровой критике как индоевропеистов, отвергающих яфетическую теорию и связанную с ней научную транскрипцию, так и сам термин «индоевропейские языки», считая его научно несостоятельным. В соответствии со своей теорией он трактует их не как особую генетическую языковую общность, а как одну из поздних стадий развития яфетических языков¹⁷, из которых, по его мнению, на более ранних этапах возникли также семитические, а ещё ранее — тюркские и угро-финские языки. Этот взгляд на происхождение индоевропейских языков находит отражение в их переименовании в «прометеидские» — по имени Прометея, сына Яфета¹⁸. Связывая образ Прометея с изобретением огня и, соответственно, с возникновением «металлической культуры», Марр рассматривает широкое распространение последней как один из ключевых факторов формирования «речи новой типологии». От этих общетеоретических построений он переходит к обсуждению проблемы

¹⁷ Состав «яфетических языков» менялся по мере развития теории Марра. Ядром их первоначально были картвельские языки. Позже к ним были присоединены армянский и осетинский, в которых Марр видел исходно яфетические, но подвергшиеся индоевропеизации языки. Однако в период расцвета ААА учёный трактовал яфетические языки уже не как генетическое единство, а как языки, находящиеся на определённой стадии развития и, предположительно, характеризующиеся общими архаическими типологическими чертами (языки более древней «формации»). Это сопровождалось по сути неограниченным расширением данной группы, принимавшей в себя разные изолированные (как живые, так и мёртвые) языки.

¹⁸ Марр с энтузиазмом принимает это терминологическое предложение совсем ещё молодого осетинского лингвиста, а впоследствии известного специалиста по иранским языкам Василия Ивановича Абаева (1900–2001) (ср. Абаев 1926).

письма, подчёркивая насущную потребность развития краеведения и привлечения широких масс к просвещению и науке.

В первой половине основной части Марр, опираясь на свою теорию конвергентного языкового развития («путь человеческой речи от многоязычия к единству языка» — Марр 1926б: 16 = М II: 328 = Марр 1938: 265), рассматривает эволюцию письма как движение «по неизбежному пути» от множества локальных и национальных систем к более универсальным формам графической коммуникации:

При движении по этому неизбежному пути, условия взаимообщения народов всего мира не в меньшей мере требуют единства письма, т. е. тождества основных начертаний алфавита и тождества приемов воспроизведения сложных звуков, исходящего от основных или простых звуконачертаний (Марр 1926б: 17 = М II: 328–329 = Марр 1938: 266).

ААА при этом предлагается не просто как практическое средство записи абхазской речи, а в качестве первого шага к созданию научно-обоснованной системы письма, пригодной для широкого круга кавказских, а в перспективе и других языков земного шара. Исторически сложившиеся алфавиты, такие как армянский и грузинский, Марр считает пережитками старого, отжившего строя и подчёркивает необходимость отказа от их сохранения, связывая реформу письма с насущными задачами культурного строительства, ликвидации безграмотности и сближения народов. Во второй половине подробно обсуждаются общие фонетические и графические принципы аналитического алфавита, воплощающего стремление автора к систематическому отражению звуковой структуры языка. Последние параграфы, посвящённые применению аналитического алфавита к абхазскому языку, сгруппированы в три «лекции» (§ 21–25, 26–32 и 33–35).

Архивная публикация очерка Е. Д. Поливанова «Абхазский аналитический алфавит (Опыт критического анализа)» призвана дать опору для углублённого рассмотрения разработанной Марром системы. Автор весьма убедительно излагает свои возражения против ААА, исходя из наблюдений как теоретического (фонетико-фонологического), так и практического характера. Рукописный оригинал статьи, хранящийся в фонде Н. Я. Марра в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (фонд 800, опись 6, дело 395; Леонтьев 1968: 43), давно ожидал

публикации (см. Концевич 1991б: 291; 1991а: 593). Работой интересовался абхазский филолог и культурный деятель Хухут Бгажба (1914–2000), в своё время переписавший текст оригинала от руки (этот материал находится в распоряжении В. А. Чирикбы). Впервые критическое издание рукописи с текстологическим комментарием и пояснениями было осуществлено в 2017 году (Андронов, Симонато, Томеллери 2017). В настоящей монографии опущен перевод текста на английский язык, выполненный для первой публикации Грацией Джаннеттой.

Тексты первоисточников предваряются рядом очерков, представляющих собой переработанные версии опубликованных работ членов авторского коллектива. В первой главе кратко представлены основные характеристики аналитической транскрипции Марра (автор — В. С. Томеллери, ср. Андронов, Симонато, Томеллери 2017: 191–197); вторая излагает историю аналитической транскрипции в культурно-историческом контексте научной деятельности её создателя (ср. Томеллери 2017); третья рассматривает лингвистическую дискуссию, возникшую вокруг ААА после его введения в качестве официального алфавита (автор — Е. И. Симонато, ср. Андронов, Симонато, Томеллери 2017: 197–207); четвёртая представляет собой обсуждение взглядов Поливанова на некоторые вопросы абхазской фонетики и транскрипции (автор — А. В. Андронов, им же написан текстологический комментарий к рукописи, ср. *ibid.*, с. 207—217). Основу введения составила немецкоязычная статья В. С. Томеллери (Tomelleri 2016a: 116–121).

Авторы выражают благодарность редакциям журналов «*Revue des études slaves*» и «*Studi Slavistici*» за разрешение дополненного переиздания опубликованных в них работ: А. В. Андронов, Е. И. Симонато, В. С. Томеллери, «Евгений Дмитриевич Поливанов, „Абхазский аналитический алфавит“. Издание текста с переводом на английский язык» (*Studi Slavistici*, 2017, 14); В. С. Томеллери, «Абхазский аналитический алфавит академика Н. Я. Марра. Эволюция, революция и языковое строительство» (*Revue des études slaves*, 2017, 88, № 1–2).

Особой признательности заслуживают коллеги из Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии — его директор Арда Енверович Ашуба

и многолетний собиратель абхазской книжности, хранитель интернет-библиотеки <http://apsnyteka.org> Алексей Ясонович Дбар, в общении с которыми возникла идея этой книги. Её активно поддержали Василий Шамониевич Авидзба и Вячеслав Андреевич Чирикба, согласившийся выступить ответственным редактором издания и предложивший открыть им серию монографий «Из истории абхазских алфавитов». Авторы благодарны за неизменное внимание, конкретные конструктивные замечания и всестороннюю помощь в период работы над книгой.

*В. С. Томеллеры,
А. В. Андронов,
Е. И. Симонато*

Глава первая

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АБХАЗСКОГО АНАЛИТИЧЕСКОГО АЛФАВИТА И КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ Е. Д. ПОЛИВАНОВА

Наша транскрипция более последовательна и идёт дальше в цельном планомерном отражении в буквах самой звуковой системы данного языка, построенной на закономерных соответствиях в фонетике различных сроднившихся племенных образований или в закономерных сменах звуков различных эпох. Буквы, будучи каждая графически точной передачей (хотя и условной) изображаемого ею звука, определяемого, как социальное явление, положением его среди других, все вместе дают наглядную картину звуковой системы не данного только, но всех яфетических языков, а так как яфетические языки вскрываются в основе всех европейских или прилегающих к европейским групп или семей языков, — семитических, турецких, угрофинских и протоевропейских (т. н. индоевропейских), — у яфетического аналитического алфавита большие перспективы будущего развития.

Н. Я. Марр. Абхазский аналитический алфавит
(Марр 1926б: 29 = М II: 336 = 1938: 275)

1.0. Абхазский аналитический алфавит является результатом эволюции своеобразной транскрипционной системы, первоначально придуманной Н. Я. Марром в конце позапрошлого столетия для грузинского и армянского языков на основе латинских (в основном), а также греческих, русских и арабских букв в сочетании с надбуквенными и подбуквенными знаками точки и «угла» (˘ ˘) (Марр 1899: xi–xii); см. вторую главу, с. 42–43. Как известно,

с течением времени научные интересы Марра бурно расширились и подвергались существенным изменениям; соответственно развивался и использовавшийся в его работах аналитический алфавит, получивший название яфетидологической транскрипции и служивший для передачи звуков всех кавказских (яфетических) языков: яфетидологическая транскрипция применялась во многих кавказоведческих работах 30–40-х годов (Климов 1962: 15). При этом абхазский язык, один «из сложнейших по консонантизму языков Кавказа» (Ахвледиани 1940: 89), являлся надёжной точкой отсчёта «для разработки универсальной фонетической транскрипции» (Исаева 2011: 148), как неоднократно подчёркивал сам Марр. Ср., например, его слова:

Если же мы, однако, первый опыт начинаем с абхазского письма, есть на то совершенно уважительное основание, независимо от потребности и желания самих абхазов. Дело в том, что абхазский язык имеет почти восемь десятков (не менее 78) звуков. Алфавит, передающий все эти многочисленные фонемы, покрывает потребности громадного большинства даже яфетических языков Кавказа, так разнообразно богатых звуковым составом (Марр 1926б: 27–28 = М II: 335 = 1938: 274).

Данная система, расширенная дополнительными знаками (кружком и «зубчиком» (·)), которые присоединялись к букве справа для обозначения лабиализации и палатализации, в конце концов превратилась в ААА¹, использованный Марром при записи абхазских текстов (Марр 1918 = 1938; см. также Hewitt, Khiba 2002: 48) и в абхазско-русском словаре (Марр 1926в).

1.1. Объективное и последовательное изложение принципов аналитической транскрипции (яснее, чем у самого Марра, — ср. Марр 1926б: 33–34 = М II: 339 = 1938: 278–279; 1927в: 38 = М II: 39) представлено немецким лингвистом и кавказоведом Г. Деетерсом (1892–1961) в обзорной статье о советском языкознании (Deeters 1938: 246–247). Аналитический способ письменной передачи фонем состоял в том, что «простые» звуки обозначались простыми знаками, а «сложные» — составными. Следуя своему индивидуальному, не совсем прозрачному восприятию,

¹ История ААА прослеживается во второй главе (см. также Tomelleri 2016a); интересный лингвистический анализ марровского алфавита предлагается в статье (Matthews 1953), философско-идеологическую интерпретацию см. в (Sériot 2013).

Марр сравнивал аналитическую транскрипцию с системой записи чисел цифрами, различающей позиционно единицы, десятки и сотни (Марр 1926б: 30–32 = М II: 336–337 = 1938: 275–277). Это сравнение неизменно цитируется в работах, посвящённых аналитической транскрипции, напр. (Гранде 1936: 56; Matthews 1953: 67). Согласно математическому принципу, положенному в основу ААА, «пристроенный на простой букве каждый дополнительный знак имеет своё прямое назначение» (Мегрелидзе 1984: 19; см. также Sériot 2013: 15–16, 18). «Звуки-десятки», обозначающие аффрикаты, являются составными: первый их элемент — взрывные зубные (t , d , ϑ)² или заднеязычные (k , g , q), а второй — щелевые, разделяемые Марром на «сибилянты» (s , z , ш , j) и «спиранты» (h , γ , ϵ , y), «из коих в абхазском сохранился самостоятельно... лишь спирант y (среднеязычный сонорный согласный, слабый), воспринимаемый и как полугласный» (Марр 1926б: 41 = М II: 344 = 1938: 285)³.

Следовательно, если, например, грузинские взрывные и щелевые согласные дентального ряда ო [t^h] и ს [s] выражались простыми буквами ϑ и s , то дентальная аффриката ც [ts^h], соответствующая им по месту образования ($= \vartheta + s$), обозначалась той же основной буквой, снабжённой надстрочной точкой: $\vartheta^{\cdot}$ (подробное описание и критический разбор см. ზოქობაძე [Чикобава] 1926: 325–329 = 2010: 164–167⁴; ახვლედიანი [Ахвледиани] 1926; 1938: 176–178; 1949: 178–180 = 1999: 180–182). Кроме точки, в ААА использовался также «угол», по терминологии Марра (1926б: 33 = М II: 338 = 1938: 278). Точка и угол распределены дополнительно: точка ставилась при глухих согласных, угол — при звонких. Поскольку звонкость и глухость различаются уже использованием разных букв, дифференциация точки и угла не имеет особого смысла (ср. Matthews 1953: 68)⁵.

² Сопоставительную таблицу символов ААА и МФА см. на с. 88–89.

³ Сибилянты далее Марр делил на свистящие (s , z) и шипящие (ш , j), а спиранты — на длительные (h , γ) и прерывные (ϵ , y) (Гранде 1936: 55).

⁴ Следует отметить, что фонетическая часть рецензии на древнегрузинскую грамматику Марра (1925а) принадлежала Гиорги (Георгию Саридановичу) Ахвледиани (1887–1973), в будущем выдающемуся грузинскому фонетисту (ზოქობაძე [Чикобава] 1926: 325, прим. 1 = 2010: 164, прим. 1).

⁵ Об использовании этих знаков в рукописи Поливанова см. с. 149.

	Единицы (взрывные)		Единицы (щелевые)		Десятки (аффрикаты)
Придыхательный	<i>ʈ</i> [tʰ]	+	<i>s</i> [s]	=	<i>ʈʰ</i> [tʰʰ]
Абруптивный	<i>t</i> [tʔ]	+	<i>s</i> [s]	=	<i>tʰ</i> [tʰʔ]
Звонкий	<i>d</i> [d]	+	<i>z</i> [z]	=	<i>dʒ</i> [dʒ]
Придыхательный	<i>ʈ</i> [tʰ]	+	<i>ʃ</i> [ʃ]	=	<i>ʈʃ</i> [tʰʃ]
Абруптивный	<i>t</i> [tʔ]	+	<i>ʃ</i> [ʃ]	=	<i>tʃʰ</i> [tʃʰʔ]
Звонкий	<i>d</i> [d]	+	<i>ʒ</i> [ʒ]	=	<i>dʒʰ</i> [dʒʰ]

К «сотням» относятся буквы с диакритическими знаками, обозначающими характерные для абхазского языка признаки лабиализации и палатализации. В аналитическом алфавите признак лабиализации «выражается кружком, который ставится на месте завершения рукописной буквы» (Юшманов 1937: 28), тогда как при палатализации к стержневому знаку прибавляется «зубчик»:

	Десятки (аффрикаты)	Сотни (лабиализация)	Сотни (палатализация)
Придыхательный	<i>ʈʰ</i> [tʰʰ]	<i>ʈʰ</i>	<i>(ʈʰ)</i> ⁶
Абруптивный	<i>tʰ</i> [tʰʔ]	<i>tʰ</i>	<i>(tʰ)</i>
Звонкий	<i>dʒ</i> [dʒ]	<i>dʒ</i>	<i>(dʒ)</i>
Придыхательный	<i>ʈʃ</i> [tʰʃ]	<i><ʈʃ></i>	<i>ʈʃ</i> ⁷
Абруптивный	<i>tʃʰ</i> [tʃʰʔ]	<i><tʃʰ></i>	<i>tʃʰ</i>
Звонкий	<i>dʒʰ</i> [dʒʰ]	<i><dʒʰ></i>	<i>dʒʰ</i>

⁶ В круглых скобках даются фонемы, отсутствующие в литературном абхазском языке, основывающемся на абжуйском диалекте, но засвидетельствованные в фонетически более богатом бзыбском (подробнее см. Бгажба 1964: 30–33 и 43–52); в угловые скобки заключены обозначения теоретически возможных (но не представленных в абхазском) фонем.

⁷ Вместо таких комбинаций (*ʈʃ*, *tʃʰ*, *dʒʰ*) при записи абхазских палатализованных шипящих аффрикат Марр использует знаки без зубчика (поскольку соответствующие непалатализованные трактуются им как геминированные и получают поэтому особый отличительный знак — подстрочную чёрточку: *ṭ*, *ʈ̣*, *ḍ* (Марр 1926б: 42–43 = М II: 344–345 = 1938: 285–286); ср. несогласие Поливанова с употреблением подстрочной чёрточки — пункт 3 на границе листов 15–16 в его рукописи, с. 160 в данной книге).

1.2. Специально не занимаясь вопросами фонетики, Марр рассматривал фонему в аспекте глоттогенеза:

Звуки речи не имеют ничего общего с естественным животным звуко-испусканием. Животные звуки были, разумеется, и у человека в его состоянии ещё зверином. Но звуки речи, так называемые фонемы, это результат особой работы человека, коллективной работы над её производством; они получены в результате общественной работы, по всем видимостям, с коллективной или хоровой песней (Марр 1925б: 26 = М I: 212).

Ср. также его известное определение:

В языке не звук, а фонема, отработанный человечеством членораздельный звук <разрядка моя. — В. С. Т.>, сопровождаемый работой мозгового аппарата, раньше влиявшего в тех же целях на руку, звук, направляемый мышлением, как раньше направлялось им движение руки, жесты и мимика линейной речи (Марр 1926ж: 319 = М II: 200; цитируется также в работе Марр 1929б: 51 = М II: 423–424).

Соответственно, и транскрипционная система Марра была призвана отражать не столько звучание, сколько тип фонем согласно представлениям яфетической теории о сильных и слабых звуках, причём такое наименование носило не физиологический, а «общественный» характер, так как «слабые действительно легче и скорее подвергаются изменениям и даже исчезновению, чем сильные» (Марр 1926б: 29 = М II: 336 = 1938: 275); поэтому «аффрикаты» записаны теми же начертаниями букв, что простые взрывные согласные. Характерная для всех яфетических (кавказских) языков троичная система смычных (глухой абруптивный, звонкий и глухой придыхательный⁸) охватывает все сильные простые согласные, которые изображаются «тремя независимыми друг от друга начертаниями, также простыми, т. е. не только без использования дополнительной буквы, но без всяких придаточных знаков» (ibid.): $p \rightarrow b \rightarrow \varphi$, $t \rightarrow d \rightarrow \vartheta$, $k \rightarrow g \rightarrow q$. Удивляет употребление латинской буквы q (вместо греческой буквы χ) для обозначения взрывного глухого придыхательного $[k^h]$, тогда как при соответствующих звуках губного и переднеязычного рядов

⁸ В терминологии Марра члены этих троек различаются «степенью звонкости»: глухой, звонкий и средней звонкости (Марр 1925а: 10–11; см. также Мещанинов 1931: 5).

выступают греческие буквы φ и ϑ ⁹. Причиной выбора q , по словам лингвиста и востоковеда Николая Владимировича Юшманова (1896–1946), была графическая форма греческого χ , «неудобного для насадки диакритических значков» (Юшманов 1937: 24).

По мнению Марра, «аффрикаты» представляют собой остатки «более ранней стадии развития языка; в языках более новых формаций они слабее представлены, так как часть из них успела уже исчезнуть из того или иного языка» (Гранде 1936: 53). Во всяком случае, если в дентальном ряду графическая передача аффрикат находит подтверждение в артикуляционно-фонетической реализации соответствующей фонемы, то заднеязычные и увулярные относить к аффрикатам фонетически никак нельзя¹⁰, что иллюстрирует следующая таблица¹¹:

	Единицы (взрывные)		Единицы (щелевые)		Десятки (аффрикаты)
Придыхательный	q [k ^h]	+	h [x]	≠	$\dot{q}$ [χ]
Абруптивный	k [kʔ]	+	h [x]	≠	$\dot{k}$ [χʔ]
Звонкий	g [g]	+	γ [ʁ]	≠	$\check{g}$ [ʁ]
Придыхательный	q [k ^h]	+	ϵ [χ]	≠	$\langle q \rangle$ [q ^h]
Абруптивный	k [kʔ]	+	ϵ [χ]	≠	$\langle k \rangle$ []
Звонкий	g [g]	+	y [ʁ]	≠	$\langle g \rangle$ []

О трудности собственно фонетической интерпретации марровских аффрикат свидетельствует замечание Юшманова:

В самом деле, настоящий аффрикат мы получили бы только из $g + \gamma$, тогда как придыхательное q <МФА [k^h]> и эктивное k <[kʔ]> нисколько не изменились бы в сложениях $q + h$ и $k + \epsilon$, так как придыхание h

⁹ См. также в публикуемой рукописи Поливанова (л. 13, с. 159): «В первых двух рядах (губном и переднеязычном) взяты греческие буквы, а, следовательно, аналогия требовала бы и в третьем ряду (для k' (МФА)) взять греч. χ („хи“)».

¹⁰ Юшманов (1937: 33) употребляет для обозначения марровских заднеязычных «аффрикат» удачный термин «аффрикатоиды».

¹¹ Таблица основывается на работе Мещанинова (1931: 10); в угловые скобки заключены звуки, отсутствующие в абхазском языке. Пустые квадратные скобки обозначают неясность фонетического значения «аффрикатоида».

и гортанный взрыв ϵ друг друга уничтожают, а сложение $g + y$ дало бы палатализованное (или даже палатальное) $g...$ (Юшманов 1937: 33).

Ср. о том же у Поливанова (л. 16–17, с. 160):

Наиболее существенным недостатком ААА (и Яфетидологической транскрипции вообще) является употребление надстрочной точки $\cdot$ в $\dot{k} \dot{q}$ (— для глубоко-заднеязычных $q^? x$ (МФА)). Ведь по трактовке Марра $\cdot$ над буквой (как напр. в $\dot{i} \dot{\vartheta} = c^? c^?$) означает определённый сорт аффрикат (— в ряду переднеязычных, — свистящие аффрикаты). Но что же общего с аффрикатами в $\dot{k} \dot{q}$ (ААА) = $q^? x$ (МФА)? Очевидно, Марр совершенно упускает разницу между k и $\dot{k}$ (ААА), т. е. между $k^?$ и $q^?$ (МФА) по месту образования (в первом случае — не-глубокий, во втором — глубокий заднеязычный ряд), заменяя её метафизическим (— для данного случая) понятием аффрикатности <выделено Поливановым>¹².

По своей сути, отразившейся и в терминологии, яфетидологическая транскрипция, претендовавшая на универсальный характер, не могла на самом деле являться собственно фонетической, поскольку автор ставил перед ней иную задачу: отражать звуковую систему сразу нескольких языков, понимаемую как комплекс единиц, связанных закономерными историко-фонетическими соответствиями, — см. эпиграф к данной главе, с. 24).

На это указывал и Поливанов:

...яфетидологическая транскрипция, несмотря на то, что в основе её и лежат известные теоретические положения, не является фонетической транскрипционной системой (дело в том, что выбор известных обозначений продиктован не физиологическим составом данных звуков, а этимологическими соображениями о происхождении их; фонетическим *nonsens*'ом является и распространение понятия «аффрикат» на заднеязычные спиранты и смычные, а с ним и появление знаков вроде $\dot{k} \dot{q} \dot{k} \dot{q} \dot{g}$ — в параллель к $\dot{i} \dot{\vartheta} \dot{t} \dot{\vartheta} \dot{d}$ (тогда как на самом деле подлинные заднеязычные аффрикаты представлены в меньшинстве кавказских языков, и в таких системах, как грузинская, абхазская или чеченская, совершенно отсутствуют)) (Поливанов 1928а: 177)¹³.

Любопытны в этом отношении слова Юшманова, защищавшего терминологическую неувязку:

¹² Сходные соображения высказывал и Г. Деетерс, отмечая противоречивые и нелогичные графические комбинации, используемые для велярных и поствелярных звуков (Deeters 1938: 246).

¹³ О непоследовательности ААА см. также (Matthews 1950: 22; 1953: 68).

В аналитическом алфавите звуки, которые по способу Международной фонетической ассоциации можно обозначить [χ', в, χ] и [q', с, q'], трактуются как аффрикаты, причём первый ряд называется «длительными аффрикатами», а второй ряд «прерывистыми аффрикатами»; в этих названиях уже есть указание на современное произношение первого ряда без предыдущей смычки, а потому длительное, и второго ряда — без последующего щельного, а потому мгновенное или прерывистое. Но ведь «аффрикат» с эпитетом «длительный» или «прерывистый» является противоречием? Да, но такими противоречиями полна вся фонетика (Юшманов 1937: 32).

1.3. В рамках языкового строительства ААА был введён в качестве официального алфавита для абхазского языка¹⁴, но смелый эксперимент «вследствие практических неудобств (многобуквенность, чрезвычайная сложность графического начертания букв)» (Бгажба 1967: 58)¹⁵ провалился; в результате спустя два года он был заменён другой системой, также основанной на латинском письме¹⁶. До и после кратковременного периода использования

¹⁴ Обычно считается, что он официально использовался в Абхазии с 1926 по 1928 год (Бгажба 1967: 58; Ломтатидзе 1967: 102; Hewitt 2026: 200), но выдающийся лингвист и кавказовед Николай Феофанович Яковлев (1892–1974) даёт несколько иную датировку: «...абхазский аналитический алфавит, будучи принят в Абхазии в 1924 году и практически введён в школы и печать в 1925 году, уже через два года вызвал сильнейший протест учительства и был заменён существующим сейчас новым унифицированным алфавитом» (Яковлев 1931: 49; см. также Мapp 1926б: 14 = М II: 327 = 1938: 264). Эта датировка подтверждается также свидетельством ответственного секретаря Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита Абдула Камчин-Бека (годы жизни неизвестны) в отчётном докладе на третьем пленуме (ВЦКНТА III: 33), её указывает и Поливанов (см. публикуемую рукопись, л. 4, с. 153). Последнее обобщение противоречивых свидетельств о времени практического внедрения ААА предлагает В. А. Чирикба (2021: 145–146), склоняясь к 1927 году (ср. также Chirikba 2023: 11).

¹⁵ Ср. также Яковлев (1931: 48): «Благодаря обилию одинаковых стержневых букв ААА чрезвычайно трудно запоминается. Такие знаки, как *t, i, d, ḍ, k, ḳ* и т. д., постоянно путаются у обучающегося грамоте. Отсюда повышенные рецидивы неграмотности, полное забвение выученного алфавита школьниками во время каникул» (о том же у Поливанова, л. 22–23, с. 163).

¹⁶ Историю абхазских алфавитов на латинской графической основе, сменивших ААА, излагает В. А. Чирикба во втором выпуске серии «Из истории абхазских алфавитов»; см. также более ранние публикации (Чирикба 2021; Chirikba 2023).

ААА в качестве официального алфавита велись научные дискуссии о его недостатках и, прежде всего, о его применимости к решению практических задач. В спорах принимали участие видные языковеды того времени, в частности Н. Ф. Яковлев (1931; об этом см. также Simonato 2005 и Tomelleri 2016a: 141–142) и Е. Д. Поливанов (см. также третью главу).

Глава вторая

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ АБХАЗСКОГО АНАЛИТИЧЕСКОГО АЛФАВИТА

В свете науки все разновидности существующих языков представляются детищем единого процесса эволюции человеческой речи. Изучение характера и условий процесса дальнейшей эволюции прокладывает путь к работе над созданием единого языка, общего для всего человечества. Только такая установка вопроса поможет нам правильно разрешить проблему практической осуществимости задачи — создания единого письма. Без решения этой задачи великий лозунг полного культурного самоопределения всех народов, входящих в состав нашего Союза, может привести <sic!> к культурной катастрофе, превратив письменность из орудия общения народов в орудие для их разобщения. <...> Таким же пороком, — думается мне, — грешат и все так называемые транскрипции или научные алфавиты, построенные по чисто индивидуалистическому принципу. Не подлежит сомнению, что подлинное научное письмо, как полное отражение системы человеческой речи во всем многообразии её проявлений, — должно быть таким же доступным для восприятия построением, как и введение единообразного начертания цифр.

Н. Я. Марр. Письмо и язык будущего
(Марр 1925в: 1014–1016)

2.0. Академик Н. Я. Марр представляет собою, без всякого сомнения, чрезвычайно сложную, загадочную, одновременно светлую и тёмную личность в истории культуры: ущерб, который был на долгие годы нанесён советскому языкознанию¹ им и его

¹ О феномене Марра и его отрицательном влиянии на развитие советского языкознания подробно говорится в монографии В. М. Алпатова (2004).

«кликой терроретиков» (Исаченко 1978: 83), может быть противопоставлено положительное влияние его идей на литературные и культурные исследования межвоенного периода (Brandist 2015a: 194).

Современники (см., напр., Абаев 1935: 7; Кипарисов 1935: 7) неизменно отмечали необычайный диапазон его научного творчества и исключительное разнообразие интересов, охватывавших самые различные области гуманитарного знания (востоковедение, лингвистика, история памятников письменности, литературоведение, фольклористика, археология, этнография, краеведение) и множество языков (грузинский, армянский, арабский, персидский, турецкий, абхазский, баскский и др.), что значительно затрудняло проверку как фактической основы его исследований, так и построенных на ней более или менее фантастических предположений. Показательны в этом смысле, например, слова лидера советской историографии Михаила Николаевича Покровского (1868–1932) о том, что подавляющее большинство слушавших доклад Марра «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории» на Первой всесоюзной конференции историков-марксистов (28.12.1928 — 4.01.1929) не были в состоянии проверить его утверждения, а должны были принимать их на веру (из прений, помещённых на страницах издания (Марр 1930a: 305), см. также (Зуев 2005: 69)). О том же неоднократно говорил Е. Д. Поливанов в своём знаменитом выступлении «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория» в Коммунистической академии в феврале 1929 года (Поливанов [1929]/1991: 521, 547, 548, 549). В заключительном слове после прений он призывал своих оппонентов к критическому мышлению: «Никогда не будьте верующими, а создавайте действительно дисциплину, основанную на марксистском методе, действительно проверенном фактами, а не на вере» (*ibid.*, с. 552)². Ср. также восклицание

² Материалы «Поливановской дискуссии» предполагалось опубликовать (ср. протокол заседания бюро подсекции материалистической лингвистики Коммунистической академии 17 марта 1930 г. за подписью Марра: «По возможности дискуссию отпечатать полностью. Предоставить редакции сборника право в случае необходимости изъять менее важный материал» — Архив РАН: ф. 358, оп. 1, д. 69), однако свет тексты выступлений Поливанова увидели лишь в составе второго тома его «Избранных работ»

слависта Григория Александровича Ильинского (1876–1937) из его письма в марте 1929 года Борису Михайловичу Ляпунову (1862–1943): «Если он <Марр. — В. С. Т.> так легкомысленно работает в области славянских языков, то как же верить его информации в сфере таких трудных и малоисследованных языков, как чувашский, берберский, баскский и пр.?!» (Робинсон 2004: 159).

Неудивительно, что в многочисленных исследованиях, посвящённых разносторонней, но лихорадочной деятельности Марра, из безбрежного моря тем обычно выделяется и подвергается критической оценке лишь малая капля.

Помимо этого, его особенно витиеватый стиль изложения, «совмещающий в себе черты научного, делового и публицистического (массово-информационного) стилей» (Романенко 2001: 117), напоминает больше «камлание шамана, чем рассуждения учёного» (Алпатов 2002: 478)³; такая манера характеризуется особым чередованием предложений, которые будто вкладываются одно в другое, что нередко возмущает и приводит в недоумение даже опытного и доброжелательного читателя. Главный же недостаток более художественной, чем научной прозы Марра (Васильков 2001: 416; ср. также Алпатов 2004: 241), судя по словам его друга и коллеги, германиста Фёдора Александровича Брауна (1862–1942)⁴ в частном письме от 24 марта 1921 г. Фёдору Ипполитовичу Щербатскому (1866–1942), состоял в том, что Марр совсем не умел «говорить, и ещё меньше — писать, т. е. спокойно и убедительно доказывать что-либо, нанизывая аргумент на аргумент» (цит. по: Тункина 2000: 388)⁵.

(Поливанов 1991: 507–588; актуальный шифр хранения — Архив РАН: ф. 358, оп. 2, д. 58, 59).

³ О том, являлся ли Марр настоящим учёным или шарлатаном, см. (Meurs 1998: 232–234) и (Алпатов 2004: 253–257). П. Серио считает, что он был не лингвистом, а философом языка (Sériot 2013: 10).

⁴ Сведения об этом интересном человеке, профессоре и декане историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, слушавшем лекции Ф. де Соссюра (Lepschy 1969) и с 1921 г. жившем и работавшем в Лейпциге, содержит статья (Тихонов 2016).

⁵ См. также адресованные Марру лично критические замечания того же Брауна (Тункина 2000: 389); ср. (Slezkine 1996: 844 = 1999: 248, прим. 81).

Другим, не менее важным препятствием для верного анализа его научного наследия является то обстоятельство, что работы Марра нередко переиздавались отдельными брошюрами или в сборниках⁶ и цитировались — и частично ещё продолжают цитироваться — вне временных и пространственных рамок первоначального появления⁷; это приводило к тому, что высказанные в них положения часто трактовались без должного учёта историко-культурного и эпистемологического контекста⁸. К тому же сам Марр нередко менял свои научные взгляды, возвращаясь к уже давно отвергнутым мнениям или опровергая совсем свежие идеи (Башинджагян 1936: 6; Brandist 2015a: 195). Подобные изменения он сам не воспринимал как слабость, а, наоборот, считал «естественным результатом развития и эволюционного видоизменения» своей теории (Марр 1928: 4 = М IV: 54 = Марр 1938: 349; см. также Аптекарь 1936: 14; Миханкова 1949: 47).

Тот факт, что научная деятельность Марра началась задолго до Октябрьской революции и бурно развивалась в течение первых десятилетий укрепления советской власти, делает его наглядным образцом для исследования сложных и запутанных условий существования науки под натиском формирующейся тоталитарной идеологии (Зуев 2005: 10). В конце 20-х и в начале 30-х годов советская лингвистика является ярким примером дисциплины, переживающей процесс смены поколений, в котором

⁶ Крупным событием, в этом отношении, является пятитомное издание его избранных работ, начатое накануне кончины автора и вышедшее с 1933 по 1936 г. (М I–V). Библиография печатных трудов академика Марра насчитывает, до 1996 года включительно, 722 названия (ბაბუხაძე, ბოჭოკაშვილი [Бабухадиа, Бичикашвили] 2004: 17–54); литература о его жизни и деятельности, вышедшая до 2001 года, содержит 781 наименование (ibid., с. 55–99).

⁷ Следует здесь упомянуть также тематически структурированный цитатник (Марр 1933a), опубликованный под редакцией Валериана Борисовича Аптекаря (1899–1937), одного из наиболее ярых апологетов марризма и автора работ полемически-пропагандистского характера; уже в новом тысячелетии сборник был переиздан под названием «Яфетидология» (Марр 2002).

⁸ Именно поэтому И. И. Мещанинов подверг указанный в предыдущем примечании цитатник серьёзной критике (Мещанинов 1934: 132; ср. также Алпатов 2002: 477–478).

борьба за авторитет усугублялась вмешательством социально-политических обстоятельств (Reznik 2007: 151). В этой напряжённой и сложной атмосфере Марр является чуть ли не единственным представителем академической элиты, который, в отличие от большинства коллег, не стеснялся уже в возрасте воспринимать марксистское учение и показывал свою готовность к действительному сотрудничеству с пришедшими к власти большевиками⁹. Уже в зените карьеры он даже вступил (необычным путём — без кандидатского стажа) в коммунистическую партию (Алпатов 1989: 186). При негативной оценке, вызываемой его компромиссной стратегией поведения, нельзя не признать, что оно имело также положительные последствия: например, считается, что своей пламенной речью Марр в 1929 году спас стоявшую под угрозой разгона Академию наук, упорно сопротивлявшуюся большевизации (Tolz 1997: 96; см. также Тункина 2000: 390; Васильков 2001: 420).

Ещё до революции Марр являлся страстным и непримиримым противником западной науки — как индоевропейского языкознания, так и востоковедения; он откровенно выступал против европейского «гуманизма» «с аристократической тенденцией отличать белую кость от чёрной, отличать европейскую культуру от иной по времени или месту» (Марр 1915а: 281 = 1995: 54) и горько сожалел об отсутствии в российских университетах «не только действительно универсального образования, но и общего ориентального образования хотя бы особо, рядом с общим европейским „гуманитарным“ образованием» (Марр 1915а: 303 = 1995: 76). Как замечает В. Тольц (2013: 161), в контексте Первой мировой войны тон его выступлений стал более враждебным и резким:

Словом, европейский Запад выдвинул и продолжал усиленно выдвигать против территориального расширения России все культурные свои средства с расчётом связать с собою духовно и экономически местные народности и обратить их в орудие своего культурного господства в Передней Азии (Марр 1915а: 327 = 1995: 100).

⁹ Характерна бóльшая политическая активность и независимость представителей естественных наук по отношению к большевистской власти в сравнении с робостью гуманитариев (Булыгина 1999: 95; ср. также Tolz 1997: 22).

И когда исполнение такого высокого долга в отношении Армении, этого ветхого деньми возрождающегося из пепла феникса, ложится волею судеб на русский народ, то иго это — благо и бремя это — легко, так как мало сказать, что в нём имеем мы новое моральное оправдание нашего выступления на кавказском фронте. Перед Россией чрезвычайный случай проявить в действии чуткую к духовным красотам красоту души великого народа, народа-освободителя, прокладывающего дорогу мировой и своей свободы неуклонным путём освобождения страждущих и угнетённых народов (*ibid.*, с. 330 = 103).

Такие негативные восклицания, выражающие «идейную нетерпимость, категоричность и воинственность»¹⁰ по отношению к любой форме империализма, расизма и колониализма, хорошо вписывались в прямолинейное противопоставление хорошего и плохого, своего и чужого, характерное для советского общества, в постоянном поиске внутреннего и внешнего врага, с которым вести ожесточённую борьбу классов (Булыгина 1999: 40; см. также Tolz 1997: 179). Марр неким образом опередил советскую риторику, ведь в его агрессивных выступлениях проскальзывала именно та экстремальность, которая стала главным и обязательным фактором господствующей идеологии в 1920–30-е годы (Булыгина 1999: 56). В советском дискурсе, однако, основное значение при преобразовании старой яфетической теории и её превращении в «новое учение о языке» придавалось новым жизненным и политическим условиям, созданным Октябрьской революцией (Аптекарь 1929: 263), которые «окрылили Н. Я. Марра в его творческих исканиях и вдохнули в него такой чисто юношеский пыл, такую страстность и решительность в перестройке и отрицании старых построений, в том числе и его собственных» (Абаев 1935: 12; см. также Абаев 1960: 99 = 2006: 98).

Следует ли считать Марра невинной жертвой трагических политических обстоятельств (Васильков 2001) или сознательным и умелым руководителем разгрома сравнительно-исторического языкознания и ряда других лингвистических направлений (Исаченко 1978; Алпатов 1989: 185–186), относимым современниками к «злым гениям»¹¹ (Робинсон 2004: 156; 2025: 238) — «ковчегом

¹⁰ Так Т. А. Булыгина (1999: 35) характеризует риторику В. И. Ленина.

¹¹ Это выражение Г. А. Ильинского из письма 16 апреля 1929 г. Б. М. Ляпунову, в котором автор сообщает о своей тревоге за судьбу подготов-

разрушительных идей», по его собственному ироническому определению (Марр 1930б: 48 = М I: 255)? На данный момент невозможно однозначно ответить на этот вопрос; может быть и не стоит на него отвечать. Создаётся, однако, вполне оправданное впечатление, что политический переворот и постепенная идеологизация науки при советской власти придали новый толчок всеобъемлющему развитию, в мировом масштабе, его идей, сформулированных ещё в царское, дореволюционное время. Не подлежит никакому сомнению, что Марр тонко чувствовал механизмы власти и, понимая её ключевую роль в поддержке научных начинаний, умел ею пользоваться для достижения поставленных амбициозных целей, всегда стремясь к успешной карьере и укреплению собственного общественного и академического положения (Зуев 2005: 154); он был единственным академиком, избранным ещё в 1912 году, который сотрудничал с политическим руководством до и после революции (Tolz 1997: 172). Наряду с напряжённым научно-исследовательским трудом, Марр исполнял невероятно большое количество общественно-политических обязанностей в старых и недавно созданных учреждениях (Tolz 1997: 94–95; Smith 1998: 84; Васильков 2001: 395); поскольку во время культурной революции высокое общественное положение играло во всех областях науки и высшего образования решающую роль, занятие руководящих должностей очень помогало Марру не только защищать свою позицию, но даже значительно укрепить её и в конце одержать победу в борьбе за лидерство в марксистской лингвистике (Reznik 2007: 161).

Не будем здесь подробно останавливаться на вопросе о том, какое значение имело его смешанное и незнатное происхождение из захудалой периферии русского царства (Алпатов 2002: 475–476; 2004: 263; см. также Тольц 2013: 30)¹². В этом смысле

ленной им праславянской грамматики, в конце концов действительно оставшейся неопубликованной (Марр остановил публикацию — Робинсон 2004: 165 = 2025: 248). Ильинский был единственным участником февральской дискуссии 1929 г., публично поддержавшим Поливанова.

¹² Против этого объяснения возражает Шилков (2004: 75–76). По поводу характера академика были также сделаны и социально-психологические выводы: «...Марр в детстве пережил в особо резкой форме то, что переживает ребёнок, выросший в смешанной семье европейца и „туземки“ в условиях колониальной страны» (Васильков 2001: 397).

особого внимания заслуживает характерное для столичной среды недоверие к провинции, что отразилось в реакции учителя Марра, ориенталиста Виктора Романовича Розена (1849–1908) на выдвинутую им гипотезу о родстве грузинского языка с семитическими:

Моё заявление об этом наблюдении встречено было более чем скептически. Известный ориенталист Розен (арабист) предсказывал мне полное фиаско, сказав, что если бы это было верно, то не ждали бы приезда кого-либо с Кавказа и давно это стало бы известно (Марр 1927б: [6] = M I: 9).

Не исключено, что пафос теоретических утверждений Марра был своеобразной защитной реакцией на испытанное им чувство национальной неполноценности¹³. Неслучайно в юбилейном докладе «Яфетидология в Ленинградском гос. университете» он говорит о «ленинградских и московских академических кругах, которые глухой стеной сомкнулись против нового учения об языке» (Марр 1930б: 48 = M I: 254), вкладывая в уста своих оппонентов «легенду», согласно которой, дескать,

...с дикого Кавказа явился дикий человек, вздумавший учить учёных, возомнил, что мало кому известный и ещё менее кем-либо изученный некультурный грузинский язык может тягаться своим значением для учения об языке с такими богато-культурными классическими языками, как санскрит, как греческий, как латинский или хотя бы древне- и среднеперсидский. Только в такой невежественной среде, как наша современность, может иметь успех подобное невежественное построение, как яфетическое учение об языке (ibid., с. 49 = 255).

Он настойчиво стремился продемонстрировать вклад своего родного грузинского языка и кавказских языков в целом в культурную историю человечества (Марр 1902: 15 = 1995: 38)¹⁴.

Цель настоящей главы — коротко проследить отнюдь незаурядную историю ААА¹⁵, который в течение нескольких десятилетий дополнялся, преобразовывался, приспособлялся к очередным научным задачам и, соответственно с новой

¹³ Ср.: «All of Marr's major theoretical statements were stories of personal and national victimization followed by personal and national vindication» (Slezkine 1996: 834 = 1999: 218).

¹⁴ «„Идеей фикс“ Марра с самого начала был постулат о великой исторической роли, славном прошлом и общем происхождении кавказских народов» (Алпатов 2004: 255).

¹⁵ ААА подробно исследован с лингвистической и идеологической точек зрения в работах (Matthews 1953; Sériot 2013; Tomelleri 2016a).

приобретённой функцией, переименовывался. Выбор этого аспекта исследовательской деятельности Марра на первый взгляд кажется формальным и маловажным, однако он ни случаен, ни произволен, ибо сам Марр, как уже говорилось выше (см. с. 14), считал эту систему графической передачи звуков основой своей лингвистической теории, наряду с пресловутыми четырьмя элементами (Марр 1931a: 15 = М II: 256).

Первоначально эта система, опирающаяся на латинскую графическую основу, называлась просто «аналитической транскрипцией», затем она стала яфетидологической и, наконец, получила название «абхазский аналитический алфавит» уже в практическом, но кратковременном применении к реформе абхазской письменности. Различные названия этой графической системы сопровождают более или менее существенные изменения теории (или теорий?) Марра и её (их) место в советском эпистемологическом и, в частности, лингвистическом пространстве: внезапные взрывы и скачки в развитии лингвистической мысли учёного отражаются на используемой и пропагандируемой им транскрипционной системе.

2.1. Первый этап: армяно-грузинская транскрипция. В речи, прочитанной 9 декабря 1901 года на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета перед защитой докторской диссертации по книге (Марр 1899), Марр выдвигал задачу неразрывного изучения армянского и грузинского народов в аспекте их духовной и материальной культуры:

...обрисовалась для меня необходимость признать вообще арменистику и грузиноведение двумя неразрывно связанными областями одной цельной отрасли востоковедения, именно армяно-грузинской филологии (Марр 1902: 1 = 1995: 24).

Грамматические и фонологические сходства, восходящие, по мнению Марра, к общему источнику¹⁶, убедили учёного

¹⁶ «...По моей теории, грузины, действительно родственны армянам, и некогда армяне, неариизованные армяне, говорили на языке родственном грузинскому» (Марр 1902: 4 = 1995: 27). О предполагаемом, но никогда не доказанном родстве грузинского и армянского языков с семитическими языками см. также (Марр 1915a: 287 = 1995: 60): «Многочисленные народы и племена всех трёх полос <т. е. южной, северо-западной и северо-восточной группы кавказских языков. — В. С. Т.> составляли одну по

в необходимости и целесообразности разработки для передачи армянских и грузинских слов единой транскрипционной системы, в которой употреблялись бы в основном латинские буквы с добавлением нескольких знаков из греческого и русского (т. е. кириллического) алфавитов. Свою систему, основанную на аналитическом принципе и носящую научно-теоретический характер, он противопоставлял практической, более простой и удобной для обычной типографии системе, задачей которой было дать читателю определённое представление о произношении. По мнению Марра, его транскрипция имела дополнительное преимущество, объединяя грузинский и армянский языки в рамках яфетической теории об их родстве с семитскими, а аналитическая природа её заключалась в том, что «простым» звукам соответствовали обычные буквы латинского (реже греческого) алфавита, тогда как для изображения сложных звуков к ним сверху и снизу добавлялись диакритические знаки в соответствии с математическим принципом изображения чисел (см. раздел 1.1, с. 25):

В транскрипции армянских и грузинских текстов, как всегда, так и здесь, я держусь двойной системы. Одна имеет практическое назначение ознакомить читателя с приблизительным произношением данного слова; она осуществима почти в любой типографии и состоит в применении русского алфавита, с пополнением недостающих в нём начертаний 1) обычным описательным путём ($\partial\text{ж} = \partial, \text{ж} = \partial, \partial\text{з} = \partial, \partial$), 2) буквами со значками ($\acute{m} = \text{p}, \text{о} = \text{p}, \acute{k} = \text{p}, \text{j}, \acute{u} = \text{d}, \text{f}, \acute{e} = \text{q}, \text{w}, \acute{c} = \text{d}, \text{f}, \acute{p} = \text{p}$ и т. п.), 3) латинскою буквою *h* (*h*, *h*) и ещё 4) знаком краткости $\sim$ (*p*). Другая, преследующая исключительно теоретические задачи, основана на сравнительном изучении армянских и грузинских звуков, вызванном моей теорией, с одной стороны, родства грузинского языка с семитическими и, с другой, — общности у грузинского и армянского языков многих коренных лингвистических явлений, находящей своё объяснение в том, что грузины и неариизированные армяне, предки настоящих армян, представляли с некоторыми ещё другими народностями членов одной лингвистической семьи, условно называемой мною яфетидскою в параллель установившемуся термину „семитический“. Эта теория, основные положения которой, я уверен, в своё время будут приняты всеми заинтересованными как бесспорные факты, побудила меня усвоить следующую

крови, тогда без примеси, родственную семью. Они говорили на наречиях и говорах одной и той же ветви или семьи языков, недавно выделенной в науке под названием яфетической. Яфетическая семья братски родственна с семитической семьёю, но не тождественна с нею».

транскрипцию, в оправдание которой нахожу лишним входить на этих страницах. Для случаев такой транскрипции в настоящей книге достаточно указать, что в её основе лежит латинский алфавит, но допущены дополнительные начертания: три греческие (γ , φ , ϑ) и одно русское ($ш$). Характерные звуки названных языков по этой транскрипции имеют следующий вид: ρ , $\sigma = \vartheta$ | π , $\eta = q$ | δ , $\nu = \dot{t}$ | $\gamma = k^{17}$ | g , $\zeta = \vartheta$ | h , $b = \dot{q}$ | λ , $\theta = \dot{d}$ | κ , $\tau = \dot{t}$ | $[\rho] = k$ | ξ , $\chi = \dot{d}$ | ς , $\beta = \vartheta$ | $\zeta = q$ | ψ , $\omega = \varphi$ | ϕ , $\Phi = f$ | $\pi = r$ | j , $\alpha = y$ | ζ , $\theta = ш$ | δ , $\eta = j$ | q , $\Phi = z$ и т. д. (Марр 1899: xi–xii; ср. также Миханкова 1949: 97–98).

В своих ранних лингвистических работах Марр ещё придерживался принципов сравнительно-исторического языкознания и младограмматических представлений о действии фонетических законов и регулярных звуковых соответствий (Климов 1981: 7), рассматривая языковое родство как факт происхождения из единого общего праязыкового источника (Matthews 1950: 3–4; Климов 1965: 67; Szemerényi 1982: 2). Он даже употреблял характерную для лингвистики XIX века биологическую метафору, указывая на то обстоятельство, что из-за скрещивания арийской и неарийской рас в армянском и грузинском языках «оборвалась нить постепенного органического развития» (Марр 1902: 9 = 1995: 32). Марр долго оставался верным традиционному методу: в 1916 он указывал на отсутствие сравнительно-исторической грамматики горских языков, от которого «сильно страдает общая сравнительная грамматика яфетических языков» (Марр 1916: 26 = М I: 77 = 1938: 148), а в 1922 опять же писал о принадлежности грузинского языка к яфетической семье языков (Марр 1922: 19).

Исходя из звуковой близости армянского и грузинского, Марр придумал своеобразную транскрипцию, позволявшую графически изобразить все фонемы обоих языков с помощью аналитической системы. Введение в научный оборот подобной транскрипции относится к начальному периоду исследовательской деятельности Марра, когда учёный интенсивно занимался текстологической и археологической работой в области армянской и грузинской культур (Reznik 2007: 152)¹⁸.

¹⁷ В издании ошибочно напечатаны кириллические буквы: $\dot{k}$ и $\dot{q}$.

¹⁸ Об основных этапах научной биографии Марра см. (Аптекарь 1930; Миханкова 1949), выявлением их связи с развитием теоретических взглядов учёного занимались и в последнее время (Tuite 2011: 201; Stachowski 2013: 252).

Аналитический алфавит выступает, естественно, в грамматиках древнеармянского и древнегрузинского языков: в первой таблице грамматики древнеармянского языка (см. рис. 2), согласно принципу, предложенному в вышеупомянутой диссертации (Марр 1899: xi–xii), Марр передаёт чтение армянских букв при помощи русских соответствий (кириллическими буквами), а для научной транскрипции использует латинский алфавит (Марр 1903: 2–3).

Во второй таблице грамматики древнегрузинского литературного языка (рис. 3) — написанной гораздо раньше, но по разным причинам вышедшей с большим опозданием лишь в 1925 году — приводится «грузинский древнелитературный алфавит с позднейшими, равно армянскими и русскими соответствиями и аналитической (яфетидологической) транскрипцией» (Марр 1925а: [028–029]); ср. также таблицу печатных букв новогрузинского алфавита в работе (Марр 1926е: 1) — рис. 4.

С течением времени Марр начал испытывать отрицательное отношение к древним алфавитам, усугубившееся после революции, когда в древней письменной традиции стали видеть защиту интересов господствовавшего социального класса. В первое десятилетие XX века учёный всё больше обращал внимание на

ТАБЛИЦА I.

АЛФАВИТЪ.

НА- ЗВАНІЯ.	НА ЧЕРТАНІЯ. НАЧ. АЛ.	СТРОЧ.	КУРСИВЪ.	ПРОИЗНО- ШЕНІЕ.	ЦИФР. ЗНАЧ.	ТРАНС- КРИПЦІЯ.	ГРУЗИН.
1. ա	Ա	ա	ա	а	1	a	з
2. բ	Բ	բ	բ	б	2	b	д
3. գ	Գ	գ	գ	г	3	g	о
4. դ	Դ	դ	դ	д	4	d	э
5. ե	Ե	ե	ե	е	5	e	й
6. զ	Զ	զ	զ	з	6	z	ф
7. ի	Ի	ի	ի	э (§ 23)	7	ē	ѳ
8. լ	Լ	լ	լ	ъ (§ 12)	8	ə	[л]
9. ռ	Ր	ր	ր	т (§ 7)	9	ð	о

Рис. 2. Древнеармянский алфавит (Марр 1903: 2–3)

НА- ЗВАНІЯ.	НА ЧЕРТАНІЯ.			ПРОИЗНО- ШЕНІЕ.	ЦИФР. ЗНАЧ.	ТРАНС- КРИПЦІЯ.	ГРУЗИН.
	НАЧАЛ.	СТРОЧ.	КУРСИВЪ.				
10. ძ	ძ	ძ	ძ	Ж	10	j	ჟ
11. ჩ	ჩ	ჩ	ჩ	И	20	i	ი
12. ლ	ლ	ლ	ლ	Л	30	l	ლ
13. ხ	ხ	ხ	ხ	Х	40	q	ხ
14. თ	თ	თ	თ	Ц (§ 8)	50	t	თ
15. კ	კ	კ	კ	К	60	k	კ
16. წ	წ	წ	წ	h (§ 4)	70	h	წ
17. ღ	ღ	ღ	ღ	ДЗ (§ 8)	80	đ	ღ
18. ვ	ვ	ვ	ვ	ġ (§ 6)	90	ğ(l)	ვ
19. ჯ	ჯ	ჯ	ჯ	č (§ 8)	100	č	ჯ
20. მ	მ	მ	მ	М	200	m	მ
21. უ	უ	უ	უ	Й(h)(§ 21)	300	y	უ
22. ნ	ნ	ნ	ნ	Н	400	n	ნ
23. შ	შ	შ	შ	Ш	500	ш	შ
24. ო	ო	ო	ო	o(ro)(§ 11)	600	o(wo)	ო (ზო)
25. პ	პ	პ	პ	Ч	700	ç	პ
26. ჟ	ჟ	ჟ	ჟ	П	800	p	ჟ
27. რ	რ	რ	რ	ДЖ (§ 8)	900	d	რ
28. ს	ს	ს	ს	ř (§ 5)	1000	ř	—
29. ზ	ზ	ზ	ზ	С	2000	s	ზ
30. თ	თ	თ	თ	В	3000	v	თ
31. ი	ი	ი	ი	Т	4000	t	ი
32. ე	ე	ე	ე	p (§ 5)	5000	r	ე
33. მ	მ	მ	მ	Ц	6000	ç	მ
34. ლ	ლ	ლ	ლ	v (§ 13)	7000	w	ლ
35. ფ	ფ	ფ	ფ	ň (§ 7)	8000	φ	ფ
36. ზ	ზ	ზ	ზ	ř (§ 7)	9000	q	ზ
[37. ო	ო	ო	ო	o	10,000	o	ო
38. ფ	ფ	ფ	ფ	Ф	20,000	f	ფ

**ТАБЛИЦА II. Грузинскій древнелитературный
и русскими соотвѣтствіями и аналитиче-**

Начертанія.

	Названія буквъ.	Церковное письмо.	Военное письмо.	Скорописное.	Аналитиче- ская тран- скрипція.	Древнелит. армянское письмо.	Русскія со- отвѣтствія.
1.	აბ	Ⴀ Ⴂ	Ⴁ	Ⴀ, Ⴁ	a	Ա ա	а
2.	ბაბ	Ⴃ Ⴃ	Ⴂ	Ⴃ	b	Բ բ	б
3.	გაბ	Ⴄ Ⴄ	Ⴃ	Ⴄ	g	Գ գ	г
4.	დაბ	Ⴅ Ⴅ	Ⴃ	Ⴅ	d	Դ დ	д
5.	ეაბ	Ⴆ Ⴆ	Ⴃ	Ⴆ	e	Ե ე	э
6.	ვაბ	Ⴇ Ⴇ	Ⴃ	Ⴇ	v	Վ վ	в
7.	ზაბ	Ⴈ Ⴈ	Ⴃ	Ⴈ	z(≍)	Զ չ	з
8.	ჟაბ	Ⴉ Ⴉ	Ⴃ	Ⴉ	ey	Է է	эй
9.	თაბ	Ⴊ Ⴊ	Ⴃ	Ⴊ	θ θ	Թ թ	-[t']
10.	იბ	Ⴋ Ⴋ	Ⴃ	Ⴋ	i	Ի ի	и
11.	კაბ	Ⴌ Ⴌ	Ⴃ	Ⴌ	k	Կ կ	к
12.	ლას	Ⴍ Ⴍ	Ⴃ	Ⴍ	l	Լ լ	л
13.	მას	Ⴎ Ⴎ	Ⴃ	Ⴎ	m	Մ մ	м
14.	ნას	Ⴏ Ⴏ	Ⴃ	Ⴏ	n	Ն ն	н
15.	ჟობ	Ⴐ Ⴐ	Ⴃ	Ⴐ	y	Յ յ	й
16.	ობ	Ⴑ Ⴑ	Ⴃ	Ⴑ	o	Ո ո	о
17.	ჟას	Ⴒ Ⴒ	Ⴃ	Ⴒ	p	Պ պ	п
18.	ჟაბ	Ⴓ Ⴓ	Ⴃ	Ⴓ	J(≍)	Ժ ժ	ж
19.	რე	Ⴔ Ⴔ	Ⴃ	Ⴔ	r	Ր რ	р

Изъ этихъ 38 (+ 1) буквъ пять а, г, о, э, и обозначаютъ
ныя 29 — согласные. Лишь въ новогрузинскомъ письмѣ по-
мегрельскомъ сохранился звукъ ж (арм. չ).

алфавитъ съ позднѣйшими, равно армянскими
ской (яфетидологической) транскрипціею.

Начертанія.

	Названія буквъ.	Церковное письмо.	Военное письмо.	Скорописное.	Аналитическая тран- скрипція.	Древнелит. армянское письмо.	Русскія со- отвѣствія.
20.	სს	ს ს	ს	ლ	s (÷)	Ս ս	с
21.	ტტ	ტ ტ	ტ	ო	t	Տ տ	т
22.	ჯქ	ჯ ქ	ჯ	ჟ	w	ჰ ლ	-[v]
23.	უბ	ო უ	უ	ჟ	u	Ո ո	у
24.	ფფ	ფ ფ	ფ	ჟ	φ	Փ ფ	-[p]
25.	ქს	ქ ქ	ქ	ჩ	q	Ք ჟ	-[k]
26.	ღღ	ღ ღ	ღ	წ	ğ	Ղ ლ	-[r]
27.	ყყ	ყ ყ	ყ	ყ	k	—	-[k]
28.	შშ	შ შ	შ	შ	ш (÷)	Շ շ	ш
29.	ჩჩ	ჩ ჩ	ჩ	ჩ	ჭ ღ	Չ ჟ	ч
30.	ცც	ც ც	ც	ც	ჭ ღ	Յ ყ	ц
31.	ძძ	ძ ძ	ძ	ძ	đ	Ջ ჯ	-[z=ძ]
32.	წწ	წ წ	წ	წ	č	ժ ჰ	-[h]
33.	ჭჭ	ჭ ჭ	ჭ	ჭ	č	ձ ღ	-[q]
34.	ხხ	ხ ხ	ხ	ხ	q	Խ Խ	х
35.	პპ	პ პ	პ	პ	q	—	[x]
36.	ჯჯ	ჯ ჯ	ჯ	ჯ	d	Ջ ჯ	-[d=დ]
37.	ზზ	ზ ზ	ზ	ზ	h (÷)	Հ հ	-[h]
38.	ოო	ო ო	ო	ო	ou (ō)	Ռ ռ	ой [ō]

гласные звуки, двѣ ѡ, з — гласногласные звуки, а осталь-
является ф (русс. ф, лат. f), а въ родственныхъ сван. и

Рис. 3. Древнегрузинский алфавит (Марр 1925а: [028–029])

I. გრაძტიკის ელემენტები და სოკი რამ სავარჯიშო.

Новогрузинский алфавит.

§ 1. Таблица печатных букв.

№ по ряду.	Названия.	Печатное.	Произноше- ние.	Аналитиче- ская транс- крипция.	№ по ряду.	Названия.	Печатное.	Произноше- ние.	Аналитиче- ская транс- крипция.
1.	ას	ა	a	a	23.	ჯას	ჯ	ǰ	ǰ
2.	ბას	ბ	b	b	24.	ყას	ყ	q̄	k
3.	გას	გ	g	g	25.	შინ	შ	ш	ш
4.	დღას	დ	d	d	26.	ჩინ	ჩ	ч	ჭ
5.	ეას	ე	e	e	27.	ცას	ც	ц	ჭ
6.	ვინ	ვ	v	v	28.	ძილ	ძ	дз	ძ
7.	ზეას	ზ	z	z	29.	წილ	წ	ц̄	ი
8.	თას	თ	t̄	θ	30.	ჭას	ჭ	ჩ̄	ტ
9.	იას	ი	i	i	31.	ხას	ხ	x	q̄
10.	კას	კ	k̄	k̄	32.	ჯას	ჯ	дж	ღ
11.	ლას	ლ	l	l	33.	ჰას	ჰ	h	h
12.	მას	მ	m	m					
13.	ნას	ნ	n	n					
14.	ოას	ო	o	o					
15.	პას	პ	p	p					
16.	ჟას	ჟ	ж	j					
17.	რე	რ	r	r					
18.	სას	ს	s	s					
19.	ტას	ტ	t̄	t̄					
20.	უას	უ	u	u					
21.	ფას	ფ	f̄	φ					
22.	ქას	ქ	k̄	q					

Одно время была попытка ввести букву $\phi = \Phi, f$.

В алфавите древнелитературного грузинского языка имеются еще буквы в начертании военного письма: $\omega = \text{й}$ || лат. у, $\text{з} = \text{ǰ}$ (полугласный у, англ. w) и $\text{ლ} = \text{ей}$ (лат. eu, $\text{ж} = \text{ой}$, лат. ou или $\bar{o}$, $\text{ძ} = \text{глубокогортанный х}$.

В научной транскрипции принята еще буква ღ для выражения неопределенного гласн. = арм. ւ .

Из прилагаемого на обороте образчика рукописи (фак-симиле) учащийся составляет себе алфавит скорописи. Не хватает буквы ჟ .

Рис. 4. Новогрузинский алфавит (Март 1926г: 1)

изучение живой речи и не зафиксированных письменно диалектов (Tolz 2009: 272; Тольц 2013: 245–246); такая позиция полностью совпадала с мнением, высказанным и отстаиваемым его коллегой в Петербургском университете, выдающимся языковедом, крупным славистом Иваном Александровичем Бодуэном де Куртенэ (Jan Niesiław Baudouin de Courtenay, 1845–1929) (Brandist 2015b: 13). Он стремился к спасению «устных памятников народной словесности» (Март 1913: 334 = Март 1938: 86; см. также Тольц 2013: 223) и нарочно пользовался противоречивым сочетанием «литература бесписьменных народов»:

Литература не только бывает у народов без письменности, но часто она является более надёжным и богатым источником для изучения языка, этой души народа, чем обширная искусственная литература с письменностью, обыкновенно состоящая из сплошных переводных памятников и в большинстве, если не исключительно, подражательных к ним сочинений (Март 1916: 2 = М I: 59 = 1938: 125; об отрицательном, «разрушительном» влиянии искусственной грузинской письменности на народное творчество см. *ibid.*, с. 16 = 139).

Март придавал особое лингвистическое значение бесписьменным яфетическим языкам Кавказа, противопоставляя их литературно обработанным языкам, сформировавшимся под влиянием письменной традиции. Критикуя традиционное сравнительно-историческое языкознание за сосредоточенность на письменных памятниках и мёртвых языках, он видел в изучении живой речи ключ к выявлению пережитков «народностей древнейшего культурного мира с их неисчерпаемым разнообразием живых лингвистических материалов» (Март 1910: xiii).

2.2. Второй этап: общекавказская транскрипция. Март отмечал в кавказоведении «полное равнодушие, если не сказать более, к научной разработке исторических судеб бесписьменных народов Кавказа, коренных его обитателей» и подчёркивал необходимость отмежевания «от тех или иных местных националистических освещений» (Март 1916: 9 = М I: 64 = 1938: 132; см. также комментарий И. В. Мегрелидзе к этому месту в переиздании). Несколько непоследовательно учёный настаивал на важности лингвистического изучения языков малых, поработщённых народов, но одновременно отмечал освободительную функцию языкового и графического объединения Кавказа:

Современная и будущая общественность Кавказа доделает, конечно, это дело, если Кавказ способен когда-либо отстоять свою всё время выпадающую из его рук независимость. Утверждаю, что пока у Кавказа нет одного общего языка, никакие внешние гарантии, никакая физическая сила не могут сохранить устойчивость национальных свобод края. Кто даст Кавказу тот общий язык, он и только он и будет творцом действительно культурной его свободы. Без этого единого общекавказского языка для Кавказа гарантировано в лучшем случае замаскированное лозунгами свободы духовное рабство. В этом смысле первым шагом должно явиться создание одного письма для всего Кавказа. И сейчас в крае имеются сотни тысяч населения, знающих два, иногда и три, и более кавказских языка, но не пользующихся ими в культурной форме, т. е. письменной, так как на Кавказе, и в Грузии, и в Армении, их современные грамотные граждане по инерции вынуждены читать и писать буквами, созданными в древности сословиями, которые прежде всего думали о своих классовых интересах, а не о действительно общих национальных нуждах (Март 1922: 4–5; см. также Март 1915а: 311 = Март 1995: 84).

Вышеприведённые соображения относятся ко второму этапу деятельности Марра, когда он, уже будучи огорчён армянским и грузинским национализмом, стал общекавказским патриотом (Slezkine 1996: 836 = 1999: 220; см. также Васильков 2001: 399).

Замена археологических и филологических исследований лингвистическим изучением яфетических языков была обусловлена не только конъюнктурными обстоятельствами строящегося советского общества, но и факторами личного характера: потеря археологических записей, собранных во время раскопок в городе Ани, древней столице Армении (Платонова 1998: 377), «во время начавшихся событий гражданской войны» (Аптекарь 1934: 31), военные действия на Кавказе, а также внезапное одиночество учителя после отъезда его лучших грузинских учеников на родину, где они приняли деятельное участие в становлении ново-созданного Тифлисского университета¹⁹. Кроме этого, первые

¹⁹ Март публично выступал против создания грузинского университета на национальной основе, отстаивая идею наднационального высшего учебного заведения, ориентированного на культурные и научные интересы всех народов Кавказа: «...Правильно понятые интересы национальных университетов на Кавказе обязывали бы заставить их содействовать насаждению государственного Университета в Тифлисе с постановкой в нём кавказоведных наук на широкой научной базе в духе универсализма

послереволюционные годы «стали временем трудной социализации науки в новые политические условия, когда коммунистическая идеология блокировала классические направления в гуманитарной науке и актуализировала альтернативные научные течения» (Булыгина 1999: 80); вся система гуманитарного образования перестраивалась, были созданы факультеты общественных наук (Булыгина 1999: 101). Любопытно, что именно между 1917 и 1920 годом, когда Марр занимал, как никто иной, высокие административные позиции в научных и образовательных учреждениях (Thomas 1957: 339–340; Tolz 1997: 95; Tomelleri 2020: 63–64), он оказался в полном одиночестве в своей научной борьбе за яфетидологию (Reznik 2007: 155).

Серьёзно заниматься абхазским Марр начал ещё до революции (Яковлев 1931: 43). В докладе «Кавказ и памятники его духовной культуры», прочитанном 29 декабря 1911 г. в Академии наук (Миханкова 1949: 199–200), он впервые высказал предположение о родстве абхазского языка с яфетическими, причём эта гипотеза представляла собой скорее программу дальнейших исследований, чем итог уже проделанной работы (Thomas 1957: 38). Развитию интереса Марра к абхазоведению способствовал грузинский педагог, публицист и этнограф Петрэ (Пётр Георгиевич) Чарая (1861–1919), который в 1912 году опубликовал в Санкт-Петербурге проведённое под его руководством исследование, доказывающее генетическое родство абхазского языка с яфетическими (Чарая 1912). Не соглашаясь полностью с выводами этой работы, в том же году Марр написал свою статью о месте абхазского языка в составе яфетической семьи (Марр 1912 = 1938: 1–33; ср. также Турчанинов 1937: 148). Тем самым первоначальный состав яфетических языков был расширен за счёт абхазского.

В связи с этим Марр постепенно отошёл от успешно проведённых исследований в области армяно-грузинской филологии и расширил круг своих лингвистических интересов посредством

и общекавказских культурных интересов» (Марр 1918б: 105), подробнее об этом см. (Cherchi, Manning 2002 и ფუტკარადე, ვაშაკიძე [Путкарадзе, Вашакидзе] 2011). Действительно, как уже сказано во введении (с. 18), понять развитие марровских идей без привлечения его биографических фактов невозможно (Thomas 1957: vii; Brandist 2016a: 195; Tomelleri 2016a: 120, прим. 2).

привлечения других кавказских языков, помимо картвельских. Осознавая большое значение общекавказского подхода к лингвистическому изучению региона, он писал:

Лично мне абхазский язык дал особенно сильный толчок для приступа к работам по восточно-кавказским горским языкам. Для меня стало ясно, что всё направление и грузиноведения и арменоведения, в частности и моё, было в корне неправильно по крайней мере в лингвистической части, ибо ни одна общая проблема, возникавшая в той или иной из названных специальностей, не могла быть правильно поставлена и тем менее решена без общекавказских перспектив, в частности без соответственно глубокого изучения всех горских коренных языков и пересмотра вопроса о них с точки зрения яфетической теории и на основании новых наблюдений и проверки старых записей на местах лицами, прошедшими яфетидологическую школу (Марр 1916: 20 = М I: 72 = 1938: 142).

Таким образом, произошёл первый революционный поворот в научных взглядах Марра, начавшийся ещё до революции: в центре его интересов оказались уже не исследования в области армяно-грузинской филологии, благодаря которым он получил заслуженное признание как на родине, так и за рубежом (Дондуа 1937: 56–59 = დონდუა [Дондуа] 1967: 192–197), а собственно лингвистическая проблематика. При этом, как свидетельствует приведённая цитата, знакомство с абхазским языком сыграло важную роль в формировании научных взглядов академика. Со временем абхазский язык занял центральное место в его исследованиях и стал одним из «основных строительных материалов» на которых было возведено здание его лингвистической теории (Делба 1951: 4)²⁰. Как известно, он рассматривал грузинский, как и другие кавказские языки, лишь как

...остатки громадной ветви языков, яфетической, широко расстилавшейся на юг до семитического мира, а на восток и на запад до пределов, которые хорошо намечаются и теперь — при наличном развитии яфетидологии, но прочно могут быть отвоёваны лишь дальнейшими её успехами (Марр 1915б: 40 = М I: 57).

Та группа языков, которая первоначально составляла яфетическую ветвь ноетической языковой семьи (Марр 1908: 1 =

²⁰ Об изучении Марром абхазского языка см. (Хашба 1936; Турчанинов 1937; Simonato 2024). Труды учёного по абхазскому языку были собраны после его смерти в специальном издании (Марр 1938).

1926ж: 9 = М I: 23²¹; см. также Марр 1912: 1 = Марр 1938: 1), постепенно превратилась в отдельную семью, куда вошли все «плохо лежавшие» языки, живые и мёртвые, чьи генетические связи не были установлены (Васильков 2001: 401). Рост состава яфетических языков за счёт языков Кавказа, не поддающихся генетическому определению, убедил Марра в необходимости делить яфетические языки на две большие ветви — сибилантную (свистяще-шипящую), представленную картвельскими, или южно-кавказскими, языками, и придыхательную, к которой он отнёс «горские коренные языки Кавказа», в том числе и абхазский язык, объединив обе ветви в «одну самостоятельную семью — яфетическую» (Марр 1916: 12 = М I: 66 = 1938: 135). В типичной для него манере Марр будет доказывать родство абхазского языка с египетским:

Так-то теоретически родство египетского с абхазским может не подлежать сомнению, поскольку абхазский язык — яфетический, а яфетические языки родственны с семитическими, у которых с хамитическими, включающими в себя египетский, имеются бесспорные признаки родства. Следовательно, наличный абхазский язык не может теоретически не быть в родстве с египетским (Марр 1926а: 135 = М V: 168 = 1938: 233).

Марр приложил к своей статье «Из лингвистической поездки в Абхазию (К этнологическим вопросам)», доложенной на заседании Историко-филологического отделения Академии наук 27 февраля 1913 г., две таблицы, в первой из которых даётся транскрипция абхазских звуков согласно яфетидологической системе и алфавиту переводческого комитета (Марр 1913: вклейка после последней страницы — см. рис. 5 = Марр 1938: 84).

Таким образом, аналитическая транскрипция расширила свой состав и функции, приобретя новый статус как инструмент яфетидологических исследований. Большое количество согласных фонем в абхазском языке, по сравнению с грузинским и армянским, привело к увеличению числа графических знаков (пополнение яфетидологического алфавита на примере грузинского и абхазского языков наглядно показывает Мещанинов (1931: 9–11)).

²¹ Эта работа представляет собой расширенную версию статьи, вышедшей в грузинской газете «Иверия» двадцатью годами раньше, когда он был студентом 2-го курса Петербургского университета (ფაფო [Марр] 1888).

Транскрипція абхазскихъ звуковъ ¹⁾.

Яфетидол. система.	Матрію или смягченіе.	Грузин. сортъ.	Алфавитъ Переводч. комитета.	Яфетидол. система.	Матрію или смягченіе.	Грузин. сортъ.	Алфавитъ Переводч. комитета.
1. a		а	а	29. w	з		—[ў]
2. b		б	б	30. φ	џ		џ
3. g		г	г	31. q	ј		ђ
3a. g̃	мягк. ѓ (= ѓа)		г̃ (г̃в)	31a. q̃	смягч. ј (= ја)		ђ̃
4. d		д	д	32. ǵ	џ		џ
5. d̃		д̃	д̃	32a. ǵ̃	смягч. џ (= џа)		џ̃ (џ̃в)
6. e		е	е ²⁾	33. k	г		г
7. v		в	в	33a. k̃	смягч. г (= га)		г̃
8. ṽ	дебел. ғ		—	34. ш	ш		ш
9. z		з	з	34a. ш̃ ⁷⁾	смягч. ш (= ша)		ш̃
9a. z̃	смягч. ʒ (= ʒа)		—[з̃]	35. ш̃	— слитн. губн. ш + з		шц
10. ə	ʒ ³⁾		ʋ	36. ш̃	—смяг. слитн. губн. ш + з		ш̃ц
11. ʒ	о		ʒ	37. ʒ	в		ч
12. ʒ̃ ⁴⁾	губн. о + џ		ʒ̃	38. ʒ̃	— дебел. в		е
13. i	и		i ⁵⁾	39. ʒ̃	џ		ц
14. k	к		к	40. ʒ̃	дебел. џ		—
14a. k̃	смягч. к (= ка)		—[к̃]	41. ʒ̃	слитн. губн. џ + з		цз
15. l	л		л	42. ʒ̃	д		з
15a. l̃	смягч. л̃ (мингр. л̃а)		—[л̃]	43. ʒ̃	слитн. губн. д + з		з̃
16. m	м		м	44. ʒ̃	џ̃		ц̃
17. n	н		н	45. ʒ̃	— дебел. џ̃		—
17a. ñ	смягч. б (= ба)		—[н̃]	46. ʒ̃ ⁸⁾	слитн. губн. џ̃ + з		ц̃з
18. y	у		—[й]	47. ʒ̃	џ̃		ч̃
19. o	о		о	48. ʒ̃	— дебел. џ̃		џ̃
20. p	п		п	49. ʒ̃	џ̃		х̃
21. j	ј		ж	49a. ʒ̃	мягк. џ̃ (= џа)		х̃̃
21a. j̃	смягч. ј (= ја)		ж̃	50. ʒ̃	з̃		ц̃
22. ʒ̃	слитн. губн. (џ + ј) + з		зк	50a. ʒ̃	мягкій з̃ (= за)		ц̃̃
22a. ʒ̃̃	смягч. слитн. губн. (џ + ј) + з		з̃к	51. h̃ ⁹⁾	— болѣе глубокой спи- рантъ чѣмъ h груз. ʒ̃		h̃
23. r	р		р	52. h̃	— слияніе того же звука съ з̃		h̃̃
24. s	с		с	53. f	ф̃		ф̃
25. ʒ̃	дебелый џ̃		—[ʒ̃]	54. ʒ̃ ¹⁰⁾	— слитн. з̃ + а съ предш. спирантомъ, близкимъ къ а̃		а̃
26. t	т̃		т̃				
27. t̃ ⁶⁾	слитн. губн. т̃ + з̃		т̃̃				
28. u	у̃		у̃				

1) Ср. П. Г. Чарая, ц. с., § 11, стр. 55—56. 2) Следовало бы э. 3) Наличный въ сванскомъ и мингрельскомъ, равно въ языкахъ Арменіи (а). 4) а не t̃. 5) Было бы послѣдовательнѣе — и. 6) а не t̃̃. 7) а не ш̃̃. 8) а не ʒ̃̃. 9) а не h̃ = ʒ̃̃. 10) а не ʒ̃̃̃.

Рис. 5. Яфетидологическая система транскрипции абхазскихъ звуков
(Марр 1913: вклейка после последней страницы)

В работе «О записывании абхазских текстов» (Марр 1918 = 1938) Марр впервые использует название «абхазский аналитический (яфетидологический) алфавит» для исправленной и дополненной версии своей графической системы, рассматривая её как научно обоснованную и точную систему фонетической транскрипции абхазского языка:

Записывать надлежит тексты живой речи так, как произносятся входящие в их состав слова и звуки, как их слышно в каждом данном случае, а не как должны они произноситься. <...> Но этого мало: недостаточно дать правильное произношение, свойственное тому или иному абхазу, а нужно в точности воспроизводить произношение, природное для того абхаза, со слов которого записывается текст... (Марр 1918а: 1 = 1938: 150).

В приложенной к названной статье первой таблице, возможно, впервые встречается образец абхазского аналитического (яфетидологического) алфавита, в печатном и рукописном вариантах, согласно «порядку размещения грузинского алфавита, где сначала идут буквы, изображающие простые звуки без шипящих, затем аффрикаты и шипящий *ш*, т. е. то, чего не хватало в греческом» (Марр 1926б: 52 = М II: 351 = 1938: 293); затем во второй таблице подробно излагается аналитическая (яфетидологическая) транскрипция абхазских звуков (Марр 1918а: 4–8 = 1938: 153–156). Следуют яфетидологическая классификация абхазских звуков (*ibid.*, с. 9 = 157) и обзор существующих алфавитов абхазского языка и соответствий их букв в аналитической (яфетидологической) транскрипции (*ibid.*, с. 10–15 = 158–162). В научной литературе (Simonato 2005: 257; Sériot 2013: 16) обычно приводится образец ААА по более поздней и более известной работе 1926 года, в которой рукописный вариант повторяет грузинский порядок букв, используемый в предыдущей публикации, тогда как печатный вариант «расположен в другом порядке» (Марр 1926б: 51 = М II: 351 = 1938: 293).

Пропагандируя свою яфетическую теорию за рубежом и на родине, Марр неоднократно поднимал вопрос о единстве письма. В 1923 году вышел его доклад, прочитанный грузинским студентам в Париже и Берлине за два года до появления публикации: грузинский текст набран грузинским гражданским шрифтом (мхедрули) на чётных страницах, в то время как на нечётных

применяется яфетидологический алфавит (см. титульный лист книги на рис. 6). В кратком русскоязычном предисловии, носящем программное заглавие «Единый Кавказ, одно письмо», автор теоретически обосновывает данный выбор, не отвергая возможности практического провала предложенной системы:

В настоящее время нас не может не интересовать переход всего Кавказа на один общий алфавит, в особенности тех кавказских народов, которые имеют чистое или по смешению племенное родство с яфетической семьёю.

Единый Кавказ, один алфавит, отлитый в формы в соответствии с природой яфетических языков! Может, наш яфетидологический алфавит, приспособленный для научных целей, общественной жизнью будет отвергнут, но всё-таки и он пригоден для примера, даже с его помощью легко видеть, насколько облегчится для всего культурного мира изучение примерно грузинского при пользовании им, тем более, если органически слить с основными частями букв отдельно над ними или под ними стоящие знаки.

Как образчик для транскрипции выбрал я доклад о современном положении яфетидологии, прочитанный весной 1921 года грузинам студентам в Париже и Берлине. Обнародование его, быть может, поспособствует и своим содержанием ознакомлению широких в Грузии кругов с новой лингвистической теорией, касающейся непосредственно и грузинского языка (ფაფაო [Marrr] 1923: 1).

Ср. также слова Марра из программной брошюры об ААА:

Мы вполне понимаем, что для индоевропейцев и мыслящих в их путях языковедов аналитический алфавит мало (да и неверно) сказать — неизвестен, он непереварим: он требует перестройки их научного языковедного мышления, он требует усвоения теории, яфетической теории, находящейся в полном противоречии с их основными научными положениями, с их техникой. Становясь технически народным, в данном случае абхазским, и получив дальнейшее практическое применение, новый алфавит, аналитический, будет иметь значение цифр, что и сделает его и как азбуку для народа и как транскрипцию для учёных одинаково всем понятным. Станет ли он однако общекавказским? Станет ли он общенаучным? Не наше дело заниматься пророчеством (Marrr 1926б: 34 = М II: 339 = 1938: 279).

Марру было чуждо традиционное отношение древнеписьменных кавказских народов к алфавиту как к «предмету культа, реликвии» и их «отвращение не только к переходу на новое письмо, соответствующее потребностям современной жизни, да

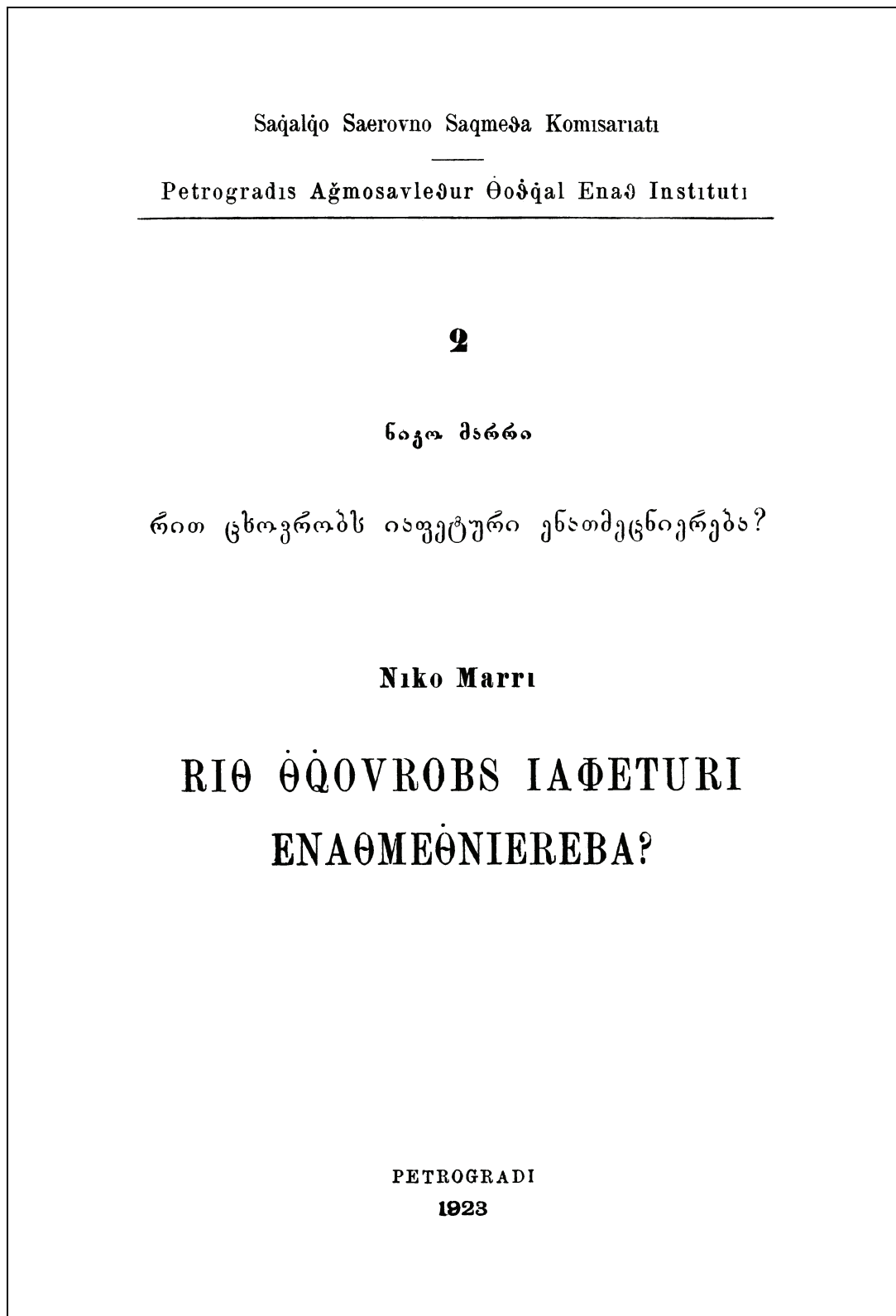

Рис. 6. Грузинское письмо и яфетидологический алфавит на титульном листе книги «Чем живёт яфетическое языкознание?» (ძაḡრო [Mapp] 1923)

и по существу более обоснованное, но и всякой реформе старого алфавита, хотя бы простой орфографической» (Марр 1926б: 21 = М II: 331 = 1938: 269).

Абхазский язык, характеризующийся более богатым консонантизмом по сравнению с армянским и грузинским, делал ААА, по мнению Марра, вполне пригодным для транскрипции всех звуков яфетических (т. е. кавказских) языков²²:

Абхазский алфавит тем удобен на первых порах для примерного изложения яфетидологической транскрипции, что, будучи цельным в себе, т. е. алфавитом одного языка, он вмещает знаки, выразители такого разнообразия звуков, что с избытком может удовлетворить потребности в изображении звуков большинства языков, даже яфетических языков, а количественно всегда их превосходит, так в трёхзначных буквах, вроде *ḥ*, надобности не имеется почти ни в одном из других яфетических языков (Марр 1927в: 38 = М II: 39).

Этим же вопросом алфавитного объединения Марр, который в 1924 году был избран директором Российской публичной библиотеки (с 1925 года получившей название Государственная публичная библиотека в Ленинграде), занимался и в области библиотечного дела. Он боролся за установление полного единообразия в каталогизации, предлагая выработать единый алфавитный каталог, построенный на латинской основе, который объединял бы все фонды для всех языков (Марр 1926з: xiii; см. рис. 7); начало своего проекта он осуществил в Восточном отделении (Голубева 2002: 144–150). Стремление к созданию единого библиотечного алфавита, как будет показано ниже, было идеологически связано с идеей о предстоящем нарождении в коммунистическом бесклассовом обществе единого языка для всего человечества, за которую Марр последовательно ратовал в рамках своей теории. Выступая на Второй всероссийской конференции научных библиотек, он утверждал, что единый алфавит — это «насущнейшая техническая предпосылка для правильной постановки библиотечного дела в условиях нашей современности» (Труды библиотек 1929: 338).

²² См., однако, справедливые возражения Поливанова (1928а: 177; [1929]/1991: 551; см. также Thomas 1957: ix) и Яковлева (1931; см. также Simonato 2005).

II. Сводное размещение алфавитов транскрипций для арабского, персидского, турецких, грузинского, армянского и абхазского языков.

a: ʾ, ա, а (абх.) ʼ; ā: ʾ ʼ;	ğ: غ.
و ʼ (aw), ٱ и ى ʼ (ay).	1) ğ: ʁ, ʁ, в (абх.).
b: ʾ, բ, б (абх.), ب.	ğ: ʁ ʁʲ.
c.	ğ: ʁу (абх.).
č: چ (прс., тур.) [яф.: ʧ].	2) ğ: چ [яф.: ʧ].
d: ʁ, Դ, d (абх.), Ժ.	h: ʁ, ʁ, ʁ, ʁ (тур.).
ḏ: ʁ ʁ (абх.).	h: h (абх.).
ḏ: ʁ (арб., прс.).	h: h (абх.).
ḏ: ض (арб., прс.).	h: ʁ [яф.: ʧ].
ḏ: ʁ, ʁ, ʁ ʁ.	h: ʁ (арб., перс.) [яф.: h].
ḏ: ʁ (абх.).	i: ʁ, ʁ, ʁ (абх.), ʁ. I; ى ʁ.
ḏ: ʁ (абх.).	j: ʁ, ʁ, ж (абх.).
ḏ: ʁ, ʁ, ʁ ʁ (абх.).	j: ʁ (абх.).
ḏ: ʁ (абх.).	j: ʁ (абх.).
e: ʁ, Է (см. стр. 195, пр. 1),	j: ʁ (абх.).
е (абх.), ē: ʁ, Է.	k: ʁ (условно), Է, к (абх.), Է.
f: ʁ, Բ, Բ (абх.), Բ.	k: ʁ ʁʲ (абх.).
g: ʁ, Գ, Գ (абх.), Գ (прс., тур.).	k: ʁ ʁʲ (абх.).
ğ: ʁ ʁʲ (абх.).	k: ʁ, ʁ.
g: Գу (абх.).	k: ʁ, Գ (абх.).

Рис. 7. Из «Материалов к унификации транскрипции письма восточных народов» (Март 1926г: 197)

По свидетельству исследовательницы истории фондов и каталогов литературы на языках народов СССР Э. А. Сагидовой,

яфетидологическая транскрипция нашла своё применение в описании книг на языках: грузинском, армянском и абхазском. Для литературы на иранских и тюркских языках была разработана особая аналитическая транскрипция, однако она не применялась так широко, как в кавказских языках, и вскоре отпала. В грузинском, армянском и абхазском языках она существовала почти до 1937 года (Сагидова 1956: 183, 185).

Приводя пример описания армянской книги яфетидологической транскрипцией (см. рис. 8), автор отмечает:

Транскрипция, выработанная на основе латинского алфавита с добавлением многих других знаков и букв, ещё больше загромождала описание, чем, скажем, описание на национальном языке, не говоря уже о французском. Совершенно очевидно, что она еще больше запутывала и углубляла и без того существующий беспорядок в каталогах Отделения. В связи с введением транскрипционного письма библиотекарям приходилось специально изучать транскрипцию, исправлять описания в прежних каталогах, затрачивать огромное количество времени на целый ряд работ, связанных с новыми правилами, времени, которое с успехом могло быть использовано на работу с читателем, на библиографическую и пр. В результате настойчивого внедрения и применения, а также уделения большого количества времени Марром новой транскрипции другие более необходимые мероприятия по отделению, запланированные на эти годы, не смогли быть полностью разработаны и осуществлены; многие работы были начаты, но не закончены, так как все силы и время были сосредоточены на составлении никому не понадобившегося каталога. К тому же описания и каталоги с яфетидологической транскрипцией были совершенно не доступны для читателей, прежде, чем пользоваться таким алфавитным каталогом, читателю, повидимому, также необходимо было пройти соответствующие курсы по изучению применявшейся транскрипции (*ibid.*, с. 186).

Так, вопреки ожиданиям Марра, его благие намерения в деле каталогизации фактически окончились ничем:

Созданием в Восточном отделении единого транскрибированного латинскими буквами каталога Марр хотел подчеркнуть, что книги становятся в одном ряду как свидетельства общечеловеческой культуры. Однако следует признать, что введение яфети<до>логической транскрипции не только не улучшило, а скорее усложнило каталогизацию национальных фондов (Голубева 2002: 149).

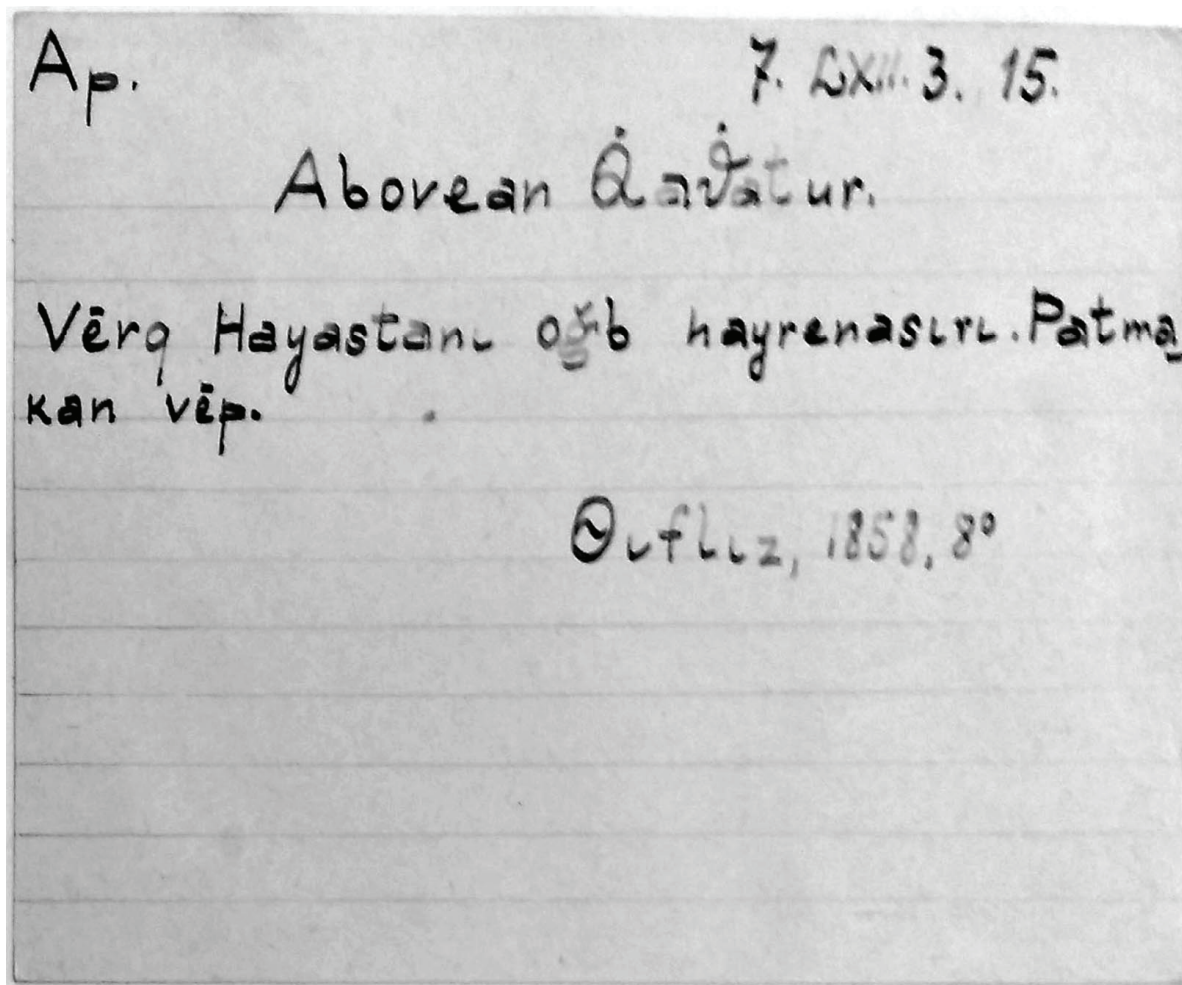

Рис. 8. Карточка алфавитного каталога в яфетидологической транскрипции с описанием армянской книги (Сагидова 1956: 183)²³

2.3. Третий этап: абхазский аналитический алфавит. Благодаря большому авторитету, которым Марр пользовался вообще в стране и среди абхазской интеллигенции в частности, его научная транскрипция получила право гражданства в рамках советского языкового строительства и в середине 1920-х годов

²³ Воспроизведённая на рисунке карточка вклеена в диссертацию Э. А. Сагидовой; это единственный элемент создававшегося на протяжении нескольких лет каталога в яфетидологической транскрипции, который нам удалось обнаружить. На карточке описано первое издание знаменитого исторического романа основоположника новой армянской литературы Хачатура Абовяна (1809–1848) «Раны Армении», вышедшее в Тифлисе в 1858 году; слева вверху обозначен язык (Ар[мянский]), справа вверху — шифр крепостной расстановки (зал 7, шкаф LXII, полка 3, порядковый номер на полке 15).

была введена как практический алфавит для абхазского языка (Марр 1926б: 14–15 = М II: 327 = 1938: 264)²⁴.

Отвечая на возражения по поводу трудности его использования, Марр неоднократно отвергал любую критику и обращал внимание своих оппонентов на тот факт, что «вообще всякая наука трудна, как трудно усвоить подлинную технику всякого жизненного явления, наладить подлинное производство и не подсовывать маргарина вместо масла» (из письма Н. Я. Марра Чочуа от 12 января 1926 года; цит. по: Марр 1938: 300). Поэтому, продолжал Марр, сокращать количество знаков было просто невозможно и, прежде всего, нецелесообразно.

Этот опыт практического применения его транскрипции, однако, не увенчался успехом и спустя только два года после введения ААА был заменён другим, также разработанным на латинской основе (Бгажба 1967: 58; Чирикба 2021: 146; Hewitt 2026: 200); подробнее см. в третьей главе, с. 66 и сл.

2.4. Последний этап: унификация письма и единство языка. С середины 1920-х годов Марр продолжил работу над развитием яфетической теории, приспособлявая «свои идеи к идеологическим взглядам своего времени» (Зуев 2005: 62). После 1924 года складывается «новое учение о языке», отрицающее достижения индоевропейского языкознания и провозглашающее социальный, а не генетический характер родства и идею единого глоттогонического процесса (Марр 1928: 8–9 = М IV: 57–58 = Марр 1938: 352–353). Обнаружив яфетические элементы за пределами Кавказа — на западе у пиренейских басков и на востоке в чувашском языке, а также в вершикском диалекте языка бурушаски, открытом в 1916 году (Марр 1926и: 5 = М V: 325) — Марр отказался от понятия «яфетической языковой семьи» и «праязыка», перейдя к теории стадияльного развития языка. Кроме этого, он утверждал классовый, надстроечный характер языка, развитие которого, дескать, было обусловлено социально-экономической эволюцией общества. Поскольку глоттогонический процесс якобы

²⁴ ААА был одобрен на собрании специальной комиссии с участием наркома просвещения Абхазии Самсона Яковлевича Чанбы (1886–1937) и самого Марра 30 июня 1924 г. (Марр 1926б: 14 = М II: 327 = 1938: 264). О проблеме датировки введения ААА см. также с. 31, прим. 14.

идёт от многоязычия к одноязычию (Андреев 1929: 7–8)²⁵, единство письма казалось Марру и его последователям необходимым этапом на пути к осуществлению этой цели в бесклассовом обществе²⁶.

Одновременно в работах Марра всё чаще стали появляться цитаты из сочинений классиков диалектического материализма и крылатые выражения марксизма-ленинизма²⁷. Учитывая, наряду с конъюнктурными и карьерными причинами (Алпатов 1991: 154), «серьёзность, обдуманность и искренность обращения» Марра к марксизму (Романенко 2001: 111; см. также Reznik 2007: 156)²⁸, нельзя считать его лингвистическую теорию лишь продуктом идеологических условий и политических обстоятельств в Советском Союзе (Lähteenmäki 2006: 294; см. также Гаспаров 1987: 47). По словам В. И. Абаева, в молодости испытавшего влияние Марра, но всегда шедшего собственным научным путём (Алпатов 2006: 5)²⁹, «новое учение о языке» представляло собой неумелую попытку выйти из тупика, обусловленного «непреодолимыми трудностями» предшествующего этапа:

²⁵ «Старой легенде индо-европейской лингвистики о некоем божьей милостью таинственном едином праязыке, созревшем в раю и потом разветвившемся, Н. Я. противопоставляет своё утверждение, что развитие шло, напротив, от множественности языков, родившихся и развивавшихся в поте и борьбе трудового процесса — к единому общечеловеческому языку в бесклассовом коммунистическом обществе будущего» (Фриче 1929: 7–8).

²⁶ Здесь формулировка «специалиста-языковеда» о всемирном языке совпадала с высказываниями «политика-революционера» И. В. Сталина (Марр 1931б: 2–3 = М I: 274; подробнее об этом см. Гречко 2010).

²⁷ Марр писал предисловие к сборнику высказываний Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина о проблемах языка и мышления (Марр 1933б).

²⁸ По этому поводу Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) отмечал, что Марр «пришёл к марксизму не потому, что так лучше жить, а благодаря всему развитию научной мысли» (Российский государственный архив социально-политической истории: ф. 142, оп. 1, д. 179 (доклад, тезисы и статьи А. В. Луначарского: «Как родилась наука», «Наука и Советская власть», «Наука в СССР»), л. 47; цит. по: Булыгина 1999: 107).

²⁹ О том, что искреннее уважение Абаева к своему научному руководителю сочеталось с независимостью научных взглядов, свидетельствуют его недавно опубликованные письма (Томеллеры, Бондарь 2026).

Яфетическая теория <т. е. «новое учение о языке». — В. С. Т.> не была естественным, логическим развитием яфетического языкознания предшествующего этапа. Она была скорее форсированной попыткой выбраться из лабиринта «яфетических элементов» на широкий простор общелингвистических концепций с использованием некоторых слишком упрощённо понятых положений марксизма (Абаев 1960: 94 = 2006: 91–92).

Разработка нового учения знаменует очередной этап в развитии лингвистической теории Марра, перешедшего «от „общекавказского“ патриотизма к новой идеологии — марксистскому *интернационализму*» (Васильков 2001: 406, курсив автора).

Несмотря на практическое поражение аналитической письменности в Абхазии, Марр и его приверженцы продолжали отстаивать внедрение ААА как образца будущего единого мирового алфавита³⁰:

Письменность и язык созданы человечеством: оно выковывает формы своего языка, и в наше время, когда история идёт верными шагами к унификации своего хозяйства, когда ощущается неотложная потребность общения взрощенных в духе классовой идеологии тонких культурных слоёв с трудящимися всех стран, — вопрос о создании единого языка и письма становится неотложной проблемой и важнейшей практической задачей наших дней.

Разумеется, в первую голову возникает вопрос об единстве письма, а не языка; для разрешения этого вопроса в строгом соответствии с принципами самоопределения народов необходима тщательная проработка языкового материала всего человечества (Марр 1925в: 1014).

Марр уверенно и яро настаивал на правильности своей письменной системы:

Я решил потому подойти к тому же вопросу, но не для защиты этого нового лингвистически построенного письма (защищать не от чего, ибо не вижу ни одного теоретически состоятельного возражения), а для того, чтобы поделиться с вами мыслью, что нельзя к алфавиту подходить как

³⁰ Об участии марристов в ожесточённой полемике вокруг унификации письменностей на основе латинского алфавита см. (Baldauf 1993: 583–593). Имелись даже попытки применения аналитической транскрипции в научных описаниях восточнославянских языков (Марр 1935; Борковский 1936). Опыт применения «аналписма» к курдскому, персидскому и арабскому языкам осуществил поэт-футурист и иранист Юрий Николаевич Марр (1893–1935), сын академика Н. Я. Марра (см. Tomelleri 2016: 153).

к явлению исключительно формальному или как к явлению, требующему разъяснения в связи лишь с физиологиею звуков. Алфавит в современном его понимании неразрывно связан, как и учение о звуках речевой культуры, так называемая фонетика, с идеологиею звукового языка (Марр 1928: 2–3 = М IV: 54 = Марр 1938: 348).

2.5. Итоги. Научная транскрипция армянских и грузинских слов, первоначально созданная для практических потребностей «узкой» филологической специальности, вошла в состав лингвистической теории, яфетического языкознания, приобретая черты общекавказской системы, охватывающей, кроме грузинского (и армянского) и родственных ему яфетических языков, также северокавказские языки. Применение аналитической транскрипции в качестве практического абхазского алфавита, а также при каталогизации библиотечных фондов Государственной публичной библиотеки в Ленинграде — это единственный вклад Марра в советское языковое строительство во время латинизации письменностей.

Превращение яфетической теории, признававшей, хотя с оговорками, главные предпосылки историко-сравнительного языкознания, в «новое учение о языке» поставило аналитическую (яфетидологическую) транскрипцию на принципиально иные теоретические и идеологические рельсы, придав ей характер будущего мирового алфавита.

В посвящённых Марру работах ААА обычно остаётся в тени как побочное и периферийное явление его научной деятельности. Однако пренебрежение данной транскрипционной системой, принимавшей в своём историческом развитии разные формы и функции, лишило бы нас возможности всесторонне оценить сложное и противоречивое лингвистическое наследие учёного (ср. выше во введении, с. 18).

Глава третья

О НАУЧНОМ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СТАТЬИ Е. Д. ПОЛИВАНОВА

Нужно было говорить о работе Марра в области прикладной лингвистики. Здесь опять приходится указать, к сожалению, на крупнейший провал в области создания абхазского алфавита. Попытка создать абхазский алфавит на основе яфетической транскрипции, как будто бы универсальной, угробила на несколько лет издание абхазской книги, задержала издательское дело. <...> В чанской грамматике я не нахожу ничего того, что бы меня заставило выступать против яфетидологии. Наоборот, это как раз то, что заставило меня долгое время выступать на стороне яфетидологии. Я помню, как я опубликовал статью о согласных грузинского языка с единственной целью перевести язык и транскрипцию Марра на общий лингвистический язык для того, чтобы его можно было понять.

Из заключительного слова Е. Д. Поливанова
на дискуссии в Коммунистической академии
25 февраля 1929 г. (Поливанов [1929]/1991: 551)

3.0. Рассмотрев значимость аналитической транскрипции в научной деятельности Марра и поэтапной эволюции его теории, обратимся к публикуемой в настоящей книге статье Поливанова, где данная система подвергается критическому разбору. Для понимания причин и направленности этой критики необходимо учитывать научные и историческо-идеологические условия, в которых она родилась.

В данной главе предпринимается попытка ответить на вопросы о том, почему Поливанов, не будучи кавказоведом, обратился в Народный комиссариат просвещения Абхазии с критикой марровского проекта абхазского алфавита, и какова была

альтернатива этому проекту. При этом мы не будем останавливаться на изложении взаимоотношений между двумя учёными, подробно описанных ранее (Алпатов 2005; Tomelleri 2016b: 54–56; ср. также опубликованные фрагменты их переписки: Леонтьев, Ройзензон, Хаяутин 1968: 20; Ларцев 1988: 280–281).

Рукопись была направлена Поливановым в Наркомат просвещения в ноябре 1927 года, как указано в сопроводительной записке (л. 1, с. 151); ср. также входящий № 3596 от 5 декабря 1927 года, по-видимому относящийся к делопроизводству Комиссариата; в верхнем левом углу читается карандашная резолюция «В Академию абхазского языка и литературы»¹. В этой же записке Поливанов отмечает, что рукопись излагает содержание сделанного им в Москве доклада. Таким образом, имеется в виду доклад, предшествовавший упоминаемому во многих источниках докладу Поливанова «Абхазский аналитический алфавит», который был прочитан 9 марта 1928 года на заседании секции языка и литературы в рамках коллективной темы «Вопросы прикладной лингвистики» Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов советского Востока Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) (Архив РАН: ф. 677 (фонд Института): оп. 1, д. 33, л. 144)².

¹ Об истории Академии см. (Бгажба 1961); ср. также указание автора, что на момент основания «в составе этого учреждения не было квалифицированных научных кадров, исключая, конечно, его организатора и почётного председателя Н. Я. Марра» (Бгажба 1958: 4–5).

² Без указания точной даты доклад упоминается в личном деле Поливанова (*ibid.*, оп. 3, д. 78, л. 23) и в печатных источниках (Чобан-Заде 1928: 30; Иннарвос 1930: 243). Некоторая путаница в отношении времени докладов Поливанова наблюдается у Л. Р. Концевича: в одном случае он пишет, что они состоялись «в РАНИОН’е зимой 1927–1928 гг. и на секции языка и литературы Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока (Иннарвос) 9 марта 1928 г.» (Концевич 1991а: 615; в ссылке на архивный документ опечатка: «ф. 667» вместо «ф. 677»), в другом — «на секции языка и литературы Иннарвоса 9 марта 1928 года, а затем в РАНИОН» (Концевич 1991а: 584). Между тем архивные и опубликованные материалы, на которые он опирается, достоверно фиксируют лишь дату доклада 9 марта 1928 г.; ей не противоречит и более общая датировка 1927/28 академическим годом. Поскольку

3.1. Выступления Поливанова об ААА относились к горячему времени языковых реформ в СССР. На Первом Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку 26 февраля — 5 марта 1926 г. активно обсуждались принципы «алфавитного строительства». Именно этому съезду Марр и посвятил свой проект ААА (Марр 1926б: 3 = М II: 321³; см. также: Тюркологический съезд 1926: 180 = 2011: 237). Обращение Поливанова в Наркомат просвещения Абхазии имело целью изложить свою точку зрения на проект Марра, указать научной и педагогической общественности на его недостатки⁴.

Интересно отметить, что чуть раньше Поливанов выступал с более нейтрально-сдержанной статьёй, в которой попытался объяснить неосведомлённому читателю знаки марровской транскрипции применительно к грузинскому консонантизму (см. эпиграф к настоящей главе)⁵. Эта статья открывается хвалебными словами (или просто «программным» славословием?) в адрес Марра:

Одной из причин недоверия и не общепринятости гениальных изысканий акад. Н. Я. Марра являются его своеобразные транскрипция и фонетическая терминология (наименования согласных вроде «сибилянтов», «спирантов», «аффрикат» — не совсем в том значении, в каком эти термины приняты на Западе, и т. п.). Потому в качестве предварительного

Институт народов Востока входил в состав РАНИОН, не исключено, что во всех упомянутых источниках речь идёт об одном и том же докладе.

³ В переиздании (Марр 1938: 256) посвящение отсутствует.

⁴ Должный «ход» статье Поливанова, однако, дан не был. Примечательно, что рукопись сохранилась не в Народном комиссариате просвещения Абхазии, куда была направлена, а в Кабинете Н. Я. Марра в Государственной академии истории материальной культуры (ныне Институт истории материальной культуры РАН), которую он возглавлял в 1919–1920 и 1922–1934 гг. (Сидорчук 2016). После развенчания марризма Сталиным, бумаги Марра были переданы в Ленинградское отделение Архива АН СССР (ныне Санкт-Петербургский филиал Архива РАН) и образовали его личный фонд № 800 (см. Бондарь 2024).

⁵ Работа Поливанова не ограничивается описанием современного грузинского консонантизма — в конце автор предлагает остроумную «историко-фонетическую» интерпретацию двух щелевых звуков [χ] и [κ] (обозначаемых у Марра буквами *q* и *ğ*), выдвинув подтвердившуюся впоследствии реконструкцию полной триады «глубоко-заднеязычных», см. об этом (Ахвледиани 1951; Иванов 1957: 61); подробнее об этой статье Поливанова — (Tomelleri 2016b; Tomelleri, Topadze 2018).

сообщения, предшествующего подготовленному мною «Очерку грузинской фонетики», я счёл бы полезным дать краткую классификацию грузинских согласных фонем, обозначив их символами международного фонетического алфавита и общепринятыми терминами — в соответствии транскрипции Н. Я. Марра (Поливанов 1925: 113 = Tomelleri 2016b: 75).

В отличие от этой статьи, связанной с применением яфетидологической транскрипции в научных целях⁶, публикуемый критический очерк Поливанова ставил другие задачи. В сопроводительной записке автор поясняет:

Предлагаемая рукопись моего доклада об Абхазском алфавите не предназначается для печати <здесь и далее в цитатах разрядка моя. — Е. С.>. С другой стороны, она не рассчитана и на популярное изложение; поэтому я прошу смотреть на неё просто как на изложение моего мнения об ААА — в той форме, которая представилась мне возможной для мотивировки моих положений (л. 1, с. 151).

Одна из причин обращения Поливанова к разбору ААА, безусловно, связана с сугубо научным характером последнего:

Исключительное положение этой графической системы именно и состоит в том, что здесь автором алфавита является крупнейший учёный, исходивший в выборе знаков из своей научной транскрипционной системы (— «яфетидологической транскрипции») (л. 2, с. 152); подробнее см. выше раздел 1.2, с. 30).

Немаловажное значение в дискуссии вокруг абхазского алфавита имеют именно расхождения между Марром и Поливановым в вопросе о самих основах создания письменности. В этой

⁶ Из многих других примеров упомянем два интересных факта. В статье, посвящённой убухскому языку, А. Н. Генко при подаче примеров османского путешественника Эвлии Челеби (1611–1682/1683), язык которого он отождествлял с убухским, заменил «по типографским соображениям» транскрипционную систему немецкого кавказоведа Адольфа Дирра (1867–1930) «упрощённой аналитической Н. Я. Марра» (Генко 1928б: 239). Напротив, Н. С. Трубецкой, высоко оценивая достижения Яковлева в кавказоведении (Troubetzkoy 1925: 286; Trubetzkoy 1939: passim), сурово критиковал применение им яфетидологической транскрипции: «Celle de M. Marr <= la transcription. — Е. С.> est franchement mauvaise sous tous les rapports: compliquée, très incommode au point de vue typographique, difficile à lire, difficile à retenir dans la mémoire à cause du sens inusité attribué à certaines lettres, et très laide au point de vue esthétique» (Trubetzkoy 1925: 281).

связи в рукописи упомянут проект якутского алфавита, разработанный в 1917 году, до и независимо от Октябрьской революции, якутским политиком и лингвистом Семёном Андреевичем Новгородовым (1892–1924)⁷; об этом проекте см. (Smith 1993: 173–174). Система письма для якутского языка на латинской основе ориентировалась на Международный фонетический алфавит с некоторыми дополнениями (Коркина, Дмитриев 1977: 8; Коркина, Макаров 1991: 8). Над своим алфавитом Новгородов работал, будучи студентом Петроградского университета, где тогда преподавал Поливанов, проявлявший к проекту молодого исследователя большой интерес и участие (Поливанов 1928б: 316 = Поливанов 1931а: 98; Иванов 1957: 63, Ларцев 1988: 59–60).

3.2. Второй причиной выступления Поливанова с анализом абхазского алфавита, предложенного Марром, является тот факт, что

абхазский графический вопрос может заслуживать особенного внимания уже благодаря исключительному фонетическому богатству абхазского языка (с которым в этом отношении не может сравниться ни один из других языков), — что делает задачу составления абхазского алфавита не в пример другим (даже другим кавказским) письменностям — весьма сложной и трудной (л. 4–5, с. 153).

Можно предположить, что разногласия между учёными в вопросе абхазского алфавита обусловлены отчасти и недостаточной к середине 1920-х гг. изученностью самого языка. Вместе с тем обращение к нему важно для разработки истории и теории языковых союзов, кавказских древностей, истории письменности, фонологии, эпиграфики, для уточнения генеалогической и типологической классификации языков (в частности, для выявления специфики убыхского), для раскрытия смешанного характера контактирующих языков. Неудивительно поэтому, что к абхазскому обращались исследователи различного плана: кроме Марра, Поливанова, Яковлева, это Иван Иванович Мещанинов (1883–1967), Анатолий Несторович Генко (1896–1941), Георгий Фёдорович Турчанинов (1902–1989) и др. Многие теоретические

⁷ Алфавит Новгородова был использован в подготовленном с его участием первом якутском букваре (Ионов 1917).

принципы лингвистического описания впервые были разработаны и апробированы именно на материале абхазского языка.

В рамках советского языкового строительства усиливается внимание лингвистов, в том числе местных, к абхазскому языку. В 1920-е годы его изучение велось сразу в нескольких вузах и научно-исследовательских институтах страны. В Москве абхазский язык вошёл в сферу научных интересов Н. Ф. Яковлева⁸: летом 1920 года по предложению академиков Алексея Александровича Шахматова (1864–1920) и Н. Я. Марра он был командирован на Северный Кавказ и с этого времени ежегодно проводил там полевые работы, а в 1924 году организовал Комитет по изучению языков и этнических культур Северного Кавказа, позже преобразованный в Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов советского Востока (Алпатов 2003: 150 = 2016: 774). Основанный Марром в 1921 году в Петрограде Институт яфетидологических изысканий РАН⁹ с самого начала проявлял интерес к полевым исследованиям на Северном Кавказе (в том числе в Абхазии), однако не располагал финансовыми возможностями для организации полноценной экспедиции, ограничивая свои задачи командировкой отдельных сотрудников (Мещанинов [1926]/2013). Позже в Ленинградском институте живых восточных языков¹⁰ Марр читал курс абхазского языка (Бгажба 1972: 4). В Сухуме по его инициативе в 1925 году была учреждена уже упоминавшаяся Академия абхазского языка и литературы (Габуниа 2011: 189).

Поливанов к абхазоведческим исследованиям не имел прямого отношения, хотя в своём письме (л. 1, с. 151) он упоминает «другие <свои> работы по вопросу абхазской письменности» (см. о них ниже раздел 4.0, с. 81). Поэтому Лев Иванович Жирков (1885–1963), московский исследователь дагестанских языков,

⁸ Как впоследствии Яковлев запишет в автобиографии, он «решил переменить специальность и заняться языками и этнографией народов Северного Кавказа, изучением которых русская наука к этому времени почти перестала заниматься» (Алпатов 2012: 140).

⁹ С 1922 года — Яфетический институт, с 1931 года — Институт языка и мышления, в 1933 году получивший имя Н. Я. Марра (ныне Институт лингвистических исследований РАН) — см. (Майсак 2020).

¹⁰ С 1927 года — Ленинградский восточный институт им. А. С. Енукидзе.

выступая на Третьем пленуме Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита (ВЦКНТА) в 1928 году, имел основания упрекнуть научный совет в том, что к обсуждению абхазского алфавита не были привлечены кавказоведы:

...была использована только опытность проф. Поливанова, но в этой области имеются труды и других специалистов, которых обойти было нельзя, например, проф. Яковлева, сделавшего такой доклад по абхазской грамматике, который вызвал горячее одобрение академика Марра (ВЦКНТА III: 123).

Н. Ф. Яковлев в своём выступлении также сожалеет:

Запрос был послан проф. Поливанову, который является специалистом по дальне-восточным и узбекскому языкам, и почему-то его сделали специалистом и по абхазскому, и почему-то не потрудились узнать, кто сейчас из учёных РСФСР является специалистом по этому вопросу (ВЦКНТА III: 126–127).

В стенографическом отчёте есть и ответ Поливанова:

Здесь сказали, что мне было поручено сделать два проекта алфавитов — дунганский и абхазский, но я заявляю, что я лично не брал такой задачи, потому что, сидя в Москве и имея сношения только с двумя абхазами, не представляется возможности сделать хороший алфавит, потому что нужно учитывать и настроение масс и все те спорные вопросы нововводимых начертаний, которые возникают в местной учительской, главным образом, среде.

Всё это можно решить, только зная настроение местных школьных работников¹¹, поэтому я ограничился лишь очень пространными записками, но со скромным назначением, с задачей выяснения принципов, на основании которых можно создать данный алфавит. Составить же проект алфавита от «а» до «я», послать его на места с рекомендацией Научного Совета с тем, чтобы на следующий же день жизнь опрокинула этот вдали от масс составленный проект — на это я никогда не решался (ВЦКНТА III: 133).

К ААА Поливанов обращается и в другом своём выступлении на Пленуме:

...вопрос об Абхазии является примером того, как профессорам не надо составлять алфавиты. О том, что алфавит недопустим, можно было бы сделать целый доклад. И вот это обстоятельство задержало на 5 лет издание абхазской революционной литературы (ВЦКНТА III: 181).

¹¹ Это была принципиальная позиция Поливанова, подчёркнутая им и в предисловии к публикуемой рукописи (л. 2, с. 152). — Е. С.

3.3. Для понимания критических высказываний Поливанова, содержащихся в публикуемой работе, обратимся к анализу ситуации, сложившейся вокруг ААА к концу 1927 года. На момент выступлений Поливанова на Первом съезде ВЦКНТА в июне того же года (ВЦКНТА I: 143–146) и направления им своей рукописи в Комиссариат просвещения Абхазии в ноябре к ААА сформировалось двойственное отношение. Причиной этого явилось столкновение двух проектов: ААА Марра и основанного на так называемом «унифицированном алфавите»¹² проекта, предложенного ВЦКНТА и поддержанного Поливановым.

Поливанов адресовал письмо в Комиссариат просвещения Абхазии, несомненно, ввиду того высокого авторитета, которым пользовался Марр среди абхазской интеллигенции в 1920-е годы (Яковлев 1932: 3). Как известно, Марр лично присутствовал на заседаниях комиссии Наркомпроса Абхазии по выработке и уточнению представленного им проекта. Интересны воспоминания Д. И. Гулиа¹³ об истории внедрения алфавита Марра в 1924 году:

Приняли алфавит Н. Марра. Народ был на моей стороне. Комиссар просвещения А. Чочуа также писал Марру: «Не внедряется Ваш алфавит, затрудняются писать и читать, трудный он и для практического применения, в нём много дополнительных знаков над и под буквами...»

Н. Марр отвечал: «Упростите начертание букв так, чтобы не нарушить аналитический принцип...» (Мегрелидзе 1985: 14).

Письма А. М. Чочуа Марру раскрывают многие детали. 29 июля 1925 года он говорит о сложностях восприятия алфавита:

Присланный Вами алфавит¹⁴ произвёл на всех нас невыгодное впечатление своей сложностью, трудностью начертаний букв и многочисленностью. <...>

¹² «Новый алфавит» (НА) для 57 народов Советского Союза, разработанный на основе нового тюркского алфавита (НТА), состоял из 33 букв, к которым для каждого конкретного языка добавлялись так называемые «дополнительные буквы», и насчитывал в общей сумме 105 букв (Яковлев 1936: 29; см. также Simonato-Kokochkina 2010).

¹³ Он был приглашён «для работы в Совнарком <Абхазии. — Е. С.> по практическому проведению в жизнь абхазского языка, как одного из основных государственных языков Республики», занимался созданием терминологической комиссии при Абцике (из письма Гулиа Марру 26 февраля 1926 г.; цит. по: Мегрелидзе 1985: 24; см. также *ibid.*, с. 14; Бигуаа 2015a).

¹⁴ Неизвестно, какой именно материал имеет в виду Чочуа. — Е. С.

1) печатный алфавит на отдельном листе многочисленен, сложен, труден для письма и производит нерасполагающее впечатление;

2) рукописный же текст довольно красив, приятен для глаза, и общее впечатление — приятное;

3) в рукописном тексте почему-то отсутствуют многие буквы из печатного алфавита;

4) начертание одних и тех же букв производится различно, так что трудно установить точное начертание их... (цит. по: Мегрелидзе 1985: 37–38; Габуниа 2011: 194).

16 апреля 1926 г. Чочуа в учтивой форме просит Марра внести изменения в алфавит:

Обсудив детально этот вопрос, члены Академии признали возможным изменение порядка алфавита и упрощение начертания букв, если это не нарушит Вашей научной системы. На Ваше одобрение представляю алфавит группы членов Академии. Больше не будем беспокоить Вас, Николай Яковлевич, относительно нового алфавита (Мегрелидзе 1985: 40).

В письме от 15 мая 1927 г. упоминаются существующие мнения о новом аналитическом алфавите, в частности, мнение Мушни Лаврентьевича Хашбы (1903–1992)¹⁵, цитируемое Чочуа:

Никого не удивлю я, если наш новый алфавит по его сложности и по его огромности назову китайским алфавитом. И для того, чтобы овладеть им ученику-абхазцу, сперва нужно быть художником — это также не удивит Вас, ибо об этом самом говорите и Вы тоже не так редко. Теперь, когда все подобные нам отстающие нации взялись за упрощение и развитие своего языка и своей письменности, мы, абхазцы, ради практического осуществления яфетической теории, наоборот, усложняем свой алфавит, делаем технически недоступным широкой массе трудящихся абхазцев (Мегрелидзе 1985: 49).

Уже в январе 1927 года Чочуа уведомлял Марра о непринятии его алфавита со стороны интеллигенции:

Время от времени появляются статейки в нашей абхазской газете о сложности и некоторой непрактичности нового шрифта, но

¹⁵ Абхазский писатель и общественный деятель (Авидзба 2015). В 1937 году в своей докладной записке на имя Абхазского обкома КП(б) Грузии Хашба выступал против перехода на новый абхазский алфавит (Справка о контрреволюционно-националистическом движении в Абхазии, см. <http://doc20vek.ru/node/1502>).

Ваш авторитет и окончательное наше решение о введении нового шрифта заставляют молчать авторов этих статей. До получения нового шрифта и достаточного усвоения широкой массой — вопрос о новом шрифте не будет ставиться нигде (Мегрелидзе 1985: 46).

В письме к Марру от 25 апреля того же года Чочуа ставит его в известность о предстоящем визите в Академию абхазского языка и литературы для чтения курса лекций по грамматике абхазского языка Яковлева, который «произвёл на всех нас серьёзное впечатление» (Мегрелидзе 1985: 48)¹⁶. Несмотря на своё критическое отношение к алфавиту Марра, члены Академии просят самого же Марра уговорить Яковлева поддержать этот проект (заметим, что Яковлев вступит в дискуссию лишь в 1931 году со статьёй «„Аналитический“ или „новый“ алфавит?» (Яковлев 1931)):

Просил бы Вас, Николай Яковлевич, если Вы одобрите приглашение проф. Яковлева, то способствовать командировке его Институтом в августе в Абхазию. Но с непременным условием, чтобы новый наш алфавит в Вашей транскрипции был бы им одобрен, в противном случае между курсантами будут и могут возникать относительно нового шрифта разного рода толки (Мегрелидзе 1985: 48).

Сам Яковлев 14 сентября 1927 г. пишет из Абхазии Розалии Осиповне Шор (1894–1939) — учёному секретарю Института народов Востока, эрудированному, разностороннему и энергичному филологу¹⁷:

В Абхазии я прочёл курс грамматики и абхазские учителя поднесли мне адрес, в котором, меж. проч., просят меня переговорить с Ник. Яковл. <Марром. — Е. С.> об упрощении его абхазского алфавита. Вот поручение!? (Архив РАН: ф. 677, оп. 3, д. 107, л. 114 об.).

Наконец, о таком же парадоксе упоминает и А. Н. Генко, работавший в Абхазии в июне — июле 1928 года и участвовавший в реформе абхазского алфавита, курируемой Абхазской академией

¹⁶ Как можно установить, Яковлев посещал Абхазию в начале 1927 года. Сведения об этой командировке мы находим в тех же письмах Чочуа, ср. 10 января 1927 г.: «В настоящее время у нас в Абхазии гостит профессор Н. Ф. Яковлев, который думает серьёзно заняться изучением абхазского языка» (Мегрелидзе 1985: 45).

¹⁷ См. о ней также (Алпатов 2009; Šor 2016; Никитин 2018).

языка и литературы, автор статьи «Абхазский вокализм» (Генко 1928а) и абхазско-русского словаря, вышедшего посмертно (Генко 1998). В письме Ф. А. Розенбергу¹⁸ от 19 июня 1928 г. Генко упоминает, что, приехав в Сухум, он попал

в крайне двусмысленное положение — именно абхазские деятели просвещения атаковали меня по части реформы абхазского шрифта, предложенного Ник. Як-чем. Не имея никакой возможности, без ущерба для своего намеченного предприятия, совсем уклониться от этого дела, я должен был давать им разные советы, которые клонились к изменению системы Н. Я. Опасаюсь взрыва ярости по своему адресу, но делать абсолютно нечего (цит. по: Волкова, Сергеева 1999: 107; оригинал в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: ф. 850, оп. 3, д. 34, л. 4).

Первые свидетельства о критике ААА появляются начиная с 1928 года. Чочуа приглашает Марра приехать и рассмотреть возможные упрощения: «Конечно, это ни в коем случае не повлияет на проведение в жизнь нового алфавита», — заверяет он Марра. В письме от 5 апреля 1928 г. находим и первое упоминание о критике, поступившей также со стороны Поливанова:

Проф. Поливанов написал целую критику по поводу нового абхазского алфавита, но своего не дал. Профессор Яковлев тоже. В Туркестане на тюркологическом съезде, в январе текущего года¹⁹, где были Поливанов и Яковлев, представитель Абхазии — Кондратий Дзидзария²⁰ по настоянию, очевидно, этих профессоров, выступил с критикой нового

¹⁸ Фёдор (Фридрих) Александрович Розенберг (1867–1934), иранист-востоковед, член-корреспондент Академии наук СССР (Оранский 1972: 316), дружил с Марром и некоторое время увлекался его яфетической теорией (см. работы Розенберг 1923, 1927), но не принял «нового учения о языке» (Каганович 2011: 451–452). (В статье Волковой и Сергеевой (1999) перепутаны инициалы: «А. Ф. Розенберг».)

¹⁹ На самом деле имеется в виду Второй пленум ВЦКНТА (7–12 января 1928 г.), в стенографическом отчёте которого представлены выступление Дзидзария (ВЦКНТА II: 169–173, ср. *ibid.*, с. 7–8) и резкие слова Агамалыоглы: «Согласно новым „научным соображениям и теориям“ академик Марр уже показал, как пагубна излишняя мудрость, он составил алфавит для Абхазии, насытив его изрядно разными значками, точками, крючочками и проч., и в конце концов так напугал народ, что он убежал к арабизму...» (*ibid.*, с. 208).

²⁰ Кондрат Фёдорович Дзидзария (1891–1937) — выдающийся представитель абхазской интеллигенции, общественный деятель, педагог, знаток и собиратель музыкального фольклора абхазов (Хашба 2015).

алфавита. На съезде с резкой критикой абхазского алфавита также выступил председатель ЦИК Азербайджана т. Агамалы-оглы²¹ (Мегрелидзе 1985: 51).

3.4. В 1928 году для абхазской письменности принят проект на основе нового алфавита, разработанный ВЦКНТА, исправленный С. Я. Чанбой²², М. Л. Хашбой и Н. Ф. Яковлевым и одобренный Поливановым²³:

Следующий вопрос, которым мы занимались — это была разработка абхазского алфавита. Абхазский алфавит по своим звукам является более сложным, чем языки Дагестана, о которых я только что говорил. В Абхазии, как известно Пленуму, существовал аналитический алфавит ак. Н. Я. Марра. Этот алфавит имеет приблизительно 70 звуков и даже больше, но он был объявлен негодным для практических — школьных и государственных целей. Мы же разработали практический школьный алфавит, и он отвечает всем требованиям. Проф. Поливанов также пришёл к тому заключению, что этот алфавит может быть принят, хотя проф. Поливанов намечал создание другого проекта абхазского алфавита. Этот проект мы переслали на заключение в Комитет Абхазии. Окончательная же проработка абхазского алфавита была произведена местными работниками, в особенности т. т. Чанба и Хашба. Они у себя, с помощью культурного актива, с помощью научных работников, составили проект, который с графической стороны отвечает всем требованиям и является наиболее простейшим из проектов, которые были до

²¹ Самед Ага Агамалы оглы (1867–1930) — известный азербайджанский и советский политический и государственный деятель, руководитель проведения латинизации в Азербайджане.

²² Самсон Яковлевич Чанба (1886–1937), абхазский писатель, драматург, и видный культурный и общественный деятель, принимал участие в разработке нового алфавита, был репрессирован в 1937 году (Бигуаа 2015б).

²³ Сведения по поводу авторства данного проекта абхазского алфавита и роли Поливанова в его создании различаются. Так, Чобан-Заде в своём докладе на Третьем пленуме указывает, что Поливанов намечал создание другого алфавита, но данный проект одобрил (ВЦКНТА III: 148); Габуниа и Гусман Тирадо, напротив, называют Поливанова автором данного проекта (Габуниа, Гусман Тирадо 2007: 14). Согласно ещё одному мнению, латинизированный абхазский алфавит был составлен Яковлевым в 1928 году по поручению Наркомпроса Абхазии (Бгажба 1967: 58–59). Сам Поливанов на Третьем пленуме ВЦКНТА в Казани в декабре 1928 г. упоминает, что давал рекомендации теоретического характера (ВЦКНТА III: 133 — см. выше с. 72). Обзор вопроса о времени перехода на унифицированный алфавит см. также в работе (Чирикба 2021: 152–156).

сих пор. Таким образом, этот проект был нами одобрен (ВЦКНТА III: 110, из речи Б. Чобан-Заде).

На Третьем пленуме ВЦКНТА в 1928 году С. Я. Чанба и У. Д. Алиев²⁴ докладывали о состоявшемся в Нальчике летом того же года совещании по унифицированию горских алфавитов, после которого унифицированный абхазский алфавит был утверждён Научным советом ВЦКНТА (ВЦКНТА III: 92, 148). Уже на Втором пленуме ВЦКНТА было решено разработать «единый горский алфавит» на основе нового тюркского алфавита (Яковлев 1930: 49), а также говорилось о целесообразности унификации близкородственных языков по группам: адыгейского с черкесским и с абхазским²⁵. Позднее количество букв в этом проекте абхазского алфавита будет сокращено с 51 до 38 (Яковлев 1936: 29).

Как в 1931 году напишет Н. Ф. Яковлев, ААА «давно сдан в архив истории в Абхазии» (Яковлев 1931: 43). К этому времени уже состоялась печально известная «Поливановская дискуссия» (см. о ней выше, с. 34), и Поливанов *de facto* был отстранён от «алфавитного строительства» (в 1930 году его исключили из состава научного совета Всесоюзного центрального комитета нового алфавита [Хроника ВЦКНА 1931: 218]).

²⁴ Умар Джашуевич Алиев (1895–1937) — советский общественный и культурный деятель на Северном Кавказе, автор фундаментальных работ по карачаево-балкарскому языку.

²⁵ Интересен ход размышлений Н. Ф. Яковлева по поводу унификации горских алфавитов. Как объясняет учёный, основанием служила как фонетическая схожесть языков, так и фактор общения между данными народами. «Кабардинцы и нижние черкесы... представляют собою группу ближайше родственных языков, различие между которыми не мешает говорящим частично понимать друг друга. Что касается абхазского языка, то последний, принадлежа народу, с древнейших времён культурно-связанному с грузинами, несмотря на своё родство с черкесскими языками... довольно сильно отличается от последних... Однако есть целый ряд причин, благодаря которым унификация абхазского алфавита с черкесскими представляет собою назревшую проблему национально-культурного строительства на Западном Кавказе. Абхазский язык по своему звуковому составу, по своей фонетике являет нам многие черты, аналогичные фонетике черкесских языков» (Яковлев 1930: 51). Тут имеется в виду как количество, так и «способы различения» фонем, например, «надгортанность — подгортанность», «твёрдость — мягкость», «активная — пассивная лабиализация».

3.5. В качестве постскриптума процитируем строки из письма Марра А. К. Хашбе²⁶ 5 декабря 1932 г.:

...не моя вина, что Абхазию оторвали от первенства в практическом примен<ении> нового учения об языке и тем затормозили ход языкового строительства (следовательно национального строительства по-новому) (Мегрелидзе 1985: 58).

Знаменательно, что, несмотря на глубокое уважение к вкладу Марра в абхазоведение, отражённое в статье о нём в недавно вышедшем «Абхазском биографическом словаре» (Медвенский 2015), в ней нет ни малейшего упоминания об ААА (см. также Салакая 2006).

Обсуждение проектов алфавита для абхазского языка, таким образом, всё больше приобретает идеологический подтекст. В 1932 году в защиту унифицированного алфавита в журнале «Революция и письменность» выступает также лингвист и востоковед Алексей Михайлович Сухотин (1888–1942). Автор высказывается по поводу дискуссии на совместном заседании Научно-исследовательского Института языкознания (НИЯЗ) и Института народов Востока 5 мая 1931 г., где были заслушаны доклады проф. Яковлева и Иннакея Дмитриевича Дмитриева-Кельды (1902–1994), удмуртского просветителя, убеждённого яфетидолога. По мнению Сухотина,

возникшая стихийно на советской почве материалистическая языковедная теория, яфетидология, оказалась неспособной повернуться лицом к революционной практике, а предпочла кабинетным путём разрабатывать свою универсальную лингвистическую транскрипцию (в основе которой лежит так называемый абхазский аналитический алфавит), рекомендуя её вместе с тем и в качестве базы для практических алфавитов отдельных национальностей (Сухотин 1932: 96).

Развивая свои полемические соображения, он далее задаётся вопросом:

²⁶ Арсен Константинович Хашба (1900–1938), аспирант Яфетического института, собиратель диалектных материалов по абазинскому и кабардинскому языкам. Член «Абхазского комитета нового латинизированного алфавита», в 1938 году был репрессирован по ложному обвинению, связанному «с переводом абхазского алфавита на грузинскую графическую основу» (Хеция 2015: 692). Подробнее о его научной деятельности см. (Чирикба 2025).

Что обо всём этом думают представители яфетидологии, того направления, которое они считают ведущим в советской лингвистике? Продолжают ли они настаивать на введении «абхазского аналитического алфавита» в качестве практического унифицированного алфавита, или они предлагают что-нибудь другое и что именно? (Сухотин 1932: 102).

Что же он <Дмитриев. — Е. С.> собственно предлагает? Осчастливить все народы СССР абхазским аналитическим алфавитом? (Он же ведь лучший из всех существующих: почему же его не вводить?). Или же ждать, когда из среды яфетидологов появится новый, ещё более совершенный «единый» алфавит? А жизнь не ждёт. Алфавитная революция идёт своим ходом (ibid.).

3.6. Исследования абхазского языка не прерываются и после принятия проекта на основе унифицированного алфавита. В пятилетнем плане работы Института яфетидологических разысканий на 1929–1934 гг. от 6 марта 1929 г. (Мещанинов [1929]/2013: 216–221) за подписью И. И. Мещанинова упоминается: 1931 — лингвистическое изучение абхазского языка, 1931–1932 — то же, то же на 1932–1933, а также составление словаря-справочника по кавказским языкам (грузинскому, мегрельскому, чанскому, сванскому, абхазскому и др.).

Сам Марр, вероятно, уже отошёл от данной темы. Косвенным подтверждением этого может служить тот факт, что в своём письме в Комиссию экспедиционных исследований АН СССР учёный просит заменить абхазо-черкесскую экспедицию на балкаро-карачаевскую (Марр [1929]/2013).

Исследования в направлении улучшения абхазского алфавита продолжают и позже, но уже при Институте востоковедения АН в Ленинграде. Так в «Уточнённом плане работы института на 1936 г.» (Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН: ф. 152, оп. 1а, д. 348 (материалы об участии Института востоковедения в работе по новому алфавиту, 15/II 1934 — 16/X 1936), л. 57), предложенном местными комитетами нового алфавита на Кавказе, ставится задача осуществить преобразование алфавитов, т. е. произвести сокращение количества букв и стандартизацию графических знаков для абхазского, абазинского, кабардинского и адыгейского языков.

Глава четвёртая

К РЕКОНСТРУКЦИИ НЕСОХРАНИВШЕЙСЯ «ФОНЕТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА» Е. Д. ПОЛИВАНОВА

...Абхазский язык: его чрезвычайная, исключительная бедность вокализма (если мы примем во внимание основной слой абхазского языка — без заимствованных слов) компенсируется гипертрофией согласных (которые по функциональной своей нагрузке никак уж не будут соизмеримы с единицами русского, напр., консонантизма, почему даже и практический вопрос абхазской графики может быть решаем принципиально иначе, чем для большинства других языков: не по формуле «на одну фонему одна графема»), а с другой стороны — и наличием свободного ударения (ср. словоразличения вроде *ála* — *alá* <‘глаз’ — ‘собака’>).

Е. Д. Поливанов. К общefonетическому вопросу о функциях ударения (Поливанов [1931]/2021: 1369)

4.0. Абхазский язык не был центральной темой в исследованиях Поливанова. Тем не менее с этим языком он был знаком по крайней мере лингвистически¹, что позволяло не только многократно привлекать отдельные факты абхазской фонетики в качестве параллелей или интересных примеров, но и обобщить и систематизировать их. Такими обобщениями являются три работы Поливанова:

1) несохранившаяся «Фонетическая характеристика абхазского языка» из второго, утраченного тома учебника Поливанова по введению в языкознание, прямые указания на которую

¹ Ср. цитировавшееся выше (с. 72) упоминание о «сношениях только с двумя абхазами» в Москве; их фамилии названы в публикуемой рукописи: «Кобахия и Богапш» (л. 15, с. 160), иных сведений найти не удалось.

встречаются в первом томе (Поливанов 1928а: III, 163, 177); ср. также (Концевич 1991б: 291, 293)²;

2) рукопись «Абхазский аналитический алфавит», впервые изданная в 2017 году (Андронов, Симонато, Томеллери 2017) и вновь публикуемая в настоящей книге; это сочинение позволяет представить некоторые элементы планировавшейся «Фонетической характеристики...», поскольку одну из его задач автор формулирует так: «описать фонетическую систему языка — хотя бы в виде перечня различаемых в абхазском языке звукопредставлений»³ (л. 5, с. 153);

3) краткий очерк «Абхазский язык», недавно обнаруженный в рабочих материалах многотомной «Литературной энциклопедии» 1929–1939 гг. (Российский государственный архив литературы и искусства: ф. 629, оп. 1, д. 103, л. 17а–21); в энциклопедии опубликована одноимённая статья Н. Я. Марра (Марр 1929а).

² «Второй том, видимо, также был доведён до стадии корректуры (об этом косвенно свидетельствуют ссылки на страницы второго тома в ряде работ самого Е. Д. Поливанова), но дальнейшая судьба его неизвестна. Скорее всего, он, как и ряд других работ Е. Д. Поливанова, был изъят из печати в связи с резко критическими выступлениями автора по поводу яфетической теории Н. Я. Марра, адепты которой таким путём расправлялись с её противниками, а после ареста 1937 г. и уничтожен» (Концевич 1991б: 594–595).

³ Как известно, Поливанов последовательно использовал термин «звукопредставление», следуя психологической теории фонемы своего учителя И. А. Бодуэна де Куртенэ, ср.: «Фонема — единое представление, принадлежащее миру фонетики, которое возникает в душе посредством слияния впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука — психический эквивалент звуков языка» (Бодуэн де Куртенэ 1895/1963: 271); «Существующее в данном языке представление звука языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова, мы будем называть фонемой» (Поливанов 1928а: 217). Так понимаемых фонем (звукопредставлений) в языке может быть больше, чем фонем, устанавливаемых при помощи структурного анализа (например, в Пражской или Московской фонологической школах) — ср. мнение Поливанова о наличии в русском языке отдельных звукопредставлений /i/ и /ы/, мягких заднеязычных (Поливанов [1933]), а также «среднего» /l/ западноевропейского типа в языке дореволюционной интеллигенции (Поливанов 1931б: 147–149 = 1968: 232–234). О расхождении в объёме понятий структуралистской фонемы и психолингвистического «звукопредставления» см. (Андронов 2025).

Настоящий раздел призван обобщить встречаемые в работах Поливанова данные по абхазской фонетике, опираясь в первую очередь на публикуемую рукопись.

4.1. Наиболее интересной представляется проблема «дорсально-губного» ряда согласных, постулируемого Поливановым:

Знаками $\psi^?$ ψ^b $\psi^?$ обозначаю ряд губных смычных особого образования: смычка образуется не концами, а более глубокими частями губ; местом смычки являются, следовательно, те части губ, что и при так называемом «губном p » (т. е. при звуке, передаваемом по-русски через «бррр...»); глухой его вариант мы имеем в русском «тпррр...»). В этом смысле губные смычные данного ряда могут быть названы «дорсально-губными». Различение трёх вариаций по моменту гортанной работы (глухой смычно-гортанный или «гамзированный» $\psi^?$, звонкий ψ^b , глухой открытогортанный или придыхательный $\psi^?$) — то же, что и в других рядах смычных и аффрикат. Исторически эти «дорсально-губные» восходят, по-видимому, к лабиализованным переднеязычным ($*t^w?$ $*d^w$ $*t^w?$): ср., напр., абхазское $a-\psi^b k \partial n^4$ «лавка <магазин>» ← персидское $\text{دوكان} <dūkān>$ (л. 8–9, с. 156).

Термин «губно-дорсальные» встречается и во «Введении в языкознание» Поливанова — применительно именно к абхазским щелевым согласным, обозначенным ϕ и ψ (Поливанов 1928а: 163). Соответствующие взрывные (без употребления рассматриваемого термина, но с пояснением введения для них знаков $\psi^?$ ψ^b $\psi^?$, отсутствующих в МФА) помещены в таблицу типов согласных звуков (ibid., с. 174, 176): строка губных, столбец дрожащих. Находим данный термин и в «Грамматике абхазского литературного языка» Н. Ф. Яковлева (написанной в конце 1940-х — начале 1950-х годов, но опубликованной лишь в 2006 году Б. Г. Джонуа), где взрывные звуки этого типа охарактеризованы следующим образом: «Звуки $t\partial$, $d\partial$, $t\partial$ являются губно-губными вибрантами, при произношении которых губы касаются друг друга своей внутренней поверхностью (дорсально-губная артикуляция). Этим звукам также свойственен оттенок смягчения (палатализация)» (Яковлев 2006: 310)⁵. Н. В. Юшманов (1937: 29) отмечает, что

⁴ См. комментарий в публикации рукописи — с. 156, сноска **. — А. А.

⁵ Соответствующие щелевые Яковлев описывает как «полумягкие шипящие спиранты с выдвиганием губ вперёд, произносимые иногда с присвистом» (Яковлев 2006: 313).

звуки *tʰ dʰ ʋʰ* «являются губными дрожащими (правда, одноударными — flapped consonants)». Более развёрнутое обоснование трактовки их как дрожащих или взрывных («смычных») даёт Поливанов, комментируя аналогичные звуки дунганского языка в статье «Закон перехода количества в качество в процессах историко-фонетической эволюции», увидевшей свет только в 1968 году⁶:

...данные дунганские, а с другой стороны, и абхазские губные дрожащие являются одноударными, тогда как фигурирующие в русском языковом быту *brppr...* и *tnppp(y)* состоят из нескольких дрожаний губ, т. е. являются многоударными. Эта особенность данных дунганских (и абхазских) звуков служит принципиальной для них чертой, так как только при одноударности возможна их фонологическая квалификация в качестве одного из рядов в системе смычных согласных (дунганского, гесп. абхазского языка) (Поливанов [1937]/1968: 123).

Содержание понятия «дорсальный» (традиционно: произносимый с участием спинки языка) применительно к рассматриваемым звукам необычно. Можно было бы предположить, что упоминаемый Яковлевым (2006: 312, 313) «оттенок смягчения», или «полумягкость», отражает как раз участие спинки языка, обеспечивающее более высокий тембр данных звуков (как взрывных, гесп. дрожащих, так и щелевых). Однако на л. 14–15 публикуемой рукописи Поливанов (см. с. 159), вновь возвращаясь к вопросу об этих специфических абхазских звуках, утверждает, что при их произношении «передняя часть языка (арех) не участвует вовсе»⁷. Разъяснение термина «губно-дорсальный» находим в упомянутой статье Поливанова (здесь же и более подробный комментарий относительно рассматриваемых звуков — «смычных губных одноударно-дрожащего образования»): они характеризуются

...несколько отличным (от *b* и *p*) местом образования: при *p* смычку образуют края губ, а при звуках типа *β*, *φ* — более внутренние зоны губных поверхностей (что и давало проф. Н. Ф. Яковлеву право называть

⁶ Оригинал хранится в Рукописном фонде Института литературы Национальной академии наук Киргизской Республики: ф. «Специальный», д. 102.

⁷ Со ссылкой на краткую характеристику соответствующих артикуляций у Чочуа (1926: 8): «произнести в... губах, без участия других органов рта» (разрядка Поливанова; отметим, что при переиздании «Самоучителя русского, абхазского и грузинского языков» Чочуа в собрании его сочинений замечание о пассивности других органов рта было опущено (Чочуа 1969: 157)).

эти абхазские согласные условным термином «губно-дорсальные»; при этом имелось в виду, конечно, не *dorsum* языка, а именно *dorsum* внутренней поверхности каждой из губ) (Поливанов [1937]/1968: 124).

Интересно, что трактовку рассматриваемых согласных Поливанов основывает в первую очередь на их артикуляционных характеристиках, настаивая на квалификации их как особого типа губных, а не лабиализованных переднеязычных, происхождение от которых он предполагает. Такой — чисто фонетический — подход в целом не свойствен Поливанову, обычная ориентация которого на функциональные особенности фонем подчёркивалась и в литературе (см., например, Алпатов 1988: 46). Уже общий взгляд на таблицу знаков МФА для абхазского консонантизма, предлагаемую в публикуемой рукописи (л. 7, с. 155), наводит на мысль о том, что рассматриваемые фонемы (как взрывные, так и щелевые) могут заполнять пустые клетки лабиализованных переднеязычных (соответственно, зубных и альвеолярных). Показательно использование для них основных начертаний *t*, *ʈ*, *d* и *ɬ*, *ɟ* в сочетании с кружком в ААА, *т*, *т̚*, *д* и *ш*, *ж* в составе диграфов с *ə* в современной абхазской графике. О том же свидетельствует и наблюдаемый в абхазских говорах процесс делабиализации, в результате которого «дорсально-губные» звуки превращаются в переднеязычные (Бгажба 1964: 115, 117; Hewitt 2010: 11). Интересен в этой связи факт морфонологических чередований лабиализованных и нелабиализованных фонем в близкородственном абхазскому убыхском языке (см. комментарий Вяч. Вс. Иванова (Поливанов 1968: 331))⁸.

4.2. Относительно «глубоких» и «неглубоких» заднеязычных в литературе (как, видимо, и в самом абхазском языке и его диалектах) нет единства. Одни исследователи (например, Клычев, Чкадуа 2001: 115) относят заднеязычные щелевые к неглубоким, объединяя в общем ряду [x], [χ] и [kʔ], [kʰ], [g] (современные символы МФА), другие (например, Hewitt 2010: 10) отмечают, что

⁸ В типологическом контексте двухфокусных артикуляций данные звуки рассматривает Дж. К. Кэтфорд (Catford 1977: 189–191), специально лабиализованным согласным абхазского языка посвящена работа (Catford 1972), ср. (Hewitt 1986) о лабиализованных свистящих в убыхском, а также обзор звуковых систем северокавказских языков и соответствующей литературы в книге (Colarusso 1988).

заднеязычные щелевые являются увулярными ([χ], [ʁ]) и соответствуют увулярным взрывным ([qʔ]). Последней точки зрения придерживается и Поливанов, не называя, однако, соответствующие звуки увулярными, а используя более общий термин «глубокие заднеязычные» (подробнее о типах заднеязычных см. Поливанов 1928a: 152–154, 172–173).

В публикуемой рукописи для обозначения заднеязычных щелевых использованы символы *x* и *ʒ*, что соответствует употреблению Л. В. Щербы (1911: 172), следующего за Бругманном (*ibid.*, с. 170) и Сиверсом (*ibid.*, с. 178). Однако, согласно таблице типов согласных звуков в учебнике самого Поливанова (1928a: 174), символ *x* обозначает неглубокий заднеязычный глухой сплант (соответствующий звонкий — *ɣ*), глубокий же обозначается символом *ʁ* (звонкий — *ʁ*). По исправлениям в рукописи можно заметить, что Поливанов испытывал колебания в выборе обозначений для этих звуков: на л. 17 и 18 (с. 160) он дважды исправляет первоначальный комбинированный знак *xʒ* на обычное *x* (об аналогичных звуках в грузинском см. (Поливанов 1925: 114–116), где использовалось обозначение *xʒ*), а на л. 19 (с. 161) дважды вычёркивает *ʁ* и пишет *ʒ*.

4.3. Пояснение к обозначению гортанных звуков даётся Поливановым в учебнике (Поливанов 1928a: 95–96):

Особая гортанная артикуляция наблюдается в гортанных сплантах, при которых принимает участие надгортанник (*epiglottis*) и которые можно поэтому называть «эпиглоттальными»; см. ниже в параграфе, посвящённом надгортаннику.

Звуки эти в большинстве языков (в том числе во всех западно-европейских) отсутствуют, и известны нам лишь из языков семитских, хамитских и некоторых кавказских.

Наиболее известный пример их — это арабские *ħ* (глухой) и *ʁ* (соответствующий звонкий сплант).

Таковы же др.-еврейские *ħ* и *ʁ*. В практике МФА (= Международного Фонетического Алфавита) окончательный выбор знаков для ар. *ħ* и *ʁ* ещё не определился, и в настоящем курсе я пользуюсь символами [H] — для *ħ* и [Q] *ʁ* — лишь потому, что эти знаки были предложены в официальном перечне символов МФА (см. Л. В. Щерба «К вопросу о транскрипции» Изв. Отд. Русск. яз. и сл. XVI (1911) кн. 4. <= Щерба 1911: 165>), вполне сознавая недостатки этих символов (известное неудобство транскрипционного употребления больших букв, а также непоследовательность в выборе Q для звонкого и притом спланта). Однако,

в качестве вполне условных (и временных) символов я допускаю Н и Q — именно для данных звуков (арабского типа, т. е. спиранта)...

4.4. Поскольку основные различия между графическими системами, применявшимися для абхазского языка в разное время, состоят в обозначении шумных согласных, целесообразно обобщить их в виде четырёх таблиц, представляющих 1) Международный фонетический алфавит, 2) современную абхазскую графику⁹, 3) абхазский аналитический алфавит Н. Я. Марра и 4) транскрипцию Е. Д. Поливанова, предложенную в публикуемой рукописи (см. с. 88–89). Для удобства ориентации таблицы организованы в порядке, близком к современному МФА (то есть развёрнуты относительно таблиц, данных Поливановым (л. 7 и 10, с. 155 и 158): по горизонтали представлено место образования, по вертикали — способ; внутри ячеек, как в МФА, левые символы обозначают глухие, правые — звонкие согласные). При этом сами категории согласных организованы фонологически (отражают функциональные группировки и корреляции): противопоставлены взрывные, аффрикаты и щелевые — с подразделением каждой строки на ряды «обычных», палатализованных и лабиализованных¹⁰. Колонки глухих подразделяются на абруптивные и аспирированные (за исключением гортанных, не различающих эти разновидности).

Символы в первой таблице (МФА) выбраны в соответствии с собственно фонетическими особенностями звуков. Так, аффрикаты включают «обычные» зубные ([tʃ]), ретрофлексные ([dʒ]), постальвеолярные ([dʒ]) и альвеопалатальные ([tʃ]). Это один из нередких примеров известной разницы между узкофонетическим и фонологическим подходами (постальвеолярные считаются мягкими и могли бы обозначаться /dʒⁱ/, а альвеопалатальные, являясь лабиализованными соответствиями «обычных» зубных, — /tʃ^w/).

⁹ В таблице использованы символы *ŋ* и *ç* («с нижним выносным элементом»), однако в абхазских текстах всё ещё можно встретить более ранние *ɳ* и *ɸ* («с крюком посередине»); нельзя не отметить многообразие функций этого диакритического элемента: при *n*, *m* и *k* он обозначает придыхательность, при *ç* и *e* — абруптивность, при *ç* — щелинность, при *x* — гортанность (ср. Chirikba 2003: 15–16; Hewitt 2026: 201, прим. 8).

¹⁰ Ввиду фонологической ориентации таблицы в ней не отражается различие типов лабиализации, например, денто-лабиальная артикуляция свистящих щелевых (см. Chirikba 2003: 19).

Сопоставительная таблица обозначений шумных согласных абхазского языка

Международный фонетический алфавит

			Губные				Переднеязычные				Заднеязычные				Гортанные		
			Губные			зв.	зубные			зв.	альвеол.			зв.	неглубокие		
			гл.	абр.	асп.		гл.	абр.	асп.		гл.	абр.	асп.		гл.	абр.	асп.
Взрывн.			pʔ	p ^h	b		tʔ	t ^h	d						kʔ	k ^h	g
	пал.						tʔ	t ^h	d						kʔ	k ^h	g ^j
	лаб.		()	()	()		tʔ	t ^{wh}	d ^w						kʔ	k ^{wh}	g ^w
Аффри.							tʔ	t ^h	dz		tsʔ	ts ^h					
	пал.						tʔ	t ^h	dz		tsʔ	ts ^h					
	лаб.						tʔ	t ^{wh}	dz ^w		tsʔ	ts ^h					
Щел.			f	v			s	z			ʂ	ʐ			(x)	(ɣ)	
	пал.						s	z			ʂ	ʐ			(xʲ)	(ɣʲ)	
	лаб.		()	()	()		(ɕ ^w)	(ʑ ^w)			ʂ ^w	ʐ ^w			(x ^w)	(ɣ ^w)	

Современная абхазская графика

Взрывн.			п	ц	б	т	т	д			к	қ	г		к		
	пал.										кь	қь	гь		кь		
	лаб.					тə	тə	дə			кə	қə	гə		кə		
Аффри.						ц	ц	з		ц	ʕ	ц					
	пал.									ч	ч	ць					
	лаб.					цə	цə	зə									
Щел.			ф	в		с	з			ш	ж				х	г	х
	пал.									шь	жь				хь	гь	
	лаб.									шə	жə				хə	гə	ə

Абхазский аналитический алфавит Н. Я. Марра

Взрывн.		p	φ	b	t	ʈ	d	k	q	g	ḳ	ḳ̣	ḳ̣̣	
	пал.													
	лаб.													
Афр.					ṭ	ʈ̣	ḏ̣							
	пал.				ṭ̣	ʈ̣̣	ḏ̣̣							
	лаб.				ṭ̣̣	ʈ̣̣̣	ḏ̣̣̣							
Щел.		f	v		s	z		q̣	q̣̣	q̣̣̣	ḡ	ḡ̣	ḡ̣̣	w
	пал.													
	лаб.													

Транскрипция Е. Д. Поливанова

Взрывн.		pʔ	p̣ʔ	b	tʔ	ṭʔ	d	kʔ	ḳʔ	g	qʔ			
	пал.													
	лаб.													
Афр.		ψʔ	ψ̣ʔ	ʃ	(ψʔ)	(ψ̣ʔ)	(ʃ)	kʔʷ	ḳʔʷ	gʷ	qʔʷ			
	пал.													
	лаб.													
Щел.		f	v		s	z		x	x̣	3	H	Qʰ		
	пал.													
	лаб.													

Постулированный Поливановым ряд «дорсально-губных» (см. раздел 4.1, с. 83) в соответствии с современными представлениями в таблицах распределён между переднеязычными: взрывные (одноударные дрожащие) занимают колонку зубных (рядом с лабиализованными аффрикатами, которые учёный не относил к дорсально-губным и помещал в раздел переднеязычных зубных, *геср.* свистящих), а щелевые — колонку альвеолярных. В таблице, представляющей транскрипцию Поливанова, дорсально-губные, согласно его трактовке, помещены в колонку губных, но в колонках переднеязычных те же символы повторены в скобках.

Относительно глубоких и неглубоких заднеязычных в таблице отражено мнение Поливанова, но о существовании альтернативной точки зрения призвано свидетельствовать отсутствие разделительной линии между ячейками неглубоких и глубоких заднеязычных щелевых (неглубокие показаны в соответствующей ячейке таблицы МФА в скобках).

Согласно тому же принципу, в строке лабиализованных щелевых отсутствует разделительная линия между тремя ячейками (губных, зубных и альвеолярных), что отражает многообразие мнений относительно соответствующих звуков («дорсально-губных» по Поливанову)¹¹. Ячейка зубных переднеязычных в этой строке содержит взятые в скобки символы ϵ^w и z^w (являющиеся соответствиями взрывным t^{wh} и d^w).

Скобки в таблицах, таким образом, показывают, к каким колонкам могут быть отнесены фонемы, находящиеся в объединённых ячейках, и обозначения соответствующих вариантов средствами МФА (при отсутствии стандартного обозначения место в скобках оставлено пустым).

Гортанный звонкий щелевой в абхазском является одновременно палатализированным и лабиализованным, поэтому его обозначение [ʕʎ] помещено между соответствующими строками.

Функциональный (не артикуляционно-акустический) анализ должен уточнить группировку абхазских согласных фонем.

¹¹ Ср. упоминаемый Яковлевым «присвист» — с. 83, прим. 5.

Н. Я. МАРР

**АБХАЗСКИЙ
АНАЛИТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ**

(К ВОПРОСУ О РЕФОРМАХ ПИСЬМА)

Факсимильное воспроизведение
издания 1926 года

Программный очерк Н. Я. Марра «Абхазский аналитический алфавит» (Марр 1926б) стал 12-й публикацией в серии изданий Ленинградского института живых восточных языков имени А. С. Енукидзе и одновременно первым томом «Трудов яфетического семинария»¹. Позже он был включён в «Избранные работы» Марра (М II: 321–351) и в сборник его статей «О языке и истории абхазов» (Марр 1938: 256–293).

Публикуя факсимильное воспроизведение издания 1926 года, составители настоящей монографии сочли целесообразным исправить следующие замеченные ошибки в использовании символов ААА² (опечатки в русском тексте не ретушировались):

Страница, строка сверху/ снизу	Напечатано в оригинале	Исправлено в настоящем издании
31 ₈	$k + w \rightarrow q_0$	$k + w \rightarrow k_0$
31 ₆	$z \rightarrow z$	$s \rightarrow z$
33 ₁₇	зубчиком (◡)	зубчиком (◡)
38 ¹⁴	$\varphi = \eta$	$\varphi = \eta_0$
38 ₁₄	$q = k_0$	$q = \eta_0$
38 ₁₃	Плавн $n = n$.	Плавн. $n = n$
40 ¹⁴	Пример «a-gàr 'колыбель'», в оригинале смещённый вправо, выровнен по левому краю колонки.	
42 ²	$\underset{\sim}{d}$	$\underset{\sim}{d}$
42 ₅	$\underset{\sim}{d}$	$\underset{\sim}{d}$
43 ₂	$\underset{\sim}{d}$	$\underset{\sim}{d}$
46 ¹¹	āl 'рука', āl-bı 'сила'	āl 'рука', āl-bı 'сила'
46 ¹⁷	āl 'сила'	āl 'сила'
51 ⁸	$q_0 \dot{q} \dot{q} \dot{q}_0$	$q_0 \dot{q} \dot{q} \dot{q}_0$
51 ₇		

¹ Следующими томами были (Марр 1926е) и (Кукба, Хашба 1928). О яфетическом семинарии см. (Кононов, Иориш 1977: 95–96).

² Для понимания системы символов и условных знаков лингвистической нотации Марра очень полезна брошюра И. И. Мещанинова «Пособие к пользованию яфетидологическими работами» (Мещанинов 1931).

ЦИК СССР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ ЖИВЫХ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ
ИМЕНИ А. С. ЕНУКИДЗЕ

12

ТРУДЫ
ЯФЕТИЧЕСКОГО СЕМИНАРИЯ

I

Н. МАРР

АБХАЗСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ

(к вопросу о реформах письма)

ЛЕНИНГРАД
1926

Ленинградский Гублит № 9711. 3¹/₄ п. л. — 700 экз.

Государственная Академическая Типография.
В. О., 9 линия 12.

باکوده

چاغریلان برنجی عموم اتفاق تورکولوژی قورولتاینه
اتحاف اولونور

Посвящается

Первому Всесоюзному Туркологическому Съезду

в Баку

Предисловие.

Совсем недавно в Государственной Академии Истории Материальной Культуры был аспирантский конкурс на тему о вещественных памятниках, и одна из работ, работ наиболее научно-вооруженного, прекрасно вышколенного талантливого соревнователя, разъясняла второстепенное, подсобное значение самих памятников материальной культуры, приравнивая этнологию, хотя бы лишь одну археологию, к голой технике. Работа по месту и заданию не подошла, но автор житейски-научно был прав. Чем больше с годами всматриваюсь в корень вещей (а кому как не советским ученым и независимо от возраста смотреть именно в корень вещей, а не в нагруженные плодами широковетвистые фруктовые деревья, когда у нас все новые и новые посадки, да и так обнажились корни всех казавшихся заманчивыми своих и даже заморских древ познания), тем более убеждаюсь, что для гуманитариев не существует вещей, даже когда они ими любят, нет памятников материальной культуры, а есть независимая наука *an sich und für sich*. Есть научные положения, дьявольски глубоко проработанные с акрибиею александрийских схолиастов, есть соответственно научная терминология и владеющие всею этой бездной книжных знаний, наследственно воспринимаемых, как потомственное дворянство («традиции», «школа», а не «рутина»?) и защищаемых молодыми еще более ожесточенно, с еще большим остервенением, чем пожилыми: у пожилых если не в самом производстве, в процессе научной работы, то на устах появляется

подкупающий наивных скепсис, скептические оговорки, хотя бы старческая скептическая улыбка с своего рода Соломоновой мудростью: «все сомнительно!». «Ничего верного нет в нашей науке». Это, да простят мне выражение, для точной квалификации необходимое, — лицемерие. Я не говорю о длинном хвосте ученых профессионалов, твердящих зады по чужим книгам, а о тех, которых имеются все основания считать действительно учеными, которые хоть когда-либо самостоятельно задумывались о самих корнях своего знания. Все они прекрасно чувствуют себя в своем деле отнюдь не скептиками, а уверенными так, как, может быть, не была уверена в своей правоте старушка, подбрасывавшая щепки в костер Саванаролы. Их науки для них отнюдь не предмет действительного скепсиса в какой бы то ни было части, ни в какой части, даже в терминах своих они не сомневаются, но подлинное их сомнение в существовании самих вещей. Были ли скифы? Были ли они действительно живым народом, было ли это живое племя, занимавшееся совершенно определенным производством в соответственном живом быту, отражавшем его трудовую жизнь? Были ли скифы (будем пока молчать про кимеров) вне предполагаемых их могил на вольном просторе вольной или невольной общественной жизни, где они отразили свою трудовую жизнь не только в подпочвенных погребениях, но и в быту массового населения, продолжавшего, может быть, и теперь продолжающего скифскую работу, над той же почвой или на той же почве, а с нею хранить и скифское мышление и скифскую речь, скифскую терминологию в наречении выдающихся пунктов окружающей физической среды и важнейших предметов материальной культуры, предметов ценных хозяйственно и культово, самых важнейших моментов массового культа? Или скифы это тени, призрачные тени из могил, имеющие значение лишь посгольку, поскольку в науке установят в Лейпциге или Москве их приемлемый для мастеров научных костюмов облик? И, следовательно, наука, ее термины, ее утверждение само по себе, и вещи, предметы-вещи и слова-вещи

в своей самооценности сами по себе. Совершенно правильно, ученый кандидат в аспиранты подходил к отрицанию самодовлеющего значения памятников материальной культуры. Ведь с точки зрения современной науки не было и скифов. Ведь об этом нас учит не кандидат в аспиранты, а настоящий ученый, вполне сложившийся научный работник: мы, оказывается, не знаем, что такое скифы и, следовательно, и знать не хотим, когда интерес наш сосредоточивается на русском, что, предполагается, мы прекрасно знаем? И это верно! Разве скифы, которых по старой памяти до сих пор малюют в Лейпциге (да в одном ли Лейпциге?) иранцами, кому-либо известны? Но самое важное при этом отрицании и непризнании подлинных скифов в методе. Метод тот же самый, что в Москве, Лейпциге или Париже, он у нас, да и в Германии в отношении скифов, там у французов в отношении аборигенов Галлии, когда речь заходит о кельтах. «Аборигены были, но мы их не знаем, следовательно, какое нам дело до их языка или до их языков, когда мы занимаемся нашими милыми предками, кельтами?». Ведь это утверждает весьма почтенный ученый специалист проф. Dottin, не раз цитовавшийся нами, но дело не в нем и не во французских ученых, то же самое и в Испании. Допустим, мы не знаем языка аборигенов Галлии, но кельты-то знали тех аборигенов и их речь? А французская речь, как ни как действительно имеющая отношение к кельтам, ведь вскрывает контакт свой с речью до-кельтских аборигенов, яфетидов, из числа которых басков, эту улику всего вашего построения, никак не вырубить никаким топором, менее всего «индоевропейским». И все-таки для длинной вереницы учнейших мужей от Московии до при-атлантической Иберии нет вещей, нет памятников материальной культуры, а есть научная словесность и соответственные научные положения, научная терминология. Иначе как можно было бы держаться до сих пор, терпеть до сего момента термин «индо-европейский», основанный именно на том, что у гуманитариев наука сама по себе, а вещи сами по себе. Вещей, памятников материальной культуры, знать мы не хотим, а науку —

да. В самом деле разве Индия родина так называемых «индо-европейских» языков? Или в Индии одни так называемые «индо-европейские» языки? Ничего подобного! Следовательно, мы готовы понять несуразность термина «индо-германский», как даже словосочетания, сплетения названия страны с племенным названием, тем более несуразность националистической тенденции перенести на германцев честь внедрения в Европу этой, казалось, белой кости, но какое реальное оправдание, оправдание в вещах или генезисе, имеет внесение Индии, и только Индии в термин, имеющий определить известную группу языков так называемую «индо-европейскую»? Никакого, если не считать того, что за исключительным научным вниманием к санскриту и сродным с ним языкам наука не видела и не хотела видеть тех же памятников живой материальной культуры, племенных образований более древних и предшествовавших не только своей речью, но также культурой в той же самой Индии. Если же выкинем Индию из господствующего ныне термина «индо-европейский», годится ли в тех же целях одно название «европейский»? Едва ли. Во-первых, так называемые «индо-европейские» языки имеются и вне Европы, и сами индоевропейцы до сих пор не прочь выводить эти языки из Азии, центральной Азии; во-вторых, в Европе не одни так называемые «индо-европейские» языки, в ней и турецкие, и угро-финские, если же их отводить как позднейших пришельцев, на что впрочем надо бы иметь более мотивированное правомочие, особенно относительно финской, да и вообще угро-финской группы языков, остается баскский у Пиренеев, отнюдь не изолированный, как раньше казалось, ибо баскский из яфетической семьи языков, как впрочем и столь сроднившийся язык, да и от начала генетически-близкий к турецкому, как чувашский, и об европеизме так называемых «индо-европейских» языков, при прежнем взгляде на них как на языки особой расы, не приходилось бы говорить, по указанным формальным и в значительной мере историческим основаниям в одинаковой степени и яфетидологам, и индоевропейцам, которым легко при современном подборе научных сил своего

стана отвергать яфетическую теорию¹, но трудно извергать из автохтонов Европы басков, как пережитков до-исторического ее населения. Однако, у яфетидологов совершенно особое основание, чтобы термин «индо-европейский» считать не только малосостоятельным, необоснованным, но устарелым и требующим замены с момента, когда для них стало ясно, что эти языки преимущественно господствующих племенных образований, первоначально господствующих классов Европы и Передней Азии с Индией, не языки особой расы, а языки новой формации, вышедшие из яфетических так же, как из тех же яфетических языков на различных стадиях развития, более древних, вышли языки семитические и еще раньше турецкие с угро-финскими². Не может быть речи ни о каком не только исключительном индианизме, но и европеизме языков, которые по недоразумению или по, пусть, неосознанному, но все-таки чисто классовому восприятию этнологических вопросов величают «индо-европейскими». Соответственно прав молодой лингвист осетиновед В. И. Абаев, обративший наше внимание на недосмотр в этом, по существу дела, важном терминологическом вопросе, на нетерпимость названия «индо-европейский» с момента вскрытия происхождения по недоразумению носящих такое название языков из яфетических, территориально не менее европейских и, по всем видимостям, не менее индийских. Название и «индийский» и «европейский» могут, разумеется, сохранить указываемые языки новейшей формации по месту их с исторических эпох известного распространения на территории Европы и в Индии, как называем мы кавказскими языками некоторые яфетические языки, именно те, которые нам известны на Кавказе, рядом с пиренейским, при-памирским и при-волжским яфетическими языками, но необходим термин, характеризующий

¹ Даже наиболее сообразительные и осторожные не стесняются признавать нормальным, что индоевропеисты до сих пор не сумели усвоить научной транскрипции яфетического языкознания.

² Накаплиются факты, склоняющие к мысли о рождении вообще урало-алтайских языков, в числе их турецких с угрофинскими, пожалуй, не раньше семитических.

так называемые «индо-европейские языки», — термин, точнее определяющий их или способный беспрепятственно расширяться соответственно новым достижениям науки, как сама по себе ничего не обозначающая кличка. В этом смысле племенные названия, получившие общее значение, как, например, «турецкий», resp: «тюркский», «финский» не вызывают никаких возражений. Не менее состоятельны термины по библейским именам мифических эпох, используемые, конечно, не в значении ветхозаветного или новозаветного родословия, а как сами по себе ничего не говорящие клички, получающие в применении к языкам то употребление и тот смысл, которые в них вкладываем благодаря успехам работ по соответственной отрасли языкознания. Потому-то не только семитический и хамитический, но и яфетический со стороны терминологических требований совершенно безукоризненны. Возражать против термина «яфетический» могут только те, у которых наука сама по себе, а вещи, вещи-предметы и вещи-слова, сами по себе. Существует известный круг языков с определенными соотношениями вещей-слов, не только как звуковых абстракций, но и как носителей определенных вещевых представлений, и тем, кто работает над все более и более разъясняющимися и материально соотношениями этих языков, не может быть отказано в праве обозначать соответственную группу языков названием, носящим такой же сам по себе ничего не обозначающий характер, как «семитический», «хамитический». Более того, когда соответственно именуемое яфетическое языкознание вскрывает факт возникновения так называемых «индо-европейских» языков из яфетических, как нового этапа развития человеческой речи, в процессе их трансформации, сама собою обнажается непригодность и без того устарелого и бессмысленного термина «индо-европейский», и возникает насущная потребность именовать языки новой формации (если не переходить по всем семьям к чисто лингвистическим терминам формального или идеологического порядка) в линии использования ничего собою не обозначающих мифических имен. Называем же без всякого недоразумения в одной из

точнейших наук, астрономии, такие совершенно конкретные предметы, как светила — Венерой, Марсом, Сатурном и т. п. В. И. Абаев подсказывает мысль использовать термин «Прометей». Поскольку «Прометей» связывается с изобретением огня, имеющего органическую связь с развитием металлической культуры, в широком хозяйственном применении которой усматривается момент, имеющий быть учтенным в вопросе о времени возникновения речи новой типологии; поскольку Прометей представляется по греческим преданиям сыном Яфета (Ἰαπετός), это название имеет как будто даже реальные основания для использования в качестве искомого термина, но, главное, это имя мифическое, ни к чему не обязывающее само по себе, разве — к культурной связи носителей его с населением Кавказа, что отнюдь не умаляет его пригодности для означенной цели, т. е. для именования прометеидскими языков новейшей формации, вышедших из до-исторической речи яфетидов, а особенностей их — прометеидизмами. Употребление такого наименования — естественно в яфетидологических разысканиях. Это знаменует не только новизну наименования, но и новизну научного подхода к так называемым индоевропейским языкам, отныне для нас прометеидским. Индоевропейцы, столь же естественно, останутся и должны остаться при своем термине, поскольку они не приемлют яфетической теории. Но какое все это имеет отношение к вопросу о реформе абхазского алфавита? Утверждаю, прямое и чисто деловое.

Дело в том, что наблюдения последних двух лет нас не убеждают в правильности основного положения нашего доклада, на съезде, летом 1924 г., в Махач-кале, посвященного краеведению. Академическая среда сама из себя не может выжать творческого начала, чтобы выйти из трудного положения, критического положения, в которое попали так называемые гуманитарные науки. При новом нашем общественном строе источником такой живительной силы не может быть и Запад. Наука о человеке у нас может найти обновление лишь в одном источнике, общении с краевыми научными интересами, в разработке возни-

кающих на местах, в пределах союза вообще и внутри РСФСР, жизненных задач где лишь краевого, а где и национального охвата в той или иной союзной республике. Увязка же с крайними жизненными научными проблемами столь трудна и столь сложна, что успех ее трудно обеспечить без местной инициативы, местной массовой заинтересованности в просвещении и науке. Массы культурно отсталых разноязычных народов не меньше, чем масса часто не менее отсталого русского населения, должны быть приближены к науке и культуре. С иноязычными народами без их самостоятельности, без грамотности на национальном языке ничего нельзя достигнуть, поскольку дело касается не тонкого слоя той или иной национальности, в значительной мере оторванного или отрывающегося от массового населения, а именно самих масс. Вопрос о грамотности этих иноязычных масс разных национальностей это громадной важности дело не только для общественности всего советского строя и для данной национальности, но и для науки. Ликвидация безграмотности это лишь альфа советской общественности, необходимо приобщение к научной культуре, в отношении которой национальности заинтересованы в знаниях ученых, а ученые в притоке свежих сил для продвижения знаний, особенно в науке о человеке. Новые проблемы, новые подходы к старым висящим в воздухе многолетним научным проблемам немыслимы в той степени, в какой в них выросла потребность и в науке, страдающей от рутины, и в жизни, гиблой от отсутствия нужных знаний. Надо научно, современно научно браться за дело с азов. Потому-то эпидемия алфавитных новотворчеств и не страшна, ее можно лишь приветствовать, если это искренне и серьезно. Но порой или искренность или серьезность реформаторской работы становится под сомнением. В таком случае правы, пожалуй, те, которые в этом вопросе предпочитают политику *poli tangere* — ‘не тронь меня!’ ‘Все да будет по прежнему!’ В самом деле, там, где, казалось бы, имели мужество тронуть, лишь одна половинчатость или баловство, если не хуже. Национальные, религиозные интересы пере-

житочного средневекового понимания имеют основание рисовать свое будущее в розовых красках. Я видел в процессе выработки новую латинскую транскрипцию для черкесского языка, да это — прошу прощения за резкость — издевательство над актуальным вопросом громадного культурно-общественного значения. Не подлежит никакому сомнению, что изобретение армянского и грузинского алфавитов в первоначальном их виде еще на заре средневековья происходило с лучшим соблюдением гарантии научности, с бóльшим учетом того, что делалось у соседей, да и с состоянием вообще науки, чем современная нам работа по реформе алфавитов в стране, где столько академий, институты, университетов и несколько тысяч ученых, тысячи ученых в одной секции научных работников. Наука сама по себе, а вещи-слова, вещи-предметы, вещи-дела сами по себе. Результаты не заставят себя ждать. Всякий здравомыслящий в странах традиционной мусульманской культуры скажет (уже говорит): «лучше вернуться к применению арабского письма, более того, лучше арабский язык, мировой культурный язык Корана, чем не только язык, но и письмо, которое за пределами нашего ущелья, где мол можем обходиться общением без письма, нас не выносит». Никакие страшные или властные слова, никакие авторитетные научные собрания не помогут, если неправильно проводится дело. Если, к тому же, старая техника оказывается более продуманной, более разумной, она в соединении с традиционными навыками, которых не обогнать ни в науке, ни в школе, ниже в жизни, возьмет верх и скушает без остатка весь смысл новых начинаний. А разве в Чечне иначе, тем более в Дагестане? Или лучше у турок, азербайджанских турок, первому туркологическому съезду которых, в Баку, посвящается настоящая работа? Ведь реформа имела в виду одну общую основу всех новых алфавитов, выработанных из латинского письма. На деле что ни народ, то особое письмо, особая система, и это в шаг, предполагается, с шествием интернационала. У азербайджанских турок по край-

ней мере сохраняется чувство своего национального достоинства, стараются об языке масс, турецком языке массового азербайджанского населения. У других культурно отсталых народов и этого нет: «зачем мол изучать свой язык? Кому это-де нужно?» В Дагестане это, казалось бы, национальное вырождение. пережиток навязанного Европою худшего раболепия, раболепия мысли, дошло до того, что ни один из приехавших в Ленинград дагестанцев не думал об изучении своего родного языка: «если изучать, то разве турецкий!» Соответственная речь порой слышна даже в осетинской среде. Явный отрыв от масс, явное непонимание происходящего на наших глазах культурного сдвига масс, явления грандиозного мирового значения общественно, чрезвычайных чаяний той живой не окончательно омертвевшей научной среды, которая ищет своего обновления, освежения своей исследовательской атмосферы и техники от притока девственных рабочих сил, но вместе с тем и пользы для народа в целом, до низов, который, напр., в Абхазии остается на той же ступени культурного развития, несмотря на успешное для начала материальное строительство, на созидание фабрик табачных изделий и других предприятий того же порядка, — на той ступени почти доисторической, на какой он стоял вчера да позавчера, ибо его язык отброшен от стола с научными яствами, у него нет своей здоровой грамотности, нет даже современного построенного алфавита. Но потребность в нем однако руководящие круги абхазского народа почувствовали, как можно видеть из следующего документа:

Специальная Комиссия в составе Наркома по Просвещению С. Я. Чамба, заместителя его А. М. Чочуа, Д. И. Гулия, Н. Патеипа, С. П. Басария, тт. Хашба, Д. Чачба, Чалмаз, Таркил, Ахуба, Шабата Эмухвари, А. Ф. Басария, Аршба и Н. Я. Марра на собрании 30-го июня 1924 г. постановила «единогласно... в основу принять латинский шрифт, для этой цели одобрить составленный академиком Марром «Абхазский аналитический алфавит». Просить его пересмотреть шрифт, упростив пись-

менное начертание как со стороны легкости, так художественности».

Последние слова, требующие упрощения и художественности, мною были приняты в тех пределах, в каких упрощение не затрагивает самих основ нашего аналитического алфавита, оно сводится технически к более простому выражению того, что возлагается на алфавит, как функциональная задача. Что касается художественности, то это для нас также техническая сторона исполнения. Приняты были меры к наиболее удовлетворительному разрешению обоих требований, но для нас стало ясно, что и простота и художественность придут постепенно в процессе массового использования алфавита, вообще красота абхазского алфавита может быть создана лишь самими абхазами, от ученого ее требовать нельзя, дело ученого — правильность и жизнеспособность системы. Но и технически в первую очередь требуется, и все это может быть, и современем должно быть достигнуто до полного фактического осуществления, именно, чтобы алфавит, когда текст пишется от руки, а не в печати набирается, давался для связного, без отвода руки от работы, писания. Это условие можно выполнить, получив письмо раздельное и письмо связное, и вообще вся техническая сторона может быть удовлетворена в путях нарастания навыков от практики и технической помощи специалистов графики и художников. Другое дело — сам принципиальный вопрос, переход на латинское письмо и признание необходимости именно аналитического письма. Эта сторона, нам казалось, подлежала обсуждению на научном собрании краеведов и самих абхазов, на первом краеведческом съезде Черноморья и западного Кавказа в Сухуме, где в соответственной секции вопрос был разъяснен в особом докладе и предлагаемый алфавит получил принципиальное одобрение¹

¹ Читанный на съезде доклад послужил основой настоящей работы.

§ 1. Аналитическое письмо на основе латинских букв и его применение для абхазского языка, абхазский алфавит, вот сейчас предмет нашего интереса с трех различных сторон: общественной, научной и технической. Как общественный вопрос, его пока приходится рассматривать в конкретных условиях кавказской жизни. Тем не менее принципиальное освещение необходимо, оно должно послужить необходимой предпосылкой того или иного практического решения.

Письмо, рядом с языком, есть орудие общения людей, как внутри, так постепенно и вне сложившихся общественных организаций. История письма идет по стезям истории языка, с той разницей, что на развитие поступательного движения письма легче влиять, при письме не приходится считаться с теми факторами, что у языка, так в частности массовой «психологиею», суммой наследственных навыков, слагавшихся в итоге накопления рефлексов, которая впрочем подчиняется законам развития общности, проходит тот же создаваемый общественностью путь от племени, группировки людей не по физическим, а по хозяйственно-производственным признакам, через нацию и государственность к общечеловечности.

Путь человеческой речи от многоязычия к единству языка. Возникновение вспомогательных искусственных языков, как эсперанто и др., не исключая и ido, по идее, конечно, предвосхищение будущего, но по выполнению и технике, естественно, суррогат¹ того, что неизбежно наступит в путях естественного процесса общественной жизни народов: единство языка. Оно явно наступает: путь, пройденный человечеством в направлении

¹ Кстати, в этом нет ничего обидного, во всяком случае с нашей стороны нет никакого злого умысла против эсперантистов или их конкурентов, а разъяснение одного из независимо добытых основных положений яфетической теории.

к этому достижению, был несравненно более долгий, чем тот, который предстоит ему проделать. Конечно, более развитая общественность может ускорить и должна ускорить этот процесс, но все в путях законов общественного или коллективного творчества, в котором все народы мира призваны принять участие, независимо от их воли. Это процесс мировой, от которого ни одна национальность не может спастись, великодержавная не больше, чем слабосильная. Процесс мировой в то же время нисколько не угрожает ничьему национальному росту, ни в какой мере развитию национальных языков и письменностей, хотя бы ныне возникающих. Это мировой процесс громадного охвата, идущий одной хотя всеускоряющейся, но всетаки медленной поступью, общей с мировым хозяйством, ведущим к унификации человечества в отношении условий общения, но вовсе не к обезличиванию людей. Это дальнейшие этапы победоносной борьбы человечества над природой, дальнейшие этапы в претворении человечеством одних форм общежития, зависящих от механики природы и физических условий, в другие более свободные формы, зависящие от более совершенного по гибкой приспособляемости и более сложного механизма общественности. Потому то это дело не только естественников, способствующих накоплению материальных богатств, этих предпосылок общественного перерождения человечества, но также и, особенно, общественников, ведущих исследовательские работы над жизнью человечества и человека, как социального явления, над вопросами общественности, ее техники и технических средств, в числе их языка и письма. На фоне раскрепощенного от внешних условностей единого людского общежития только и возможно выявление человеком своей индивидуальной сущности в наиболее полном и ярком виде. При движении по этому неизбежному пути, условия взаимообщения народов всего мира не в меньшей степени требуют единства письма, т. е. тождества основных начертаний алфавита и тождества приемов воспроизведения сложных звуков, исходящего от основных или простых звуконачертаний.

§ 2. Сначала человечество не имело осознанной потребности в проявлении индивидуальности личной или групповой. Пиктографическое письмо, письмо в образах, не ставило грани между соседящими племенами и не создавало препятствий к уразумению начертанного, предоставляя возможность одинакового всем понимания его благодаря общедоступным символам всем одинаково общих представлений. Клинопись, с групповым изображением звуков, слогов и целых слов, также в значительной степени была письмом многоплеменных объединений, особенно благодаря переживавшим в ней знакам идеографического характера. Наступили эпохи, когда на дальнейших этапах развития человечества, специализацией того или иного племенного образования по определенной производственной работе, отдельные части, наиболее преуспевавшие в выделившихся территориально или классово слоях, внимание сосредоточивали на осознании индивидуальности своего этнического образования, своей впоследствии так называемой национальной природы. Выработанное тогда фонетическое письмо с раздельным изображением каждого звука, чем далее, тем более становилось особым для той или иной общественности. В Средиземноморьи на пространстве от западной Иберии на Пиренейском полуострове до Палестины и Аравийского полуострова и далее было столько писмен, сколько мы сейчас не в силах насчитать на многоязычном Кавказе, не смотря на сказочное умножение младописьменных народов. Это индивидуальное письмо, фонетическое, шло с запада на восток, с Средиземноморья в глубь Азии, ни в каком случае не обратно. Фонетически менее совершенное письмо семитов, без гласных, общественно имело преимущество в том отношении, что при коренных согласных, общих у различных наречий, иногда и языков той же семьи, поскольку письмо отмечало лишь их, постольку оно было доступным для большего круга различных семитических племен, если не народов. Шаг перехода от безгласовочного письма к огласовочному сделать было, конечно, не трудно, но этот шаг был необходим для языков без такой раздельной роли гласных и согласных, так, напр., проме-

теидских (т. е. индоевропейских) языков; здесь обозначение и гласных, менее подвижных и играющих роль коренных, насущная потребность.

§ 3. Выходит так: до-исторические народы могли писать естественно рисунками, письмом пиктографическим, это яфетиды, собственно яфетиды первичной формации, еще ураниды. От них переоглифические письмена, может быть не в одном Египте. Клинописные начертания в Месопотамии и Передней Азии бесспорно от яфетидов. В клинописных не только звуковые значения идеограм, но и самих слоговых звуков вскрывают, что создатели их были яфетиды, правда яфетиды более древние, чем шумеры и эламы. Семиты продолжают клинопись, унаследованную от яфетидов, и развивают особого типа слоговое фонетическое письмо, слоговое письмо с подвижным, то меняющимся, то исчезающим гласным. Уточненное фонетическое письмо мы находим в Средиземномории у греков и римлян. Следовательно, с возникновением прометеидов («индоевропейцев») только и могло возникнуть подлинное фонетическое письмо. Действительно, прометеиды («индоевропейцы»), казалось бы, создатели настоящего фонетического письма. Однако этого мы не можем утверждать, так как, во-первых, прометеиды («индоевропейцы») не порождение одного момента, они по речи представляют, в итоге длительного глоттогонического процесса, претворение яфетидов, некоторые из которых успели пройти тот же процесс до грани, близкой к прометейдизму («индоевропеизму») Первоначатки подлинного фонетического письма могут принадлежать средиземноморским яфетидам с новой формацией речи. В эволюции грамотности Средиземноморья должна быть учтена и роль местных пиктографических письмен.

§ 4. Нас однако сейчас интересует не изобразительная сторона письма сама по себе, а общественная, именно круг, описываемый развитием письма в движении от всем одинаково доступной изобразительности (пиктографии, слов в образах) к фонетической азбуке, приуроченной к одному этническому образованию, с неизбежным возвращением впоследствии к общему меж-

*

национальному алфавиту, осознанно построенному на общих основах, общих всем элементам, с учетом звуковых особенностей всех этнических образований. Наша эпоха уже свидетельница наступления этого неизбежного возвращения к общему алфавиту. Мир полон опытов создания алфавитов, общих для ряда этнических образований, впоследствии национальностей. Чаше такой общий алфавит навязывался в итоге империалистического насаждения государственного языка или языка церковного. На Западе самоопределение национальностей потому связано было с освобождением от латыни. Письмо осталось латинское, но с усилением феодализма и феодализованных национальностей единое латинское письмо настолько индивидуализовалось по каждому народу, что общность европейского письма есть собственно фикция, фактическая разобщенность в письме явное последствие средневековья в Европе.

Таково же происхождение разобщенности в письме и на Кавказе; здесь разобщенность в письме, однако, более сильна от того, что процесс феодализации каждого письма развертывался на фоне борьбы не с одним, а с рядом империалистических писем (арамейского, персидского, греческого, арабского), ведущих, естественно, и взаимную борьбу. В новейшее время в эту борьбу втягивалось и русское письмо.

§ 5. На Кавказе не только каждое древнее письмо, армянское оно или грузинское, есть наследие средневековья, каждая буква особый феодальный замок, который надо брать учащемуся штурмом.

При подъеме и росте народных движений и на Кавказе мы наблюдаем созидание общенародного алфавита, так в эпоху проникновения на южный Кавказ христианства в его первичной форме, не терявшей норм международного социального переворота, у армян, грузин, равно у имевших тогда свое обособленное национальное существование албанов и некоторых других горских народов возникла или возникала письменность на родном каждому национальному образованию языке с одним общим алфавитом. По расслоении христианства и трансформации его

в классовое или сословное дело, наоборот, принимались меры к их дифференциации или расхождению для разобщения народов. Этим, между прочим, объясняется расхождение армянского и грузинского церковного алфавитов, сохранивших тем не менее общий облик своего единого общего прототипа, первоначально приспособленного к кавказским языковым звукам общего христианского алфавита.

§ 6. Представляется потому совершенно невероятным, а между тем это факт, что народы, именно более культурные, и отстаивают на Кавказе фанатически это наследие средневековой отжившей общности, отстаивают как национальную реликвию, точно дело имеем с предметом музейного порядка, а не живой общенародной потребности.

Исходя из взгляда на алфавит как на предмет культа, реликвию, не одни кавказские древнеписьменные народы высказывают отвращение не только к переходу на новое письмо, соответствующее потребностям современной жизни, да и по существу более обоснованное, но и всякой реформе старого алфавита, хотя бы простой орфографической. В бытность мою года полтора тому назад в Армении, я имел случай убедиться во-очию, какое глубокое недовольство вызывает в некоторых именно просвещенных армянских кругах введенная у них при советской власти новая орфография, слабая попытка несколько приблизить пережиточное письмо к живой современной речи. В реформе армянской орфографии есть, действительно, некоторые недочеты, результат чрезмерной осторожности, так звук «у» оставлен непочато при прежнем начертании из двух букв ($\pi\iota$), вследствие чего по новой орфографии звук «ю» приходится изображать тремя буквами ($\jmath\pi\iota$), тогда как в прежнем алфавите для него существовало двубуквенное изображение ($\rho\iota$), получившееся исторически ($\rho\iota \rightarrow \rho\iota = \text{ю}$). Между тем достаточно было для звука «у» взять одно цельное изображение, напр. латинскую букву v , конечно, с приспособлением к начертаниям армянского письма, как это делает И. А. Орбели в армянских диалектических текстах, именно в текстах мокского говора. В защиту произведенной

в Армении реформы М. Абегян очень остроумно пользуется доводом «горе побежденным». Новая орфография шествует, оказывается, победоносно. Вот эти строки, поучительные для тех, которые боятся расстаться с традициями¹: «Нарком Просвещения соблаговолил (*հաջեց*) вопрос о реформе представить Совнаркому во всей его целостности, стоя на той точке зрения, что, если быть реформе, не надо довольствоваться незначительными изменениями. И я теперь вижу, что правда была на стороне Наркома Просвещения, так как не всегда бывает подходящее время для изменения орфографии, имеющей давность 1500 лет, а 1922 год был одним из таких редких моментов. Теперь, в течение полутора года, преодолены грамотными возбуждавшиеся затруднения, которые предусматривались. Надо надеяться, что через десять, пятнадцать лет «предубежденные традиционной орфографией» будут и за пределами Армении вынуждены постепенно уступать грядущему поколению, имеющему скоро явиться, которое никоим образом нельзя более понудить, чтобы оно тратило попусту время, взяв на себя ненужный и тщетный труд для изучения (прежнего) правописания». Конечно, за старым армянским правописанием едва ли кому удастся отстоять древность 1500 лет, большое и основательное сомнение, был ли тогда нам известный армянский алфавит, тем более армянский алфавит, уже восполненный огласовкой? Но мы здесь в научную сторону обоснования вопроса не входим, спор на месте ведется в плоскости традиционных представлений прошлого столетия о возникновении и развитии армянской письменности. Хорошо тут то, что считается желательным крушение орфографических традиций «полуторатысячных лет» перед, можно сказать, вчерашней реформой и предвкушается не только их ликвидация, но и торжество реформы по вопросу, «поставленному во всей его целостности», т. е., следовательно коренной реформы.

§ 7. Однако, правда ли это объективно коренная реформа или

¹ *Հրեղյան յղադրության Ռեֆորմը. Պետական Հրատարակչություն* № 199, Эривань 1925, стр. 6.

она кажется в среде, где она происходит, таковой по шуму, ею вызываемому в определенных кругах, вследствие отнюдь не ликвидированного настроения? Стоило ли производить такое волнение из-за таких пустяков? Дело вовсе не в том, чтобы звук «ю» по-армянски выражать тремя буквами вместо двух, как вводит реформа, или двумя буквами, как было раньше, да еще фонетически соответственно, и т. п. мелочах. Вероятно, все эти недочеты будут замечены и исправлены к взаимному удовольствию всех тех, кто теперь так жестоко спорят, но основной недочет так и останется: армянский народ так и останется не в мелочах, а по существу во власти средневековых культурных традиций, которым, может быть, не пятнадцативековой возраст, но всетаки достаточно почтенная древность, такая древность, какой не может похвалиться, если уже на то пошло, по выключении греков, ни один из современных европейских народов, не останавливаясь на том, к несчастью ли их и Европы или к счастью. Самый главный недостаток новой армянской реформы по алфавиту, это то, что она ничего не решает. Армянское общественное мнение она все равно не примиряет полностью с собой, а дело само по существу временное, т. к. рано или поздно все равно надо переходить на радикально измененное письмо, на новый целиком алфавит, иначе армянскому народу придется отстать от общего течения мировой жизни и застрять в тупике национальной исключительности. Во всяком случае было бы противоестественно, если бы при постановке вопроса об алфавите в XX веке, да еще после происшедшей революции, мы стали подходить к вопросу с точки зрения пережиточных взглядов средневековой общественности соседних или дальних народов или от наследственной у них симпатии к этой идеологии, с научными приемами и мировоззрением XVIII-го или хотя бы первых трех четвертей XIX-го века.

§ 8. Не знаю, стоит ли упоминать про одно возражение против перехода на совершенно новый алфавит, — возражение, возникающее у кавказцев с древненациональной письменностью? Приходилось слышать: «как же тогда быть с потребностью

знать свою древнюю литературу, читать свои надписи» и пр. Однако, грузины без специальной подготовки и теперь не могут читать подлинного письма древних своих текстов, располагая в быту лишь военным письмом. Что же касается потребности в чтении древнелитературных памятников у армян, о ней и сейчас нельзя говорить серьезно, хотя письмо у них то же, что древнее, и мой опыт не в пользу того, чтобы армяне научно больше интересовались своими древними авторами, чем грузины. Интересовалось ими армянское монашество, духовенство и просвещенные в путях их мышления единицы миряне, а мы говорим о народе, о подлинных мирянах, о подходящих к просвещению массах и их интересах.

Впрочем у защитников неприкосновенности национальных алфавитов есть еще два довода против какого либо новшества в алфавите. Об одном из них обыкновенно не говорят вслух. Это то, что древний, столетиями развивавшийся алфавит, окружен ореолом национальной славы в глазах малопосвященных в сущность дела, и это импонирует не только данной нации, но и другим, такое письмо легко воспринимают сограждане хотя бы и особого племенного происхождения, из национальных меньшинств и даже соседящих народов, а это содействует империалистическому стремлению — расширяться и достигнуть своего национального величия на счет слабописьменных или младописьменных народов. Но это соображение достаточно отметить, едва ли оно способно нас разубедить в необходимости производства коренной реформы; наоборот.

Другой довод это боязнь утратить связь с частью своей нации, когда она отрезана от нее, и живет с ней в различных общественных условиях, так у армян. Но это внутреннее дело данной национальной культуры и жизненных мер к его разрешению. Письмо само по себе тут ни при чем, будет ли прежнее или новое. Ведь и сейчас, когда у армян одно и то же письмо, каждая из двух частей армянского народа, кавказской (коренной) и малоазийской (колонизальной), пользуется особым литературным языком и, если держаться последовательно взгляда о неприкосновенности письма

в указанных целях, то прежде всего надо восстановить единство литературного языка, вернуться к древнелитературному армянскому языку, но этот спор уже решен три четверти века тому назад в пользу самоопределения живой речи «восточных», т. е. кавказских, армян, от чего армянство не только не потерпело, но несомненно выиграло культурно, и в вопросе о письме даже с этой национальной точки зрения есть основание держаться другой линии, чем та, на которую вступило само армянство в вопросе о пережиточном и современном живом языке. Мы, пожалуй, рекомендовали бы нечто обратное — смелее и решительнее связаться по крайней мере в такой чисто технической части культуры, как письмо, с будущим. И чем малочисленнее народ, тем он больше нуждается в этой связи с будущим, которое иначе безжалостно задавит колесом своего неизбежного движения вперед в первую очередь их, эти народы, когда они также окажутся в тупике.

§ 9. Когда речь об абхазском алфавите, то национальная точка зрения здесь вовсе не может тормозить неизбежное прогрессивное дело за отсутствием как империалистических стремлений, так привязанности к наличному письму, отнюдь не большой древности, как к реликвии. Правда абхазы действительно отделены от многих своих братьев или братских народов, напр., убыхов, выселенных условиями жизни павшего режима с кавказской территории, но, если что способно содействовать сохранению этого эмигрантского, национального элемента, так это культурный подъем абхазского народа на родине.

Любопытно, что это более или менее сильно чувствуется в наиболее сознательных кругах как абхазского, так черкесского общества, более того в кругах, особенно чувствительных к недостатку культурных средств того или иного народа, так именно, напр. среди «черкесов»-эмигрантов, и вот почему за границей уже появился опыт использования латинских букв для «черкесского» письма, труд Abitp-m'a в серии Библиотеки школы северокавказского Общества (№ 7) в Стамбуле.

Тоже уже специально абхазское национальное задание имеет

целью и предлагаемая реформа письма, и затем культурное воссоединение с собой отрезанного ломтя, что за границей.

§ 10. Возражение против перехода на аналитический алфавит возникало одно, довольно веское, и у меня. Возражение состоит в том, что переход на новый алфавит диктуется в интересах облегчить общение и культурное объединение народов Кавказа. Какой же интерес абхазам переходить на латинский алфавит, если другие кавказские народы упираются и думать не хотят о каком либо новом алфавите? Во-первых, это не совсем так. Народы с древне-национальной письменностью, правда, могут волноваться не без основания от различных забот, но в том или ином разрешении этих забот перемена алфавита не может играть абсолютно никакой роли. Грузинам это хорошо известно по опыту, т. к. в свое время они отказались от одного алфавита, церковного, в пользу алфавита, связанного с бóльшей широтой культурных интересов, художественно - мирских, представлявших развитие языческих традиций и легко воспринимавших творческие элементы из художественно-литературных навыков как грузинской народной, так даже мусульманской иностранной, особенно персидской литературы.

Грузинская нация от этого выиграла, конечно, прежде всего феодальная, но тогда, во-первых, Грузия была феодальная, и во-вторых, феодалы имели более либеральное или прогрессивное мировоззрение, стояли ближе к народной жизни чем духовенство. Тогда феодалы были единственное сословие, единственный класс, с достаточно крепкой организацией, чтобы сломить косность духовенства. Если ныне также имеются пережиточные защитники такого технического достижения, как выношенное феодалами грузинское военное письмо, когда жизнь выдвигает замену его более международным алфавитом, имеющим стать общечеловеческим, то едва ли в линии их взглядов мы можем подходить к поставленному вопросу, или мы, как ученые, или сам народ в сознательной его части, поскольку вопрос идет об укреплении национальной культуры данного народа выработкой одного общего со всеми кавказскими народами письма.

У армян вопрос о введении латинского письма уже возникал. У меня в руках один проект такого использования латинских букв, именно труд врача Гр. Арешяна на армянском языке — «Несколько слов о параллельном употреблении латинских букв (Մի քանի խոսք լատինական գրերի զգաճառաւոր գործածութիւն ձառն, Эривань 1924)» У автора особые (медицинские) доводы в пользу латинского письма. При книжке и образчик использования предлагаемого им алфавита.

В Азербайджане уже применяется латинский алфавит. В Чечне точно также. Идет переработка его и для черкесов. Вопрос аналогичный давно трактован у осетин.

§ 11. Однако, дело, казалось бы, шло главным образом об единой системе, чтобы не оказаться в положении европейцев, которые, от сохранения исторических пережитков языка в письме, располагают не одним алфавитом, а рядом алфавитов, звуковое значение отдельных букв которых совершенно особое почти у каждого народа, и у большинства из них, особенно народных масс чтение его и тогда, когда оно свое, напоминает скачки с головоломными препятствиями. Последовавшее затем реформаторство алфавитов на Кавказе создало в письме, уже латинском, больше межнациональных граней, чем те, что существовали при арабском письме. Это выходит шаг назад, оно, как мы разъяснили в предисловии, отрицательного значения для всякого поступательного движения вперед.

§ 12. Между тем Первый Учредительный Съезд Ассоциации всех краеведческих организаций северного Кавказа мне выявил как реальность, что северокавказские народы могут великолепно справиться и с более трудными вопросами общественно-научного порядка, если подходить к ним исключительно с точки зрения делового интереса данного предложения, и со временем, может быть, в не очень далеком будущем, такой вопрос, казалось, для всего Кавказа мог быть решен совершенно безболезненно в утвердительном смысле. Если же мы однако первый опыт начинаем с абхазского письма, есть на то совершенно уважительное осно-

вание, независимо от потребности и желания самих абхазов. Дело в том, что абхазский язык имеет почти восемь десятков (не менее 78) звуков. Алфавит, передающий все эти многочисленные фонемы, покрывает потребности громадного большинства даже яфетических языков Кавказа, так разнообразно богатых звуковым составом.

§ 13. Нам скажут: почему не только другие кавказские языки, но и некавказские не стремятся с такой легкостью к столь коренному преобразованию письма? Не стремятся прежде всего русские. Для этого имеются, конечно, основания, но, во-первых, нашего теоретического подхода к вопросу об абхазском алфавите они ни в малейшей мере не затрагивают; во-вторых, все-равно, рано или поздно, русскому народу придется сделать этот шаг. Причем однако многочисленный русский народ до сих пор не чувствовал своего одиночества в культуре, мало имея общественного массового трения с зарубежным миром или охотно подчиняясь и соглашаясь, как народ у себя несвободно мысливший, порабощенный, писать на чужом языке европейском (чужом для него). По этому частью политическому, частью культурному раболепию оторванный от народа класс ученых охотно спешит писать на иностранном языке у себя. У себя же сам русский народ был спокоен за свое главенство. Кавказскому же языку, следовательно, и абхазскому, приходится чувствовать себя одиноким и у себя на Кавказе. Кавказ страдает от многоязычия, многоязычие — бедствие, заграждение на пути прогресса Кавказа. Надо использовать все меры для ослабления последствий этого бедствия. Единое письмо это шаг к поправлению змия-бедствия, многоязычия.

§ 14. Вопросы остаются следовательно научный и технический, но они органически связаны друг с другом в нашей транскрипции. Основное научное требование, преследуемое всеми научными алфавитами и транскрипциями, иметь для выражения каждого речевого звука или фонемы отдельное цельное условное начертание, а не раздельное двубуквенное или, тем более, трехбуквенное начертание. В лучших существующих поныне образцах

этих алфавитов кроме того эти условные начертания приноравливаются посылно к восприятию то звукового, то начертательного сродства данной буквы с одной из букв, наличных в исторически сложившихся алфавитах, общеизвестных в европейской среде.

Наша транскрипция более последовательна и идет дальше в цельном планомерном отражении в буквах самой звуковой системы данного языка, построенной на закономерных соответствиях в фонетике различных сроднившихся племенных образований или в закономерных сменах звуков различных эпох. Буквы, будучи каждая графически точной передачей (хотя и условной) изображаемого ею звука, определяемого, как социальное явление, положением его среди других, все вместе дают наглядную картину звуковой системы не данного только, но всех яфетических языков, а так как яфетические языки — вскрываются в основе всех европейских или прилегающих к европейским групп или семей языков, семитических, турецких, угро-финских и протейдских (г. н. индоевропейских), у яфетического аналитического алфавита большие перспективы будущего развития.

§ 15. Алфавит построен технически на том начале, что обособляющая особенность яфетических языков, три степени озвонченности каждого сильного простого согласного изображены тремя независимыми друг от друга начертаниями, также простыми, т. е. не только без использования дополнительной буквы, но без всяких придаточных знаков ($p \rightarrow b \rightarrow \varphi$; $t \rightarrow d \rightarrow \partial$; $k \rightarrow g \rightarrow q$), это основные буквы алфавита из состава взрывных (сильных).

Простыми начертаниями изображены также простые — сibilанты (свистящие: $s \rightarrow z$, шипящие: $ш \rightarrow j$) и придыхательные (небные: $h \rightarrow \gamma$, гортанные: $ʕ \rightarrow y$), все придувные (слабые).

Наши наименования звуков слабыми и сильными, разумеется, не физиологического, а общественного значения, поскольку слабые действительно легче и скорее подвергаются изменениям и даже исчезновению, чем сильные.

Поскольку в латинском алфавите мы не досчитываемся начертаний для третьей разновидности ни в зубных, ни в губных, мы

берем греческие буквы — θ и ϕ (а не транскрибируем парными буквами th и ph), потому же отсутствующие и в греческом, и в латинском шипящий восполняется русской или этрусской буквой ψ , а гортанный — арабским ϵ .

Буква соответственно еще дополнительно осложняется, если изображаемый согласный звук осложнен губным согласным w , т. е. лабиализован, или язычным (лингвальным) полугласным у латинского письма (русс. й), т. е. лингвалпзован (графически: иотирован).

§ 16. В общем аналитический алфавит, выработанный яфетическим языкознанием и в яфетидологических изысканиях неустрашимый без ущерба для дела, своим построением нас приближает к системе цифр.

Как числа при цифровом изображении делятся на категории единиц, десятков, сотен и т. д., так яфетическое языкознание делит звуки, для удобства буквенного их изображения, на простые (единицы), составные из двух звуков (десятки), в буквах слитно-двузначные, составные из трех звуков (сотни) и т. п., в буквах слитно-трехзначные построения. Восприятия аффрикатов различных категорий как составных, а элементов, на которые они разлагаются, как простых, нисколько не нарушает тот факт, что составные звуки по своей доистории на самом деле не результат сложения простых звуков, до произношения которого человечество дошло постепенно соответственным развитием произносительных органов и, что они, составные звуки, именно и первичны, являясь не позднее возникшим комплексом элементов, а посильным для творчества совокупных усилий различных частей органов произношения, не функционировавших еще каждая самостоятельно с присущим ей простым звуком; это — членораздельные фонемы, но всетаки из порядка близких к нечленораздельности диффузных звуков, еще не вполне расчлененные фонемы. Отношение простых звуков к ним, как к составным, всетаки остается фактом, как в цифрах, отношение единиц к десяткам, сотням и т. д., хотя история числительных выясняет, что возник-

новение их вовсе не начиналось с единицы. Остается, следовательно, разложимость составных звуков на два звука, других более сложных звуков на три звука, т. е. остается тот факт, что в яфетических языках звуки делятся на звуки-единицы (простые), звуки-десятки (составные), звуки-сотни (более сложно составные).

Как в цифрах единиц меньше, всего на всего 1 — 9, так в аналитическом письме, составленном для абхазского языка, всего на всего шесть стержневых простых согласных ($t \sim k \rightarrow d \sim g \rightarrow \vartheta \sim q$), т. е. три зубных ($t \rightarrow d \rightarrow \vartheta$) и три заднеязычных ($k \rightarrow g \rightarrow q$), и как в цифрах нуль (0), прибавляясь к единице раз, дает десяток, двукратно присоединяясь — дает сотню, так слабые согласные ($s \rightarrow z \parallel ш \rightarrow j$ и т. п., w, y), присоединяясь к простому стержневому согласному одиноко, дают звуки-десятки, присоединяясь парой ($s + w, z + w$ и т. п.), дают звуки-сотни.

Роль нуля в яфетических языках однако играет не один звук, да и не один ряд звуков, а четыре ряда согласных, слабых согласных, при простых зубных звуках — $s \rightarrow z \parallel ш \rightarrow j$, при простых заднеязычных звуках — $h \rightarrow \gamma \sim \parallel \epsilon \rightarrow y$: парность каждого ряда зависит от того, звонкий ли стержневой согласный (d, g), тогда слабый согласный так же звонкий (z, γ) — $d + z \rightarrow \check{d} \parallel d + j \rightarrow \check{d}$, $g + \gamma \rightarrow \check{g}$, или он глухой (t, ϑ, k, q), тогда слабый согласный также глухой ($s \parallel ш \sim h \parallel \epsilon$) — $t + s \rightarrow \dot{t}$, $t + ш \rightarrow \dot{t}$, $k + h \rightarrow \dot{k}$, равно $\vartheta + s \rightarrow \dot{\vartheta}$, $\vartheta + ш \rightarrow \dot{\vartheta}$, $q + h \rightarrow \dot{q}$, $q + \epsilon \rightarrow \dot{q}$. Полугласные губной (w) и язычный (y) неизменны, безразлично и при звонком ($d + w \rightarrow \check{d} \parallel g + w \rightarrow \check{g}$) и при глухих, resp. глухом и среднем ($t + w \rightarrow \dot{t}$, $k + w \rightarrow \dot{k}$, $\vartheta + w \rightarrow \dot{\vartheta}$, $q + w \rightarrow \dot{q}$).

Таким образом вместо одного звука нулевого порядка в яфетическом языке наличны или некогда были девять ($s \rightarrow z \parallel ш \rightarrow j$, $h \rightarrow \gamma \parallel \epsilon, w, y$). Простые согласные имеются и другие, именно губные, $v \parallel m$ и трехступенные по озвонченности $p \rightarrow b \rightarrow \phi$, равно три плавных (n, l, r), но эти звуки не сохранились в яфетических языках в качестве аффрикатов, хотя пережитки таких аффрикатов губных мы, по всей видимости, имеем в греч. ϕ

(ps, собственно один цельный звук, в яфетической транскрипции долженствующий предстать в виде p̣).

§ 17. Всех знаков в цифрах, разумеется, значительно меньше, чем в аналитическом алфавите, так как, во-первых, в цифрах выражаются лишь отвлеченные отношения, а в буквах имеем выражение не только соотношений, но и звуков, требующих особого подбора приспособленных к нему слабых согласных; во-вторых, самые простые согласные, служащие теперь или служившие стержневыми для образования аффрикатов, немногочисленны по существу, не больше единиц, именно 1. зубной ряд, 2. заднеязычный ряд, 3. губной ряд и 4. три плавных, но из первых трех имеют каждый ряд три степени озвончения, всего следовательно 12 звуков.

Потому-то в цифрах всего только 10 знаков, из коих девять единиц (1 — 9) и один — нуль (0).

В аналитическом же алфавите по разнообразию слышимости многочисленны стержневые звуки-единицы, как служащие (всего 6: t → d → ɖ || k → g → q) для образования составных звуков аффрикатов, так утратившие эту возможность (их 8: v || m ↘ p → b → ɸ | n → l → r); многочисленны и семь слабых согласных (s → z || ш → j, ħ, y, w), которые впрочем лишь самостоятельно изображаются каждый особым знаком, но в слиянии с сильным простым представлены бывают всего на всего четырьмя знаками в 16 случаях, именно с зубными (переднеязычными) сибилантами глухие s || ш — точкой, свистящий s — сверху (˙, напр. ṭ), шипящий ш снизу (˘, напр. ṭ), z || j — углом, свистящий сверху (˘: ǰ), шипящий снизу (˘: ǰ), с заднеязычными спирантами глухие h || ɣ¹ — также точкой, небный h сверху (˙, напр. ḳ), гортанный ɣ снизу (˘, напр. ḳ), звонкие γ || y² — также углом, γ сверху (˘: ǧ), y снизу (˘: ǧ)³.

Таким образом во всем аналитическом абхазском алфавите, дающем выразить все 78 (при учете оттенков в гласных) фонем

¹ В абхазском самостоятельно ни h, ни ɣ нет.

² В абхазском самостоятельно γ также нет.

³ В абхазском звук ǧ пока не наблюдается.

абхазской системы звуков, — в алфавите, следовательно, состоящем по существу из 78 букв — а) стержневых простых знаков — 14, из которых только начертания восьми сильных сонорных, губных $v \parallel m \searrow p \rightarrow b \rightarrow \varphi$ и плавных $n \rightarrow l \rightarrow r$, изолированы, за отсутствием в абхазском составных звуков, аффрикатов губных и плавных, которые нуждались бы в выражении знаками, составными из перечисленных простых букв и того или иного слабого согласного (спиранта, сибиланта, полугласного w или y). Потому-то эти восемь изолированных простых букв требуют каждая особого исключительно к себе внимания; б) простых слабых звуков, сибилантов ($s \rightarrow z \parallel \text{ш} \rightarrow \text{ж}$), спирантов ($h \rightarrow \gamma \parallel \text{х} \rightarrow \text{х}$, в абхазском самостоятельно лишь y), полугласных (w рядом с y) самостоятельно в абхазском 6, но в составе диффузных звуков все 9, однако для выражения их в тех случаях, когда они, эти слабые звуки, входят в состав сложных фонем многочисленных аффрикатов, лабиализованных и лингвализованных звуков, аналитический алфавит довольствуется четырьмя знаками (— точкой ($\cdot$), углом ($\vee, \wedge$), кружком ($\circ$) и зубчиком ($\cdot$)).

В итоге 78 абхазских фонем, выражаемых 78 буквами, имеют в том или ином плане одной общей системы всего на всего 24 различных знака — 1) 19 самостоятельных букв простых, 2) четыре придаточных знака.

§ 18. При этом алфавит удовлетворяет следующим требованиям, именно —

1) начертательно выражены все звуки в точности по одной и той же системе с использованием каждой придаточной черточки в порядке тождественного или генетически параллельного ее использования в других случаях,

2) никакой простой звук не представлен описательно двумя буквами или в осложненном начертании с каким либо добавочным знаком, как в цифрах мы единиц не изображаем никогда двумя знаками.

3) наоборот, никакой сложный звук не изображен простой буквой, без соответственного по системе придаточного знака

одного или двух, как в наших цифрах не изображаем мы десятка, тем более сотни одним знаком.

§ 19. Само собою понятно, аналитический алфавит будет уточняться и совершенствоваться (а вместе с тем и упрощаться). по мере все более и более успешного разложения многочисленных фонем на основные элементы. Отсутствие у алфавита в этом отношении стабильности гарантия прочности его системы. Не в будущем только, но и сейчас, при привлечении массово заинтересованных читателей, ожидается бóльшая правильность разложения абхазских, да и иных яфетических составных звуков на элементы. Отстаивается не безукоризненность аналитического алфавита, как он сложен конкретно в данный момент, а системы. Отстаивается не абсолютное совершенство самого алфавита, а относительное, которое однако имеет возможности расти с ростом той общей науки о человеческой речи, основы которой закладываются новым учением, яфетическим языкознанием.

§ 20. Мы вполне понимаем, что для индоевропейцев и мыслящих в их путях языковедов аналитический алфавит мало, (да и неверно) сказать—неизвестен, он непереварим: он требует перестройки их научного языковедного мышления, он требует усвоения теории, яфетической теории, находящейся в полном противоречии с их основными научными положениями, с их техникой. Становясь технически народным, в данном случае абхазским, и получив дальнейшее практическое применение, новый алфавит, аналитический, будет иметь значение цифр, что и сделает его и как азбуку для народа и как транскрипцию для ученых одинаково всем понятным. Станет ли он однако общекавказским? Станет ли он общенаучным? Не наше дело заниматься пророчеством. Но наше дело без всякого колебания отвечать отрицательно с мотивировкой в пределах нашего понимания вещей: не станет он общекавказским, поскольку на Кавказе не будет изжито средневековое националистическое мышление, наследие в одной части христианской, в другой части мусульманской религиозной культуры, не станет он общенаучным, поскольку наука

будет особо, а слова-вещи, предметы-вещи особо, ученые особо и народы, их языки, массовые народные языки особо. Но наше дело также твердить и разъяснять то, что в итоге конкретных работ нам ясно, а именно: раз усвоив аналитическое письмо при данном нами обосновании и раскрываемом его смысле, технически овладевшие им не могут не почувствовать допотопности и чудовищности всякого иного алфавита так же, как если бы кто в счете предложил при обозначении чисел пользоваться не десятью знаками, нулем и девятью единицами, а стольким количеством ничего общего между собой неимеющих особых знаков, сколько вообще чисел. Человечество давно отошло от пиктографического «алфавита», изображений целых предметов, и от клинописных знаков, выражающих те же предметы уже в звуковых слогах, некогда названиях тех же целых предметов, и в их условных опять таки цельных изображениях (идеограмах), и шагнуло в сторону разложения этих комплексов на элементы, отдельные самостоятельно выделяемые звуки речи, не для того, конечно, чтобы замереть на успевшей так же сослужить свою службу старой системе фонетического письма, системе национальной исключительности, богато представленной в многочисленных разновидностях. Жизнь требует общности и технического упрощения системы. Упрощение намечается самой историей развития в путях дальнейшего разложения звуков и возможно большей механизации приемов усвоения букв с приближением к простоте цифровых изображений чисел. Аналитический алфавит, возникший в процессе развития яфетического языкознания, в путях непосредственного общения с массовой народной речью в массах же, представляет построение этого порядка, и хотя отнюдь не притязает на полное достижение простоты цифр, но им сделан наибольший ход в направлении к ней, как то можно видеть в прилагаемых ниже трех лекциях, где строй яфетидологического аналитического письма детально разъясняется, на составе звуков фонетически богатого абхазского языка, сравнительно с системой цифровых изображений чисел.

*

Естественно, такой алфавит недостаточно изготовить и механически пустить в дело. Надо одновременно с ним дать ход теоретическому пониманию абхазского языка и раскрывать разумность предлагаемого алфавита, надо через учительство провести в массы понимание природы и строя абхазского языка, грамматическое, живое так называемое собственно биологическое и социологическое понимание самой речи, а не анализ одних букв и системы их начертания. Ясное дело, что такое научно-просветительное предприятие в культурно-отсталой стране не может быть осуществлено без руководящей организации. Сил для такой организации не могут дать центры с академической постановкой научного дела, при которой наука сама по себе, а живые народные языки сами по себе. Руководящая организация должна быть создана из самих сознательных абхазов, знатоков и ценителей своей национальной речи. В сентябре 1925-го года было выработкой устава положено начало созданию такой организации в Сухуме под названием Академии абхазского языка и литературы, но дальнейшая ее судьба мне, к сожалению, неизвестна.

Чтобы усвоить аналитический алфавит абхазского языка, грамотному, тем более учителю и вообще просвещенцу, имеющему книжное образование общественному деятелю, с избытком достаточно прослушать три двухчасовые лекции. Я это испытал в сентябрьские дни истекшего года, когда по просьбе моих друзей абхазов вынужден был в две лекции вогнать изложение этого именно предмета. Материал тот же, использованный на названных лекциях, но с некоторым дополнением, и я распределяю его на три лекции, в полной уверенности, что педагоги, слушавшие меня, и вообще абхазы с той же подготовкой, в значительно более доступной форме передадут мои разъяснения менее подготовленным массовым слушателям, учащиеся ли они или взрослые, стремящиеся к просвещению.

Первая
лекция.

§ 21. Гласные. В абхазском восемь гласных, шесть полных или простых, два полугласных:

а) Простые:

а е і (русс. «и») о и (русс. «у») ә (ʋ в прежнем абх. письме) б

б) Полугласные (они же сонорные согласные):

—	—	у	—	w	—	2
		язычный		губной		
		(среднеязычн.)		(губно-зубн.)		8

§ 22. Гласные в абхазском в неударном слоге все («всѣ») краткой моры, точно полугласные. С другой стороны надо различать существование в абхазском двугласных и долгих гласных. Принято долготу изображать всегда двумя гласными, напр. аа, но в тех случаях, когда ударение падает на второй из двух гласных, то это действительно два гласных, читать их приходится прерывисто и аа будет слышен как аа: баак 'один замок', когда же ударение падает на первый из двух гласных или ни на один из них, то это долгий гласный, т. е. аа, равно без всякого ударения аа будет слышен как а, в первом случае с ударением а. В обиходном письме абхазы могут обходиться без особого гласного с долготой, но в научной передаче абхазских диалектических текстов не всегда долготу есть основание передать повторением гласного, напр. yubōt, диалектическую форму в значении 'ты видишь его || ее (неразумн. предмет)' нельзя написать yuboot, так как здесь форма с долгим о (ō) восходит к yubōyt.

а) Примеры по гласным:

а	е	і	о	и	ә
ab	à-еш	a-ìwa	a-osðà	ùra	әшðà
'отец'	'ящерица'	'образчик'	(a-wusðà) 'мастер'	'необ'езж. лошадь'	'теперь'
an	Igrè	a-ika		a-ùðra по-	à-gəlara
'мать'	'Ингур'	'гребень'		сев молод-	'стоять'
				няка, огород	
al 'ольха'		a-ìrɣ			a-mšəp
a-dà 'жила'		'мукà'		ubɣi 'тот'	'море'
a-kàba 'верхнее платье'					
à-bga 'шакал'					

б) Примеры по полугласным (слабым согласным: сонорным, средне-язычному и губнозубному):

у	w
уага̀ 'он'	waга̀ 'ты' (м. р.)
	à-wa 'сородич'
Уақ̀àb 'Иаков'	a-wàpa 'бурка'
	a-wàʔs 'ос' («осетин»)
	a-wardən 'арба'

§ 23. Согласные.

Простые.

I. Сильные (взрывные или смычные)

Губные

p = п b = б ʔ = ɸ

Зубные

t = т d = д ʒ = ʒ

Заднеязычные

k = к g = г q = қ

II. Слабые (придувные и сонорные)

↘ m = м v = в f = ф 3 + 3 = 6

↘ сибил.: свист. s = с z = з } 3 + 4 = 7
|| шип. ш j = ж

↘ спир. [h] [|| ɸ] y = й 3 + 1 = 4

Плавн. n = н (носов.) l = л r = р 3

20

Сибиллянты, казалось, вполне и даже богато сохранившиеся в абхазском, в части шипящих требуют оговорки, так как каждый из них (и ш и j) имеет двойное произношение: один из них, несомненно, придувной, другой почти смычный.

Из спирантных, самостоятельно неоявляющихся в абхазском, звук ɸ наличен у соседящего с юга с абхазами народа — мегрелов (ɸ), так то он известен обычно из семитических языков (евр. ש, арб. ش и т. д.), но больше по традиции и является предметом исследования, смычный он или придувной. Во всяком случае надобности устранять его из спирантных да слабых нет основания.

В абхазском имеются другие слабые согласные, но уже со-

ставные, вернее — диффузные или менее расчлененные, в числе их особого внимания требует спирант гортанный *h*, не столь резкий, как в других яфетических языках, располагающих им, но ни в каком случае не отождествимый с простым спирантом *h* (небным), он также почти смычный.

О диалектическом *y* здесь не место говорить: в общий алфавит он не попадает.

§ 24. Очередь за простыми или стержневыми согласными.

а) Примеры по губным звукам.

1) взрывным

р	b	ф
а-рà тонкий	а-барbàl 'колесо'	а-фà 'сын'
à-ратu 'честь'	а-bzà 'живой'	а-фàп 'брод'
а-рəгрəl 'перец'	à-bпа 'лес'	а-фàга 'деньги'

2) сонорным

m	v	f
а-маgàпа 'серп'	à-вага 'ребро'	à-фага 'кушать'
а-маапà (= аmāпà) 'хитрость'	а-ванəza 'селе- зенка'	а-fə 'Афы', бо- жество грома
à-маа (à-mā ← -маг) 'ручка' (сосуда)		fba '6'
à-маə 'змея'		
à-mla 'голод'		

б) Примеры по сонорным носовому и плавным звукам:

п	l	г
а-пāга 'уклон' 'склон'	а-là 'собака'	аг войско [форма единич. gkə!]
а-парə 'рука'	à-la } 'глаз' à-bla }	а-гà 'орех' à-гас 'папорот- ник'
а-пəга подoйник	а-labà 'палка' à-lаша 'мерин' а-ləm 'лев'	

в) Примеры по зубным звукам взрывным:

t	d	ɖ
à-tata 'хороший' (дет.)	dad 'дедушка'	à-ɖara 'давать'
a-tàta 'мягкий'	a-dʰəˈdɖə 'гром'	a-ɖəɖəɖəɖə 'табак'
a-tè 'Филин'	a-dərdə 'веретено'	à-ɖanaɸ
	a-damɾà 'могила'	→ à-ɖnaɸ
	dàra 'очень'	} абхазский праздник
	a-dunəy 'мир'	

е) Примеры по заднеязычным звукам взрывным:

k	g	q
a-kè 'один'	à-ga 'берег' (морской)	a-qia 'праведный'
a-kəka 'сосец'	à-gaga 'тень'	a-qəɖa 'селение'
a-kəl 'сноп'	a-gàn 'ширина'	a-qdè 'бревно'
	a-gàg 'колыбель'	

д) Примеры по слабым согласным придутным:

1) сибилантным

s	z	ш	ʃ
sa 'я'	à-zna 'полный'	a-šà 'веревка'	à-ja 'осина'
à-sas 'гость'	zakà 'сколько'		à-ʃ-га 'копание', 'канава'
a-sāàn 'тарелка'	a-zarzà 'крючек'		àʃs 'дикая малина'
a-sàba 'пыль'			
à-sakasa 'носилки'			
a-sarəɖəɖə 'мыло'			

2) спирантным.

Простые спиранты, если исключить полугласный у, в абхазском не сохранились, ни придутной h и ни взрывной ɸ (см. выше, § 33).

§ 25. С двадцатью разъясненными буквами аналитического алфавита абхазского языка мы закрываем тот круг фонем,

именно фонем единиц, которыми исчерпывается почти полностью вся звуковая система именно яфетического языка, так, напр., баскского, где из заднеязычных аффрикатов, фонем в начертаниях порядка десятков нет ни одного, настолько прометеидизация («индоевропеизация») яфетической речи произвела свое нивелирующее воздействие. В баскском правда сохранились переднеязычные аффрикаты $\dot{t} = tz$ (ц), реже $\dot{t} = tch$ (ч) и $\dot{t}$, также фонемы-десятки, и диалектически не расчлененный или диффузный слабый звук $\dot{h}$. Но мы имеем в ряде прометеидских («чистых индоевропейских») языков гораздо больше переживаний до-исторических языков, т. е. фонем-десятков или диффузных фонем. В общем однако разъясненная часть абхазского алфавита, состоящая из фонем-единиц, вполне покрывает потребности любого прометеидского («индоевропейского»), вернее и точнее европейского прометеидского языка.

§ 26. Фонемы-десятки, т. е. по выражающим их слитно-двузначным буквам соответствующие десяткам в цифрах, всегда также двузначным, в абхазском языке бывают звуки, составные из простых фонем-единиц зубных (t, d, ḡ), равно заднеязычных (k, g, q) и из или А) сибилантов (s, z, ш, ж) и спирантов (h, γ, ɣ, у), из коих в абхазском сохранился самостоятельно, как уже было сказано, лишь спирант у (среднеязычный сонорный согласный, слабый), вос-принимаемый и как полугласный, или Б) полугласных w и y, последний, следовательно, в таких случаях не в спирантном восприятии. А) Аффрикаты сибилантные и спирантные —

Вторая
лекция.

а) Примеры по переднеязычным аффрикатам.

1) свистящего ряда

$\dot{t}$	$\dot{d}$	$\dot{g}$
à-ta 'дно'	a-ḡara 'талья'	à-ḡ 'зуб'
a-tàs 'обычай'	a-ḡà 'вода'	a-ḡà 'горячий'
a-tèu 'наследник'	a-ḡbà 'жажда'	a-ḡà 'амбар'
		a-ḡḡ 'мошкарá'

2) шипящего ряда

$\underset{.}{t}$	$\underset{.}{d}$	$\underset{.}{\theta}$
$\grave{a}-\underset{.}{t}k\grave{e}n$ 'мальчик'	$a-\underset{.}{d}$ 'дуб'	$a-\underset{.}{\theta}\grave{a}$ 'хлеб'
mat 'немного'		$\grave{a}-m\underset{.}{\theta}$ 'сила'

Аффрикаты шипящего порядка требуют той существенной оговорки, что шипящие звуки имеют двойное произношение, одно мягкое, другое почти смычное, и последнее, когда речь шла о глухом шипящем ($\underset{.}{\theta}$), изображалось подписанной черточкой ($\underset{.}{\theta}$), посему составные с ним аффрикаты с дебелым произношением помимо знака шипящего, точки под буквой, снабжены и черточкой: $\underset{.}{\theta}$ — $a-\underset{.}{\theta}\grave{e}$ 'лошадь', $\underset{.}{t}$ — $a-m\underset{.}{t}\grave{e}$ 'дрова'.

Однако в самостоятельном использовании этого дебелого $\underset{.}{\theta}$ для упрощения я стал опускать подписную черточку, это можно было делать тем легче, что $\underset{.}{\theta}$ со смягченным произношением изображался с зубчиком в виде $\underset{.}{\theta}$ ¹.

Такая же несогласованность в изображении звонкого аффриката $\underset{.}{d}$ (a не $\underset{.}{d}$), если $\underset{.}{d}$ признавать звуком с дебелым произношением, т. е. считать его за $\underset{.}{d}$, и составной с ним аффрикат изображать без подписной черточки $\underset{.}{d}$, а не $\underset{.}{d}$. Но в виду того, что этот звонкий аффрикат шипящего порядка при смягченном произношении имел особое начертание $\underset{.}{d}$ ($a-\underset{.}{d}$ 'дуб', $a-\underset{.}{d}r\grave{a}$ 'жарить'), то для того же аффриката с дебелым произношением казалось достаточным пользоваться начертанием без подписной черточки, т. е. $\underset{.}{d}$, а не $\underset{.}{d}$ в словах: $a-\underset{.}{d}\grave{e}g$ 'сталь', $a-\underset{.}{d}\grave{e}sh$ 'чеснок'.

Всилу изложенного, связанный сам в начатых печатанием работах указанной несогласованностью, я могу лишь предложить другим на выбор для изображения тех же обсужденных букв более последовательное их начертание в виде

$\underset{.}{t}$	$\underset{.}{\theta}$	$\underset{.}{\theta}$ (= $\underset{.}{\theta}$)	$\underset{.}{t}$	$\underset{.}{\theta}$	$\underset{.}{\theta}$
$\underset{.}{d}$		$\underset{.}{d}$ (= $\underset{.}{d}$)	$\underset{.}{d}$		$\underset{.}{d}$

¹ В этом смысле появление $\underset{.}{\theta}$ без всякого знака в III-й таблице (1. согласные) брошюрки о записывании абхазских текстов (Пособия для работ по яфетическому языкознанию. I, 1918, стр. 9) есть недосмотр, как и связанное с этим одиночество $\underset{.}{\theta}$ в той таблице (2. согласно-гласные).

При этой системе для $\dot{d}$ мы получим пример в $a-\dot{d}$ 'дуб', а для $\ddot{d}$ — в $a-\ddot{d}\acute{e}g$ 'сталь', $a-\ddot{d}\grave{e}sh$ 'чеснок'.

б) Примеры по заднеязычным аффрикатам:

$a-k\grave{a}ma$ 'кинжал'	$a-\grave{g}\grave{a}$ 'враг'	$\grave{a}-\acute{q}a$ 'тычинка (с ветв.)'
$a-karm\grave{a}$ 'хмель'	$\grave{a}-\grave{g}ba$ 'судно'	$a-\acute{q}\grave{a}$ 'шерстяная или
$a-k\grave{e}z$ 'гусь'	(ныне 'паро-	льняная нить'
$a-klan$ 'забор'	ход')	$\grave{a}-\acute{q}ga$ 'скала'
		$\acute{a}\acute{q}sh$ 'молоко'.

§ 27. С девятью разъясненными буквами аналитического алфавита абхазского языка мы закрываем тот круг фонем, именно фонем-десятков, за которым с придачею двадцати фонем-единиц, в целом 29, не выходит почти вовсе весь звуковой состав такого вполне типичного яфетического языка, как грузинский и ближайше родственные с ним языки, мегрельский и чанский, языки сибилантной ветви, равно сванский. В этот круг свободно уместается также фонетический состав такого переходного языкового типа от яфетического к прометеидизму («индоевропеизму»), как армянский.

§ 28. Прилагаемая таблица дает картину соотношения простых звуков с разъясненными девятью составными фонемами порядка десятков в цифрах.

Табл. I.

		Смычные простые							
		t	k	d	g	θ	q		
Сибиланты		Составные (смычные)						Спиранты	
$\dot{=}$ s		$\dot{t}$	k			$\dot{\theta}$	$\dot{q}$	$[h =]$	$\dot{=}$
$\underline{=}$ z				$\ddot{d}$	$\grave{g}$			$[\gamma =]$	$\underline{=}$
$\div =$ ш		$\grave{t}$	$[k]$			$\grave{\theta}$	$[q]$	$[ʃ =]$	$\div$
$\overline{=}$ j				$\grave{d}$				y = $\overline{=}$	

$\dot{d}$ вм. $\ddot{d}$ см. § 26, а, 2.

Составные с полугласными *w* и *y* это лабиализованные (слитные с губным *w* или нерасчлененные с ним) и лингвализованные (слитные с язычным *y* или нерасчлененные с ним) согласные относятся к особенностям, выделяющим абхазский язык вместе с весьма немногими сородичами в отдельную группу с более тесным родством.

§ 29. Эти фонемы также требуют начертаний того же порядка, что в цифрах десятки, двузначные числа, единицы с одним нулем или его заместителем, в буквах это простые звуки как взрывные (сильные), так придумные (слабые):

А) В одних случаях с сонорным губным (губно-зубным) согласным *w* (полугласным):

а) Из взрывных (сильных) согласных:

1) зубные $t \rightarrow t' \rightarrow t''$

stowp 'сизжу'

a-tə 'поле'

a-t'-à 'сено'

a-tə 'собственность',
'раб'

a-t'-bga 'лисица'

it-tə 'напол-
няй'

à-mit 'чудо'

2) гортанные — $k \rightarrow g \rightarrow q$

a-k.àə 'говядина'

a-gə 'сердце'

a-q.à 'дождь'

a-k.tə 'курица'

a-gaŋqara 'любовь'

à-q.ab 'котел'

б) Из придумных (слабых) согласных шипящие *ш* (= *ш*) и *ж* (= *ж*) входят в состав таких огубленных придумных, как *ш' → ж'*
a-ш' 'дверь' *a-ж'* 'старый'.

Б) В других случаях с сонорным язычным (среднеязычным) согласным (полугласным) дело обстоит двояко —

а) из взрывных согласных:

1) взрывные или смычные этого порядка с простыми зубными *t*, *d*, *ə* самостоятельно мною порой как будто улавливались, но вопрос остается открытым. Они бесспорны в аффрикатах (§ 33, б).

2) заднеязычные — $k \rightarrow ɣ \rightarrow q$:

a-q.əfa 'курдюк'

a-ɣam 'вкус'

a-t'qan 'лавка'

б) Из придувных и свистящие и шипящие образуют эти составные с язычным придувным звуки — $\text{ɬ} \rightarrow \text{z}$ и $\text{ɬ} \rightarrow \text{j}$, но свистящие ɬ и z только по произношению бзыбского наречия, почему из обиходного алфавита общенародного исключаются, они отмечаются здесь лишь в целях использования в научных записях памятников народной словесности:

а- $\text{ɬ}\text{ə}$ (бзыб.) 'снег' в.м. обиходн. а- $\text{s}\text{ə}$
 $\text{u}\text{ɬ}$ (бзыб.) 'так' » » us
 а- $\text{z}\text{ə}$ (бзыб.) 'чистый' (о воде) в.м. обиходн. а- $\text{z}\text{ə}$
 а- $\text{ɬ}\text{ə}$ 'кровь'
 а- $\text{j}\text{ə}$ 'заяц'

в) Особняком стоит слитное как одного цельного звука произношение $\text{w} + \text{y}$, изображаемое двузначным ɰ . При этом цельном произношении горло принимает значительное участие в производстве этого составного или нерасчлененного (диффузного) звука, точно слышится и гортанный спира́нт ɣ : а- ɰ 'моль', а- $\text{ɰ}\text{ə}$ вино, а- $\text{m}\text{ɰ}\text{ə}$ 'дорога'.

§ 30. Сибилантные и сплантные у абхазского общи со многими яфетическими языками. Как в них, эти аффрикаты и в абхазском часто представлены с утратой той или иной их отличающей характеристики, сибилланта (ɬ , z , ɬ , j) или спланта (*h , *ɣ , *ɣ , y), т. е. аффрикаты (t , d , ɬ , t , d , ɬ , k , g , q и т. п.) оказываются десибиллованными (t , d , ɬ) или дезаспированными (k , g , q), и тогда аналитическая транскрипция сохраняет совершенно основательно стержневую часть буквы, с точностью передающую сохранившийся пережиточно звук, так —

а) $\text{d}\text{a}\text{r}-\text{a}$ 'сильно', 'очень' $\leftarrow \text{*}\text{d}\text{a}\text{r}-\parallel \text{г. } \text{d}\text{a}\text{l}-$ 'сила'. Сюда же относится абх. $-\text{d}\text{a}$, усилительная частица, напр. $\text{eu}\text{t}\text{əb}-\text{d}\text{a}$ 'самый младший' 'моложе всех'.

б) а- da 'жила' $\leftarrow \text{*}\text{d}\text{a}\text{r}$, что см. в составе скрещенного дву-племенного слова грузинского языка, именно $\text{d}\text{a}\text{r}-\text{g}\text{u}$ (новогруз. $\text{d}\text{a}\text{r}\text{g}\text{v}-$) 'жила'.

Как обычно, 'сила' восходит к представлению, впоследствии

понятию 'рука', и *ḍal* (равно его разновидность *ḍar* → **dar*) есть то слово с первичным и в грузинском значении 'рука', от которого в грузинском произведен глагол *ḍl + v* (*ḍleva*) 'вручить', 'давать', и его же спирантный двойник на нисшей ступени *hal*, в большинстве с утраченным спирантом, наличен в значении то 'руки' (→ 'бока' || 'стороны'), то 'силы', равно в значении производных от них глаголов 'давать', 'брать', 'мочь' и т. п. и в таких яфетических языках, как баскский (*al-bo* 'бок', 'сторона', *al-de* 'сторона', *al*, равно *a-hal* 'мощь', 'мочь') и чувашский (*al-ə* 'рука', *al-za* 'рукавицы', *ḡal* 'сила', 'здоровье', см. ниже), равна в турецких, здесь и с эканием (*el*, *resp.* *äl* 'рука', *äl-bi* 'сила', отсюда 'сила', которая действует в лекарстве, в молитве, но в турецких слово в значении 'руки' было и с аканием (*hal* → *al*, ср. *al + a-kan* 'ладонь' в ряде тур. наречий и в монг.), ибо по закону доисторической семантики от него глагол 'брать' — тур. *al-taḡ* и т. д., тоже слово имеем в тур. *al* 'уловка', 'хитрость', 'обман', сюда же, конечно, относится *äl* 'сила', *resp.* *ḡal* ← *kal* в различных турецких наречиях, ср. и чув.; это вовсе не араб. заимствование.

в) Такое же явление мы наблюдаем в ряде случаев с *ḡ*, пережитком *ḡ*, как, напр. в форме мн. числа *ar-ḡ*, *ḡar-ḡ* 'они', где *ḡ* восходит к *ḡ*, показателю множественности в армянском, да и в самом абхазском (ср. в абхазском и *-ḡa*, окончание мн. числа из *-*ḡo*). Таков же *ḡ* в м. *ḡ* (*~r* || *l*) в *a-taḡ* 'змея', где *taḡ*, *resp.* **tar*, есть эквивалент пр. *mār* 'змея' и основы *mel* имени армянского эпического героя *Mel-te* из «скифского» или вернее «кимерского» сказания, двойника имени также народного героя *Щека*, как нарицательное слово имевшего тоже значение 'змей'¹.

§ 31. С этой дессибилацией в неразрывной связи находится сведение группы сибиланта с заднеязычным (*zḡ* → *zg*, *sḡ* → *sq* и т. п.) к одному заднеязычному (*ḡ*, *resp.* *g*, *ḡ*, *resp.* *q* и т. п.): сибилант (*s*, *z*) спирантизуется в исчезающий спирант, в абхазском самостоятельно вовсе и не сохранившийся (*h*, *γ*). Так —

¹ Н. Марр, Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси (ИРАИМК, III), стр. 272 сл., 275.

1. qə- ← *hqu- ~ *squ- в a-qə + ɖa 'селение', собств. sku-ɖa '[скифское] селение'

2. q̇ə ← *ḣqu- ~ *ṡqu- ↗ ɖ̇qu- : a-q̇ə 'голова'

Сибилантный двойник ɖ̇qu, с дессибилантией ɖ̇qu, сохранился в скрещенном двуплеменном слове ɖ̇qu-m || ɖ̇q̇wɪ-m (← *ɖ̇qu-mag || *ɖ̇qu-mag) у сванов в том же значении 'голова'. Сюда же примыкает груз. др.-л. ɖ̇qem 'лобное место'. Сюда же относится черк. sha, resp. she 'для', семантически восходящее к 'голове' (ср. в грузинском ɖw-s, ныне ɖv-is, Н. Марр, Грам. др.-л. груз. языка, § 114).

3. q̇ə ← *ḣqu- ~ *ṡqu- ↗ ɖ̇qu- : a-q̇ə 'пуля'

ɖ̇qu ← ɖ̇q̇wɪ в значении 'пули' сохранилось у сванов. Здесь не касаюсь вопроса о перемещении значения слова у сванов со 'стрелы' на 'пулю', ни других разновидностей термина, о чем частично см. Н. Марр, Термин «скиѳ» (ЯС, I, стр. 132), где впрочем еще формально-сравнительная трактовка вопроса.

4. q̇ə ← *ḣqu- ~ *ṡqu- ← sko (↔ -sku ~ -ski) ← skol- : a-q̇ə 'золото', арм. o-ski (← *o-sku, resp. o-sk-w-) 'золото' (Н. Марр, Термин «скиѳ», ц. м., стр. 126 сл.). Русское слово 'золото', которое вм. с нем. gold, как известно, восходит к архетипу *skol + o-toʔn¹, представляет уже скрещенное двуплеменное слово, как его спирантный двойник чув. ɪl-tən (↗ *ɸol-ton ↔ *ɸul-ton), в турецком с аканием в первой части: al-тын, resp. al-əн.

5. ga ← *ɣga ~ *zga ↗ ɖ̇ga (← ɖ̇gal): a-gà 'берег'.

Сибилантный вид непочато, а во мн. числе и с восстановлением l (ɖ̇gal-) налицо в языке соседящих с абхазами мегрелов, где ɖ̇ga (мн. ч. ɖ̇gal-eф-1) значит 'берег', 'край'; об его эквивалентах шумерском zag и армянском tag см. Н. Марр, Заметки по яфетическим клинописям (ИРАИМК, III, стр. 298).

§ 32. При таких раньше не учитывавшихся звуковых явлениях и морфологии слов неудивительно, что не только европейцы терялись (они впрочем по лингвистическим вопросам Кавказа, как и Пиренеев до сих пор не могут найти себя), даже Услар готов был от неразъясненного абхазского a-gà 'берег' разъяснить

происхождение греческого (?) названия Ахаи́и для части кавказского берега Черного моря» (Услар, Абхазский яз., s. v.), но мы, сами кавказцы, точно чужаки, не можем постичь или не хотим постичь, как близки друг к другу, как неразрывно сплетены на Кавказе друг с другом южные яфетические языки с северными, даже грузинский с абхазским. И все таки факт, что абхазский язык не любит стечения двух коренных согласных, как то наблюдается в грузинском, сохранив однако в обилии до-исторический тип слитно-составных, собственно нерасчлененных или диффузных звуков.

Третья
лекция.

§ 33. Очередь теперь за фонемами-сотнями, т. е. за трехсоставными звуками, следовательно трехзначными буквами, когда один стержень-(единица) с двумя знаками-(нулями), в порядке сотен в цифрах.

К таким относятся уже разъясненные составные с шипящими ш (мы пишем самостоятельно ш) и ј (мы пишем самостоятельно ј) и переднеязычные аффрикаты $\underset{\cdot}{t}$, $\underset{\cdot}{d}$ (у нас $\underset{\cdot}{d}$ вм. $\underset{\cdot}{d}$ см. § 26, а, 2), $\underset{\cdot}{\phi}$.

Из заднеязычных аффрикатов этого порядка имеется лишь один звук $\underset{\cdot}{q}$, представляющий составную фонему из $\underset{\cdot}{q}$ и спиранта $\underset{\cdot}{h}$: а- $\underset{\cdot}{q}\grave{h}$ 'голова'. Для согласования как будто желательно в соответствии с $\underset{\cdot}{\phi}$ этот заднеязычный аффрикат изображать не $\underset{\cdot}{q}$, а $\underset{\cdot}{q}$.

Но масса трехзначных букв это лабиализованные и лингвализованные звуки, именно из придувных спирант $\underset{\cdot}{h}$ и шипящие, последние одновременно и лабиализованные и лингвализованные ($\underset{\cdot}{h}$, цѣ и $\rightarrow$ $\underset{\cdot}{\phi}$), но такие шипящие исключительно в бзыбском наречии (следовательно, изъеются из общенародного или литературного абхазского алфавита) и переднеязычные и заднеязычные аффрикаты, следовательно, двузачные буквы ($\underset{\cdot}{t}$, $\underset{\cdot}{d}$, $\underset{\cdot}{\phi}$, $\underset{\cdot}{d}$, $\underset{\cdot}{k}$, $\underset{\cdot}{g}$, $\underset{\cdot}{q}$), то лабиализованные ($\underset{\cdot}{t}$, $\underset{\cdot}{d}$, $\underset{\cdot}{\phi}$, $\underset{\cdot}{k}$, $\underset{\cdot}{g}$, $\underset{\cdot}{q}$), то лингвализованные ($\underset{\cdot}{t}$, $\underset{\cdot}{d}$, $\underset{\cdot}{\phi}$, $\underset{\cdot}{d}$, $\underset{\cdot}{k}$, $\underset{\cdot}{g}$, $\underset{\cdot}{q}$), из последних переднеязычные свистящего ряда ($\underset{\cdot}{t}$, $\underset{\cdot}{d}$, $\underset{\cdot}{\phi}$) лишь по бзыбскому наречию (следовательно, из общенародного или литературного абхазского языка также изъеются).

а) Лабиализованные шипящие собственно все могли бы оканзаться трехзначными, так как ш̣ и ʃ̣ (§ 29, А, б) представляют слияние полугласных w и y с тем видом дебелого, почти смычного ш, который следовало изображать в виде ш̣ и ʃ̣ (см. § 26, а, 2). Общепародным является и спирантный трехсоставной звук, представляемый трехзначной буквой ħ̣: à-ħ̣a 'меч', а-ħ̣əħ̣ 'голубь', а-ħ̣à 'свинья', а-ħ̣əʃ̣ 'теленос'.

Что же касается сохраняемых лишь для научной транскрипции трехзначных букв ц̣ и ʃ̣, необходимых исключительно для записей текстов бзыбского наречия, то они иллюстрируются такими случаями, как — ац̣ 'бук', аʃ̣ 'корова'.

б) Лингвализованные аффрикаты:

Переднеязычные (только в бзыбском наречии)			Заднеязычные		
ṭ	ɕ̣	ʃ̣	ḳ	g̣	q̣
euɕ̣ba	a-ɕ̣	à-ʃ̣a	a-ḳəʃ̣a	euɡ̣ra	a-q̣ə
'младший'	'блоха'	'черешня'	'курдюк'	'превосход-	'золото'
		a-bəʃ̣		ство'	a-q̣ɕ̣
		'хворос'			'имя'.
		a-ʃ̣aɡ̣à 'идти'			

§ 34. В сумме все абхазские буквы в порядке педагогической целесообразности, от простого к сложному, в порядке следования от букв-единиц к буквам-десяткам и к буквам-сотням с выделением изъемлемых из обиходного алфавита бзыбских согласных представляют следующие группы:

а) гласные: а, е, и, о, у, э, полугласн.: у, w. 8

Согласные.

б) Группа 1-я. Простые согласные (буквы единицы):

f, v, m, s, z, ш, j, p, b, ɸ, t, d, ʒ,	
k, g, q, n, l, r (об у и w см. гласные).	19
	27

t, ḍ, j, ṭ, ḍ, ʝ, k, ğ, q̣, f, ɸ, ʁ, ḳ,
g, q̣, ḳ, g̣, q̣, ш̣, ж̣, (бзыб. еще: ṣ, ẓ), щ̣, 23
л̣ (о ш и л см. § 26,a,2), һ̣. (с бзыб. 25)

50

$\dot{\mathfrak{t}}$, $\dot{\mathfrak{d}}$ (= $\mathfrak{d}$, см. § 33), $\mathfrak{y}$, (бзыб. еще: $\dot{\mathfrak{t}}$, $\dot{\mathfrak{d}}$, $\mathfrak{y}$, $\dot{\mathfrak{d}}$),
 $\mathfrak{k}$, $\mathfrak{g}$, $\mathfrak{q}$, $\mathfrak{t}$, $\mathfrak{d}$, $\mathfrak{y}$, $\mathfrak{k}$, $\mathfrak{g}$, $\mathfrak{q}$, (бзыб. еще $\mathfrak{p}$, $\mathfrak{j}$),
 $\mathfrak{h}$, $\mathfrak{w}$. (с бзыб. 20) 13

63

д) Группа 4-я. Четырехзначные составные согласные (буквы-тысячи), казалось сводятся к одному $\dot{q}$, но если бы доводить последовательность до конца, не избегать в самом абхазском излишнего осложнения начертаний, $\dot{t}$, $\dot{d}$ и $\dot{\varphi}$ следовало бы из III-й группы перенести сюда, так как точное их начертание по системе: $\dot{t}$, $\dot{d}$, $\dot{\varphi}$. Обходясь упрощенным начертанием этих трех букв по III-й группе ($\dot{t}$, $\dot{d}$, $\dot{\varphi}$) без ущерба в самом абхазском, мы остаемся лишь при одной четырехзначной букве $\dot{q}$ (или q , см. § 33).

1

Всего 64

§ 35. В порядке же общепринятой последовательности латинского алфавита, с учетом греческого и с продвижением к началу лишь гласных, абхазская азбука может быть представлена в следующих двух таблицах, одной печатными, другой рукописными буквами.

Табл. II.

Абхазский аналитический алфавит.

Печатный.

a e ɪ o u ə y w t ʈ i [t̪] ʈ t̪ t̪
d ɖ ḍ [ḍ̪] ḍ̪ ḍ̪ ḍ̪ ɖ ɖ̌ ɖ̌ [ɖ̪̌] ɖ̌̌ ɖ̌̌ ɖ̌̌
s [ʂ] z [ʐ] ɯ ɯ̌ ɯ̌ ɯ̌̌ j ɟ ʃ [ʂ̪]
k k̪ ǩ ǩ̌ g ɣ ɣ̌ ɣ̌̌ ɣ̌̌̌ q̌ q̌̌
q̌̌̌ q̌̌̌̌ [q̌̌̌̌̌] [q̌̌̌̌̌̌̌] h r l [l̪] n [n̪] p
b ɸ m f v [v̪] ȟ ʁ̌.

Табл. III.

Абхазский аналитический алфавит.

Рукописный.

a e i o u æ y w b g g g d d v v
x x, s s k k, k, l l m n n, p p p p
r s z t t t t q q q g g g k k k u u
u u s s i i i d d d t t t t t q q
q q q d d h h f.

Печатный алфавит расположен в другом порядке, чем рукописный, что на таблице, воспроизводимой из пособия по записыванию абхазских текстов (в ней не хватает **w**).

Такой ли последовательности держаться? Этим я сейчас не занимаюсь. До сих пор я держался порядка размещения грузинского алфавита, где с начала идут буквы, изображающие простые звуки без шипящих, затем аффрикаты и шипящий ш, т. е. то, чего не хватало в греческом. Можно расположить¹ их в порядке движения от гласных и затем простых согласных к составным двузначным и составным трехзначным, т. е. в порядке, названном педагогическим.

¹ См. О записывании абхазских текстов (Пособия для работ по яфетическому языкознанию. I) и Абхазско-русский словарь.

Е. Д. ПОЛИВАНОВ

**АБХАЗСКИЙ
АНАЛИТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ
(ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)**

Публикация рукописи

Текстологический комментарий

В публикуемой рукописи различается три почерка. Бóльшая часть написана чётким почерком (без наклона или с небольшим наклоном влево), перемежающимся с фрагментами почерка Поливанова, а также частными исправлениями и добавками, сделанными его рукой (см. факсимиле первой страницы рукописи — рис. 9, с. 150). Содержание этих исправлений позволяет заключить, что первый переписчик не имел специального лингвистического образования: он путает знаки придыхания и гортанной смычки в записи примеров (одна из таких ошибок, на л. 12 (с. 157), осталась неисправленной Поливановым), не понимает некоторых терминов и сокращений — те в оставленное место вписаны Поливановым («передняя часть языка (арех)», л. 14 (с. 159); «ор. cit.», л. 16 (с. 161)), неуверенно изображает буквы арабского алфавита (л. 9, с. 156) или пропускает их (л. 19, с. 161). Можно предположить, что первый почерк принадлежит супруге учёного Бригитте Альфредовне Поливановой-Нирк (1899–1946)¹, которая, как известно, переписывала его тексты перед публикацией (Ларцев 1988: 27–28). Образцы такого почерка встречаются и в коллекции рукописей Поливанова в фонде Р. О. Якобсона в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге (см. школьные тетради в папке 26 «[Studie o japonském jazycе]»). С л. 21 (с. 162) начинается третий почерк, скорее всего являющийся более аккуратным вариантом почерка Поливанова²: в этой части рукописи (до конца текста) практически нет дополнений и исправлений, тем же почерком написано и имя автора в конце.

В настоящей публикации различие почерков не отражается: дан «итоговый» текст работы, а интересные случаи авторской правки оговариваются в примечаниях издателей.

Некоторые исправления, сделанные Поливановым в тексте рукописи, свидетельствуют об укреплении его критического отношения к яфетической теории и даже об определённом раздражении против неё, ср.:

¹ [https://ru.openlist.wiki/Поливанова_Бригитта_Альфредовна_\(1899\)](https://ru.openlist.wiki/Поливанова_Бригитта_Альфредовна_(1899)).

² Ср. также с почерком рукописи «Краткой фонетики японского языка» Поливанова, предназначавшейся для стеклографирования, из фонда Якобсона в Праге (папки 14 и 25).

л. 2–3 (с. 152; см. также факсимиле, с. 150):

<Яфетидологическая транскрипция> основывается, в известной мере, и на некоторых историко-лингвистических предпосылках яфетической теории. Во всяком случае — это вполне строго и рационально разработанная (на основе своих предпосылок) научная система, теоретически пригодная к роли универсального (т. е. применимого к любому языку) алфавита. Насколько верны сами предпосылки, коренящиеся в особенностях яфетической теории, — это уже другой вопрос.

<Яфетидологическая транскрипция> основывается, в известной мере, не на действительном физиологическом составе звуков языка, а на заведомо-ошибочных предпосылках, характерных для яфетической теории.³

л. 19 (с. 161):

Тут тоже можно найти минусы, и, как показывают современные голоса абхазского учительства, — минусы уже ими ощутимые.

Тут тоже можно найти минусы, и, как показывают современные голоса абхазского учительства, — минусы весьма зловердного характера.

Работа Поливанова публикуется в современной орфографии и пунктуации (не сохраняются написания «варияция», «об’ективный», «т.-е.», «повидимому» и др.⁴, без специальных оговорок исправлены явные описки, раскрыты сокращения), не используется дифференциация скобок, применявшаяся автором (фрагмент текста, находящегося в круглых скобках, заключался в квадратные скобки), поскольку в оригинале это не проведено последовательно, разнообразные подчёркивания с целью логического выделения унифицированно передаются разрядкой.

³ Критические соображения о марровском алфавите Е. Д. Поливанов высказывает и в своём учебнике по «Введению в языкознание для востоковедных вузов» (Поливанов 1928а: 177; см. выше раздел 1.2, с. 30).

⁴ Сохранено лишь употреблявшееся Поливановым написание «аинский», а также авторское использование дефисов («не-слоговой», «заведомо-ошибочный» и др.) и прописных букв в названиях.

При воспроизведении транскрипционных символов сделано лишь одно отступление от оригинала: знак палатализации поставлен не над буквой (g'), а справа от неё (g'), как это обычно для знака лабиализации (g^w). Технические пояснения Поливанова (вроде «Продолжение подстрочного примечания с 1-й страницы» и под.) не воспроизводятся.

Как отмечалось, в системе Марра диакритические знаки точки и угла распределены дополнительно (первый — при глухих, второй — при звонких согласных) — см. с. 26. Возможно, поэтому в рукописи Поливанова вместо угла обычно стоит точка (см. л. 15, п. 3 (с. 160)), а в обоих случаях употребления подстрочного угла — в таблице ААА (л. 10, с. 158) и при перечислении трудно запоминаемых диакритик (л. 22, с. 162) — он перевёрнут: $\underset{\cdot}{d}$, $\underset{\cdot}{d}$ вместо $\underset{\cdot}{d}$, $\underset{\cdot}{d}$ (в черновой же версии таблицы (л. 11) вместо угла у «мягкой» аффрикаты здесь точка: $\underset{\cdot}{d}$). Эти мелкие неточности, косвенно свидетельствующие о действительной сложности системы диакритических знаков ААА, в настоящей публикации сохранены.

Пагинация отражает архивную нумерацию листов⁵ и даётся мелким шрифтом внутри текста в угловых скобках. В угловые скобки также заключены другие пояснения технического и содержательного характера (более развёрнутые даются в постраничных сносках под знаком ^{*}).

⁵ В рукописи имеется и авторская нумерация страниц: л. 2–10 = с. 1–9, л. 11 Поливановым не пронумерован, л. 12–24 = с. 10–22.

21 (21/07)

Абхазский Аналитический Арабизм

[Опыт критического анализа]

Предисловие. Прежде всего должен предупредить читателя от мысли о том, что какому-либо сразу
 свободен или предполагал какой-либо проект в пользу Абх. Аналит. Арабизма. Возвращаясь с таким про-
 слом в область методологически неопределенной без использования опыта, конкретного абхазского письма **Г. Д. И.** Те-
 же обозначения (на основе м.р.т.), которые много раз использовались абхазскими учеными, отныне не должны рассматриваться как произволь-
 ные. К транскрипции, употреблению арабизма. Это — транскрипция, исключительно для **Абхазского Аналитического Арабизма**.

I. Среди новых национальных письменностей у Кавка-
 ских народов исключительное внимание вызывает
 абхазский, так называемый "Аналитический Арабизм",
 разработанный академиком **Н. Я. Марра**. Забянет Н. Я. МАРРА
№ / **
 Исключительное положение этой графической системы
 именно и состоит в том, что здесь автором арабизма
 является крупнейший ученый, исходивший в выборе
 знаков из своей научной транскрипционной системы
 (— "Алфавитологической транскрипции" ***). И, показав,

**) Сокращенно буду обозначать ее через ААА (Абхазский Аналитический Арабизм).

***)

Я не буду останавливаться на том, что "Алфавитологическая Транс-
 крипция" не является фонетической — в полном смысле этого слова си-
 стемой (в противоположность другим универсальным транскрипциям
 — напр. Международному Французскому Арабизму и Русской
 Транслитерационной "Абукве"), а основывается, в известной мере, на **не на дей-**
 ствительном физиологическом составе звуков языка, а на **заблуждении** — ошибочном представлении
 о характере звуков языка. **Представление** арабизма — **представление** арабизма — **представление** арабизма.

Рис. 9. Первая страница рукописи Е. Д. Поливанова⁶

⁶ © Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук:
 ф. 800, оп. 6, д. 395, л. 2.

Е. Д. Поливанов

АБХАЗСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ

<л. 1>

В Комиссариат Народного Просвещения Абхазской ССР^{<*>}.

Прилагаемая рукопись моего доклада об Абхазском Аналитическом Алфавите не предназначается для печати. С другой стороны, она не рассчитана и на популярное изложение; поэтому я прошу смотреть на неё просто как на изложение моего мнения об ААА — в той форме, которая представилась мне возможной для мотивировки моих положений. В случае надобности я готов высказаться в другой, более общедоступной форме.

Пока же я счёл необходимым довести до Вашего сведения содержание сделанного мною в Москве доклада на вышеупомянутую тему.

В случае, если всё-таки почему-либо Вы сочтёте возможным напечатать этот мой доклад, я убедительно буду просить о посылке мне корректуры — по адресу Москва, Волхонка 18, Институт Языка и Литературы РАН-ИОН <см. с. 67, прим. 2>. Председателю Лингвистической Секции профессору Поливанову. Повторяю, что я — в случае надобности — готов буду направить Вам и другие мои работы по вопросу абхазской письменности.

XI 1927

С товарищеским приветом
Профессор Евгений Поливанов

Москва, Волхонка 18.

Институт Языка и Литературы РАН-ИОН.

<л. 1а — обложка тетради>

АБХАЗСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ

Е. Д. ПОЛИВАНОВ

<штамп:> ГАИМК <см. с. 68, прим. 4> Кабинет Н. Я. Марра № Е395

* Официальное название «Народный комиссариат просвещения ССР Абхазия».

<л. 2>

АБХАЗСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ (ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Предисловие

Прежде всего должен предостеречь читателя от мысли о том, что настоящая статья вводит или предполагает какой-либо проект в замену Абхазского Аналитического Алфавита. Выступать с таким проектом я считаю методологически непозволительным без использования опыта, накопленного абхазскими педагогами. Те же обозначения (на основе МФА), которые мною даются для абхазских звуков, отнюдь не должны рассматриваться как предназначенный к практическому употреблению алфавит: это — транскрипция исключительно для лингвистических работ.

I

Среди новых национальных письменностей у кавказских народов исключительное внимание вызывает абхазский, так называемый «Аналитический алфавит», разработанный академиком Н. Я. Марром. Исключительное положение этой графической системы¹ именно и состоит в том, что здесь автором алфавита является крупнейший учёный, исходивший в выборе знаков из своей научной транскрипционной системы (— «яфетидологической транскрипции»²). И, пожалуй, <л. 3> во всей истории «зарождения и возрождения» национальных письменностей СССР (за время с 1917 г.) можно назвать только два случая, когда создатель практического национального алфавита исходил из теоретической системы фонетической транскрипции универсального характера³:

¹ Сокращённо буду обозначать её через ААА (Абхазский Аналитический Алфавит).

² Я не буду останавливаться на том, что «яфетидологическая транскрипция» не является фонетической — в полном смысле этого слова — системой (в противоположность другим универсальным транскрипциям — напр. «Международному Фонетическому Алфавиту» и «Русской Лингвистической Азбуке»), а основывается, в известной мере, не на действительном физиологическом составе звуков языка, а на заведомо-ошибочных предположениях, характерных для яфетической теории <ср. (Поливанов 1928а: 177); первоначальный (вычеркнутый) вариант сноски приведён на с. 148>.

³ Каковой путь, собственно, должен считаться самым правильным с научной точки зрения приёмом языковой политики.

это — во-первых, современное якутское письмо, или так называемая «Новгородовская транскрипция», где автор (покойный С. А. Новгородов) имел в виду приложить к якутскому языку символы «Международного Фонетического Алфавита»⁴ (— конечно, путём отбора нужных для якутской звуковой системы знаков, а также с допущением некоторых технических <л. 4> упрощений и условностей); во вторых же именно данный (— новейший, принятый в 1925 <ср. с. 31, прим. 14> году) Абхазский Аналитический Алфавит⁵, выросший (или выведенный академиком Н. Я. Марром) из его «яфетидологической транскрипции».

Но кроме этой своей особенности (— в отличие от алфавитов «обывательского», если так можно сказать, а не «академического» происхождения), абхазский графический вопрос может заслуживать особенного внимания уже благодаря исключительному фонетическому богатству абхазского языка (с которым в этом отношении не может сравниться ни один из других языков), — что делает задачу составления абхазского алфавита <л. 5> не в пример другим (даже другим кавказским) письменностям — весьма сложной и трудной.

Однако перед критическим разбором ААА необходимо: 1) дать объективное описание ААА (т. е. перечень употребляемых в ААА букв) и 2) описать фонетическую систему языка — хотя бы в виде перечня различаемых в абхазском языке звукопредставлений <см. с. 82, прим. 3>. Естественнее всего начать, при этом, со второго вопроса, — т. е. с описания абхазской звуковой системы, к краткому изложению которой я сейчас и перехожу (во II главе).

Для обозначения абхазских фонем (в этом описании) я буду пользоваться, конечно, не ААА (так как нельзя определять неизвестное через неизвестное; ААА же является пока неизвестным: он будет описан в III главе), а МФА, которым я вообще всегда пользуюсь в моих лингвистических работах.

⁴ Сокращённо — МФА.

⁵ Описание и мотивировка Аналитического Алфавита дана самим Н. Я. Марром в брошюре «Абхазский Аналитический Алфавит» изд. 1926 <Марр 1926>.

<л. 6>

II

Главную трудность абхазского языка составляет его консонантизм (система согласных): в то время как в большинстве других языков количество согласных фонем колеблется от 10 или 20 до 30–40 (например, немногим больше десятка согласных фонем имеется в аинском и в полинезийских языках, в узбекском — 22, в русском — 37⁶ согласных фонем), в абхазском литературном диалекте число это доходит до 56 (не считая не-слоговых гласных *i* и *u*). Однако литературный (абжуйский) диалект ещё не представляет максимального числа различий: в бзыбском диалекте имеется уже $56 + 9 = 65$ согласных.

Гласные, наоборот, не представляют затруднений: гласных фонем в основном слое абхазского языка всего 4: две слоговых и две не-слоговых гласных фонемы.

Ясно поэтому, что в вопросе оценки алфавита для нас важны будут почти исключительно согласные.

Постараюсь изобразить согласные фонемы литературного (абжуйского) диалекта фонетической транскрипцией на основе МФА (с дополнениями, указанными профессором Л. В. Щербой в его статье «К вопросу о транскрипции» — Известия Отделения Русского Языка и Словесности Академии Наук, т. XVI, 1911 г., кн. 4). <Щерба 1911; ср. таблицу на с. 88–89>

<л. 7: таблица воспроизведена на с. 155>

<л. 8>

Знаками $p^? b p'$ (как и соответственными рядами $t^? d t'$, $c^? z c'$... $k^? g k'$ для других рядов смычных и аффрикат) обозначаю три вариации смычных (губных) по моменту гортанной <в рукописи ошибочно: губной> работы: 1) глухой смычно-гортанный или «гамзированный» ($p^?$), 2) звонкий (b), 3) глухой открыто-гортанный или придыхательный (p').

Знаками $\psi^? \psi \psi'$ обозначаю ряд губных смычных особого образования: смычка образуется не концами, а более глубокими частями губ; местом смычки являются, следовательно, те части

⁶ В моём, напр., индивидуальном произношении (с двумя проточными и двумя смычными «г»: в словах *бога*, *о боге*, *город*, *гяур*, с тремя «л» — в *лампа*, *ла*, *лёд*, но без звука *щ*).

Абхазский аналитический алфавит

<л. 7>

<Согласные абхазского языка в транскрипции на основе МФА>

	Смычные	Аффрикаты	Спиранты	Носовые	Латеральный	Дрожащий
Губные						
Губные обычного типа	$p^{\text{ʔ}}$ b p'		f v	m		
Дорсально-губные	$\psi^{\text{ʔ}}$ $\psi^{\text{ʙ}}$ ψ'		ϕ ψ			
Переднеязычные						
	$t^{\text{ʔ}}$ d t'			n	l	r
Свистящие		$c^{\text{ʔ}}$ z c'	s z			
Свистяще- лабиализованные		$c^{w\text{ʔ}}$ z^w $c^{w'}$				
Шипящие «твёрдые»		$\check{c}^{\text{ʔ}}$ $\check{z}$ $\check{c}'$	$\check{s}$ $\check{z}$			
Шипящие «мягкие»		$\check{c}'^{\text{ʔ}}$ $\check{z}'$ $\check{c}''$	$\check{s}'$ $\check{z}'$			
Не-глубокие заднеязычные						
	$k^{\text{ʔ}}$ g k'					
Палатализованные	$k'^{\text{ʔ}}$ g' k''					
Лабиализованные	$k^{w\text{ʔ}}$ g^w $k^{w'}$					
Глубокие заднеязычные						
	$q^{\text{ʔ}}$		x ʒ			
Палатализованные	$q'^{\text{ʔ}}$		x' $\text{ʒ}'$			
Лабиализованные	$q^{w\text{ʔ}}$		x^w ʒ^w			
Гортанные						
			h			
Лабиализованный			h^w			
Лабиализованный и палатализованный			$q^{\text{ʔ}}$			

губ, что и при так называемом «губном *p*» (т. е. при звуке, передаваемом по-русски через «бррр...»; глухой его вариант мы имеем в русском «тпррр...»). В этом смысле губные смычные данного ряда <л. 9> могут быть названы «дорсально-губными». Различение трёх вариаций по моменту гортанной работы (глухой смычно-гортанный^{<*>} или «гамзированный» $\psi^?$, звонкий ψ , глухой открытогортанный или придыхательный ψ') — то же, что и в других рядах смычных и аффрикат. Исторически эти «дорсально-губные» восходят, по-видимому, к лабиализованным переднеязычным ($*t^{w?}$ $*d^w$ $*t^{w'}$): ср., напр., абхазское *a-ψkən*^{<***>} «лавка <магазин>» ← персидское *دوکان* <*dūkān*>.

Латеральная фонема — типа «л» — обозначена мною знаком *l* (т. е. «л» твёрдого, как в русском *лапа*); это сделано потому, что в независимой позиции, как и в большинстве случаев вообще, этот согласный произносится в абхазском именно как «твёрдое» (вроде русского) *l*, а не как среднее западно-европейского типа *l* (напр., в русском произношении названия музыкальной ноты *la*)^{<***>}.

Символом *c* обозначается глухая свистящая аффриката — типа «ц» = *tʃ*; а символом *z* соответствующая ей звонкая — *dʒ*. Три вариации — $c^?$ *z* c' , — как и в прочих рядах смычных и аффрикат, представляют собою 1) глухое «гамзированное» (смычно-гортанное) *ɟ*, 2) звонкую аффрикату — *dʒ* и 3) придыхательное *ɟ*.

$c^{w?}$ z^w $c^{w'}$ — соответствующие лабиализованные фонемы, т. е. звуки, приблизительно выражаемые в виде «цв», «дзв», «цв^x». <л. 10>

$\check{c}$ и $\check{z}$ — символы для шипящих (глухой и звонкой) аффрикат: «ч» = $tʃ$ и «дж» = $dʒ$.

$\check{s}$ и $\check{z}$ — шипящие спиранты: «ш» и «ж». В абхазском языке, как мы видим, два ряда шипящих: «твёрдые» (апикальные) — $\check{c}^?$ $\check{z}$ $\check{c}'$ $\check{s}$ $\check{z}$ и «мягкие» (дорсальные) — $\check{c}'^?$ $\check{z}'$ $\check{c}''$ $\check{s}'$ $\check{z}'$.

* В рукописи вместо «смычно-гортанный» по ошибке написано «смычно-гортанной работы (глухой смычно-гортанный».

** В записи примера для обозначения палатализации вместо минуты (') ошибочно использован знак ААА — «зубчик». Более подробно о происхождении «дорсально-губных» (с корректным написанием того же примера также в отношении гласного: *βk'a:n*) см. (Поливанов [1937]/1968: 125); о самом термине см. с. 83 и сл. (раздел 4.1).

*** О «третьем *l*» западноевропейского типа в русском языке см. также (Поливанов 1931б: 147–149 = 1968: 232–234).

Неглубокие заднеязычные по укладу языка соответствуют турецким $\text{᠚} \text{᠛}$, а глубокие заднеязычные (смычные: $q^?$ и т. д.) — турецкому ق . Значком ' обозначается палатализация («смягчение»), следовательно, $k'^?$ звучит вроде русского *кь* (или *к* в *Кяхта*). А значком w — лабиализация (активная губная работа), поэтому $k^{w?}$ и $q^{w?}$ склонны восприниматься русским ухом как «ку».

x означает заднеязычный (притом глубокий) глухой спират — вроде рус. *х*, точнее вроде арабского или турецкого خ . А з — соответствующий звонкий (арабское или турецкое ᠆) <ср. с. 86 (раздел 4.2)>.

H — особого рода гортанный спират, типа арабского ح . H^w — то же с лабиализацией. $Q^?$ (или, что то же, $Q^{w?}$) — составной звук: типа арабского ع , но с добавлением и палатализации, и лабиализации.

III

Приведу теперь знаки ААА в точном соответствии порядку знаков (МФА) в только что рассмотренной таблице: <см. таблицу на с. 158; названия строк и столбцов, опущенные Поливановым, перенесены из его предшествующей таблицы знаков МФА>

<л. 11 содержит черновик таблицы знаков ААА, данной в конце л. 10>

<л. 12>

IV

В чём же можно видеть непоследовательность в ААА с чисто-теоретической (— пока), т. е. с фонетической точки зрения?

1) Если смотреть — в данном случае — на ААА как на фонетическую и принципиальную систему, имеющую задачей (подобно МФА) изобразить анализ каждой фонемы, а не как на практическое письмо, то неправильным будет употребление простых букв $p \ t \ k$ для $p^? \ t^? \ k^?$ <в рукописи ошибочно: $p' \ t' \ k'$ >, т. е. глухих смычных с *coup de glotte* (или с «надгортанной экспирацией» по Н. Ф. Яковлеву) <ср. Поливанов 1928а: 108>. Ведь это — простые (— «стержневые») звуки, только с кавказской и в частности с грузинской (присущей, естественно, Марру), но не с общefonетической точки зрения. Конечно, с точки зрения практической задачи постараться обойтись без лишнего значка для обозначения *coup de glotte* ($^?$ в МФА) и было бы выгоднее, но мы ведь условились рассматривать здесь ААА именно как образец фонетической транскрипции, т. е. как научную систему.

<Согласные абхазского языка, записанные ААА>

	Смычные	Аффрикаты	Спиранты	Носовые	Латеральный	Дрожащий
Губные						
Губные обычного типа	<i>p b φ</i>		<i>f v</i>	<i>m</i>		
Дорсально-губные	<i>tʰ dʰ ʋʰ</i>		<i>ɰʰ ɣʰ</i>			
Переднеязычные						
	<i>t d ʈ</i>			<i>n</i>	<i>l</i>	<i>r</i>
Свистящие		<i>t̪ d̪ ʈ̪</i>	<i>s z</i>			
Свистяще- лабиализованные		< <i>t̪ʰ d̪ʰ ʈ̪ʰ</i> >			<Строка свистяще- лабиализованных пропущена в ру- кописи>	
Шипящие «твёрдые»		<i>t̪̣ d̪̣ ʈ̪̣</i>	<i>ɬ ɮ</i>			
Шипящие «мягкие»		<i>t̪̣̥ d̪̣̥ ʈ̪̣̥</i>	<i>ɬ̣̥ ɮ̣̥</i>			
Не-глубокие заднеязычные						<Угол под <i>d</i> ориентирован неверно: по Марру, вершина должна быть обра- щена в сторону буквы — независимо от того, сверху или снизу он добавляется; см. с. 149>
	<i>k g q</i>					
Палатализованные	<i>k̟ ɡ̟ q̟</i>					
Лабиализованные	<i>kʷ ɡʷ qʷ</i>					
Глубокие заднеязычные						
	<i>k̠</i>		<i>q̠ ǰ̠</i>			
Палатализованные	<i>k̠̟</i>		<i>q̠̟ ǰ̠̟</i>			
Лабиализованные	<i>k̠ʷ</i>		<i>q̠ʷ ǰ̠ʷ</i>			
Гортанные						
			<i>h</i>			
Лабиализованный			<i>hʷ</i>			
Лабиализованный и палатализованный			<i>ɰ</i>			

<л. 13>

Приняв же — так или иначе — простые буквы $p\ t\ k$ для $p^{\circ}\ t^{\circ}\ k^{\circ}$ (МФА), мы тотчас наталкиваемся на непоследовательность в выборе букв для соответствующих им «придыхательных» (— «глухих с надгортанной экспирацией» по Н. Ф. Яковлеву): $\varphi\ \vartheta\ q$.

В первых двух рядах (губном и переднеязычном) взяты греческие буквы, а следовательно, аналогия требовала бы и в третьем ряду (для k' (МФА)) взять греч. χ («хи»)⁷.

Вместо этого мы находим здесь абсолютно необоснованную и никчёмную латинскую букву q (для k' (в МФА)), что в корне путает традиционные ассоциации, связываемые с этой буквой (думаю, что ни у одного человека, не подготовленного предварительно к этому Марровскому значению q , буква эта (q) не вызовет представле-
<л. 14>ния о придыхательном (— «глухом, с подгортанной экспирацией»), притом не-глубокозаднеязычном).

Это же простирается на все осложнения буквы q (т. е. на выражения всех не-глубоко- и глубокозаднеязычных — придыхательных: $q\ q_{\circ}\ \dot{q}\ \ddot{q}\ \check{q}$ ($= k''\ k^{w'}\ x\ x'\ x^w$ в МФА)).

2) <в рукописи ошибочно: 3> Изумляет употребление фигур $t\ d\ \vartheta$ в качестве основных частей букв $t^{\circ}\ d^{\circ}\ \vartheta^{\circ}$ ($= \psi^{\circ}\ \psi^{\flat}\ \psi'$)⁸ так как символы $t\ d\ \vartheta$ принято ассоциировать с идеей переднеязычных смычных (а, следовательно, $t^{\circ}\ d^{\circ}\ \vartheta^{\circ}$ естественно хочется расшифровать как «лабиализованные» $t\ d\ t'$). Между тем в звуках $\psi^{\circ}\ \psi^{\flat}\ \psi'$ передняя часть языка (арех) не участвует вовсе (сравни у Чочуа: Самоучитель русского, абхазского и грузинского языков, Сухум 1926 г. <Чочуа 1926; ср. с. 83, прим 7>: с. 6: по поводу d° (AAA): «произнести в губах»; с. 8: по поводу ϑ° (AAA): «произнести в слабо сжатых губах, без участия других органов рта (курсив <в данном издании — разрядка> мой. Е. П.); ibidem, по поводу t° (AAA): «произнести в сильно сжатых губах»⁹).

То же следует сказать по поводу губных спирантов (— особых вариаций) $\phi\ \psi$ (МФА), обозначаемых Марром как «лабиализованные переднеязычные»: $u\phi\ p$ (AAA).

⁷ Древнегреческое значение которого (— k' (в МФА)) столь же оправдывает употребление χ для абхазского (resp. грузинского) k' (МФА), как и φ — для p' (МФА), ϑ — для t' (МФА) <см. с. 28–29>.

⁸ <текст сноски отсутствует>

⁹ <текст сноски отсутствует>

3) Чёрточка _ под буквой в $\underline{t} \underline{d} \underline{\vartheta}$ <здесь и ниже вместо $\underline{d}$, $\underline{d}$ должно быть $\underline{d}$, $\underline{d}$, см. с. 149> употреблена Н. Я. Марром очевидно в результате неправильной трактовки $\check{c}^? \check{z} \check{c}'$ — в отличие от $\check{c}'^? \check{z}' \check{c}''$ (где, по наблюдениям Н. Ф. Яковлева и моему (над произношением т. т. Кобахия и Богапша <см. с. 81, прим. 1>) отличие этих последних, т. е. $\check{c}'^? \check{z}' \check{c}''$ (= $\underline{t} \underline{d} \underline{\vartheta}$ в ААА) от $\check{c}^? \check{z} \check{c}'$ (= $\underline{t} \underline{d} \underline{\vartheta}$ в ААА) — не в моменте <л. 16> интенсивности (— геминации, которую Н. Я. Марр и уславливается¹⁰ обозначать подстрочной чёрточкой _), а в том, что мы условно привыкли называть «мягкостью» согласного (или «палатальностью, дорсальностью», «среднеязычностью»¹¹))^{<*>}.

4) Наиболее существенным недостатком ААА (и Яфетидологической транскрипции вообще) является употребление надстрочной точки $\cdot$ в $\dot{k} \dot{q}$ (— для глубоко-заднеязычных $q^? x$ (МФА)). Ведь по трактовке Марра $\cdot$ над буквой (как, напр., в $\dot{i} \dot{\vartheta} = c^? c'$) означает определённый сорт аффрикат (— в ряду переднеязычных, — свистящие аффрикаты). <л. 17> Но что же общего с аффрикатами¹² в $\dot{k} \dot{q}$ (ААА) = $q^? x$ (МФА)? Очевидно, Марр совершенно упускает разницу между k и $\dot{k}$ (ААА), т. е. между $k^?$ и $q^?$ (МФА) по месту образования (в первом случае — не-глубокий, во втором — глубокий заднеязычный ряд), заменяя её метафизическим (— для данного случая) понятием аффрикатности.

Если на этот счёт есть какие-нибудь мотивы историкофонетического характера (напр., корреспонденции типа: $x^{<*>} \parallel ts$ (МФА) = $\dot{q} \parallel \dot{i}$ (ААА) между двумя языками¹³), то в фоне-

¹⁰ <текст сноски отсутствует; см. Марр 1926б: 42–43>

¹¹ <текст сноски отсутствует>

* Далее, после точки с запятой карандашом вычеркнуто: «таким образом, $\underline{t} \underline{d} \underline{\vartheta}$ (= $\check{c}^? \check{z} \check{c}'$ в МФА) противопоставляются звукам $\underline{t} \underline{d} \underline{\vartheta}$ »; вместо последних символов должны быть их «мягкие» соответствия (без чёрточки) $\underline{t} \underline{d} \underline{\vartheta}$ (= $\check{c}'^? \check{z}' \check{c}''$ в МФА).

¹² <текст сноски отсутствует; в рукописи, по-видимому, произошёл сбой в ссылках: к этому месту, обозначенному одной звёздочкой, комментария об аффрикатах нет, а имеющееся подстрочное примечание относится к месту, обозначенному двумя звёздочками, — см. следующую авторскую сноску.>

** Здесь и в конце следующего абзаца над символом x Поливановым вычеркнут символ y (ср. аналогичную правку на л. 20 — наш комментарий на следующей странице; обсуждение см. с. 86).

¹³ Напр., между грузинским и семитическими (в виде груз. $ts \parallel$ семитич. $\check{x}$) — см. «Предварительное сообщение о родстве...» (перепечатано

тической транскрипции, строимой <л. 18> на анализе фонетических артикуляций, а не из этимологических соображений, им нет места.

И, наконец, как допустить употребление одного и того же диакритического знака — $\cdot$ над буквой и в $\dot{k}$ (ААА) = $q^?$ (МФА), т. е. в смычном, и в $\dot{q}$ (ААА) = x (МФА), т. е. в спиранте?

Тут уже нанизывается одна путаница на другую, и в результате читателю, подходящему к ААА с лингвистическими (фонетическими) запросами, буквально ничего нельзя уяснить себе ни из этой транскрипции, ни из сообщённых Марром объяснений (ор. cit.) <Марр 1926б: 43> — относительно характера звуков, изображённых в виде $\dot{k} \dot{q}$ (ААА).

Сказанное распространяется, конечно, и на регулярные осложнения этих символов: $\dot{k} \dot{q} \dot{k}_o \dot{q}_o$. <л. 19>

5) Подобная же непоследовательность в употреблении $\checkmark$ в составе $\check{z}$ — для звонкого глубоко-заднеязычного спиранта ($\check{z}^{<*>}$ в МФА = арабско-турецкое $\check{z}^{<***>}$).

Этот значок ($\checkmark$) опять-таки в ряду переднеязычных обозначает звонкую аффрикату (и — благодаря надстрочности именно свистящую, т. е. $\check{dz} = z$ (dz) в МФА). Но где же аффрикатность в $\check{z}$ ($\check{z}$)?

Перейдём теперь к другой точке зрения — практической. Насколько хорош ААА в смысле удобств графического и полиграфического использования.

Тут тоже можно найти минусы, и, как показывают современные голоса абхазского учительства, — минусы весьма вредного характера ^{<****>}.

Ограничусь сначала двумя частными пунктами:

1) Если употребление точек $\cdot$ и $\cdot$ в ряду переднеязычных (для звуков типа $\check{z}$ и $\check{c}$) и может быть оправдано теоретически, как своеобразный аналитический приём, то технически — это приём

в сборнике «По этапам развития яфетической теории» Н. Я. Марра) <см. (Марр 1908: 2 = 1926ж: 10); ср. (Франк-Каменецкий 1937: 172)>.

* Здесь и в конце следующего абзаца Поливанов вычеркнул символ $\check{z}$, заменив его на $\check{z}$ (ср. аналогичную правку на л. 17 — наш комментарий на предыдущей странице; обсуждение см. с. 86).

** Арабская буква вписана Поливановым позже, см. о почерках на с. 147.

*** Исправлено вместо вычеркнутого текста: «минусы уже ими ощутимые»; см. комментарий на с. 148.

убийствен-**<л. 20>**ный (комментарии, думаю, излишни: зачем в практическом письме запутывать так дело, когда можно для звуков данных типов найти особые буквы?)

2) Если теоретически перечёркивание буквы *h*, в *ħ* (= *H* в МФА = арабское *ح*) и правильно, то практически эта чёрточка совсем излишняя, покуда в абхазском языке не нашлось другого — простого *h* (арабское *ه*). И если, как я говорил выше, возможно и даже хорошо — из практических соображений — не употреблять диакритического знака в *p t k* (ААА) = *pʳ tʳ kʳ* (МФА), то тут (в букве *ħ*) мы сталкиваемся как раз с обратным: с ненужной для практического письма научностью. Ещё более бросается в глаза это нежелание считаться с интересами школы и практики в том, что в ААА вводится замечательная по своей трудности буква *ʷ* (для *Qʷ* (в МФА)) — в то время как простая буква *w* остаётся неиспользованной. Можно подумать, что Н. Я. Марр сознательно ставил в число своих задач не простоту, а наоборот — сложность букв своего алфавита. **<л. 21>**

Наконец, укажу на главный недостаток ААА-та, как предназначенного для практической роли письма: одна и та же основная фигура (напр. *t, d, ʈ, k, g, q*) входит в начертание весьма солидного числа букв. Таким образом, фигура «*t*» (или «*T*») повторяется в составе алфавита 6 раз: *t tʰ t̥ t̥̣ t̥̣̣ t̥̣̣̣*. Равным образом по 6 раз повторяются и фигуры «*d*» («*D*»), «*ʈ*» («*ʈ*»), «*k*» («*K*»), «*g*» («*G*»), «*q*» («*Q*»). Различие же между шестью буквами, содержащими одну и ту же фигуру (напр., между буквами *ʈ ʈʰ ʈ̥ ʈ̥̣ ʈ̥̣̣ ʈ̥̣̣̣* или между *q q q̣ q̣̣ q̣̣̣ q̣̣̣̣*) зиждется на диакритических значках, в большинстве случаев на точке (над или под буквой). Отсюда и вытекает и основное неудобство алфавита. Во-первых, эти точки чрезвычайно затрудняют пишущего и читающего — приходится беспрерывно отрывать перо от строки; во-вторых, точка над буквой **<л. 22>** и под буквой весьма легко могут быть восприняты как относящиеся не к той строке: таким образом, вместо *t̥̣̣̣* легко может быть прочитано *t* и т. п. (и такие случаи сплошь и рядом бывают, как мне сообщил т. Богапш). И, в-третьих, — и это самое главное — эта система точек (и других значков, особенно *˘* и *˙*, *˚* и *˛* **<см. с. 149>**) запоминается с большим трудом и требует колоссальных усилий как со стороны учащегося, так и со стороны преподавателя. Достаточно указать, что кружок абхазского

языка в Секции Родных Языков при Сталинском Коммунистическом Университете весь учебный год занят был прохождением ААА-та, и в результате студенты так и не усвоили его в нужной степени: после двухнедельной паузы в занятиях родным языком распределение точек оказы- <л. 23>вается снова позабытым и приходится повторять алфавит <ср. с. 31, прим. 15>.

Конечно, в защиту этой системы точек можно было бы сказать то, что они выражают подлинный физиологический состав соответствующих фонем. Но этого-то и нет — ибо ввиду вышеуказанных теоретических недоразумений (· в *i* и в *k q* в связи с мнимыми «заднеязычными аффрикатами», и т. д. и т. д.) анализ оказывается в корне ошибочным, и таким образом ААА теряет своё значение Аналитического Алфавита. Этим отнимается всякая *raison d'être* системы точек: их, стало быть, приходится запоминать уже не сознательно — не исходя из в каждый момент доступного анализа своего собственного произношения, — а механически. Например, буквы *i k q* (для «ц», глубокого «к» и «х») приходится брать на память без всякой взаимной связи между данными буквами (тогда как, исходя из понятия аналитического алфавита, эту связь и должна была знаменовать точка над каждой из этих 3 букв). И тут для всякого будет понятным, что было бы гораздо выгоднее обойтись (для данных <л. 24> 3 звуков) без точек, взяв, например, три совершенно различных буквы; хотя бы *c q x*.

Итак, ААА не выдерживает ни тех требований, какие могут быть предъявлены к теоретической системе фонетической транскрипции, ни, тем более — тех, которые школа и жизнь предъявляют к практическому письму.

Какой же вывод?

А вывод тот, что чем скорее будет ликвидирован этот опыт с ААА в Абхазии, тем лучше и для Абхазии, сделавшейся объектом данного яфетидологического эксперимента, и для других народностей, стоящих перед реформой своей письменности: ликвидация абхазского прецедента даст им возможность избежать опасных рецептов «яфетидологической транскрипции».

Е. Поливанов

Заключение

Абхазский аналитический алфавит (ААА) занимает особое место как в истории советского кавказоведения вообще и абхазского языка в частности, так и в развитии лингвистической теории Н. Я. Марра. Первоначально созданный учёным как научная транскрипционная система для передачи древнегрузинского и древнеармянского языков, этот алфавит благодаря интересу академика к абхазскому языку постепенно превратился в универсальный инструмент описания яфетических (кавказских) языков и одновременно — в одну из методологических основ яфетической теории. Позднее он стал неотъемлемой частью «нового учения о языке», а его практическое применение в ходе реформы абхазской письменности связало историю данной графической системы с советской политикой языкового строительства бурного периода латинизации.

Несмотря на сравнительно непродолжительное использование ААА в качестве официального алфавита абхазского языка, его значение далеко не исчерпывается этим эпизодом. По замыслу своего создателя, эта система представляла собой опыт построения универсальной научной транскрипции, призванной установить системное соответствие между звуковой структурой языка и её графическим выражением. Сколь неубедительными и необоснованными ни представлялись бы сегодня положения лингвистической теории Н. Я. Марра, сама попытка создания подобной как теоретической, так и практической транскрипционной модели остаётся важным явлением в истории кавказоведения и советской лингвистической науки.

ААА нельзя рассматривать лишь как неудачный эксперимент советского языкового строительства или как несуразное порождение марровского учения. Его возникновение и развитие отражают сложное взаимодействие между яфетической теорией, первоначально строившейся на твёрдых основах сравнительно-исторического языкознания, своеобразным пониманием Марром

фонетической структуры кавказских языков и его представлениями о научной графической системе. Именно в этом более широком интеллектуальном и историческом контексте ААА представляет интерес не только для истории абхазской письменности, но и для исследования ряда проблем, связанных с развитием советской и мировой лингвистики первой половины XX века.

В отличие от большинства существующих работ, которые описывают ААА преимущественно в его окончательной, официально утверждённой форме, историко-лингвистические очерки, открывающие настоящую коллективную монографию, рассматривают ААА в динамике его развития на различных этапах научной деятельности Н. Я. Марра — от первых опытов транскрипции древнегрузинских и древнеармянских текстов до попытки создания универсальной научной графики, предназначенной для передачи богатого консонантизма кавказских языков. Тем самым становится очевидным, что развитие аналитической системы, т. е. её распространение на всё большее число яфетических (кавказских) языков и обусловленное этим расширение состава графических средств, прежде всего за счёт введения новых диакритических знаков, отражало существенные изменения в лингвистических взглядах её создателя. По мере превращения яфетического языкознания в общее учение о происхождении и стадийном развитии человеческой речи в связи с мышлением ААА приобрёл значение графического средства воплощения в жизнь идеи единого языка человечества.

Монография включает публикацию двух взаимосвязанных лингвистических памятников. Факсимильное воспроизведение работы Н. Я. Марра «Абхазский аналитический алфавит (к вопросу о реформах письма)» (Ленинград, 1926) приурочено к столетию выхода в свет этого наиболее полного авторского изложения принципов аналитической транскрипции в применении к абхазскому языку. Издание рукописи Е. Д. Поливанова «Абхазский аналитический алфавит (Опыт критического анализа)» знакомит читателя с мнением одного из крупнейших советских языковедов первой половины XX века, который, не разделяя исходных теоретических предпосылок Марра, подверг ААА обстоятельному фонетическому и фонологическому разбору. Таким образом, открывается возможность непосредственного сопоставления двух

принципиально различных подходов к проблемам транскрипции и реформы письменности.

Материалы настоящей книги проясняют место ААА в интеллектуальной биографии Н. Я. Марра. Эта система оказывается не случайным техническим приложением к его лингвистическим исследованиям, а одним из важнейших инструментов, посредством которого Марр систематизировал и осмыслял свои представления о фонетической структуре яфетических (кавказских) языков, одновременно связывая их с перспективой создания универсальной письменности на научной основе. В то же время критика Е. Д. Поливанова, возникшая на фоне оживлённых дискуссий о теории и практике построения алфавитов, представляла собой единственную серьёзную попытку лингвистического анализа системы ААА, сложной как в графическом, так и в теоретическом отношении.

Разумеется, наши совместные усилия не претендуют на исчерпывающее решение всех вопросов, связанных с происхождением, развитием и практическим функционированием ААА; многие аспекты этой темы ещё требуют специального изучения. Вместе с тем представленные в книге исследования и публикуемые тексты существенно расширяют источниковедческую базу и позволяют по-новому поставить ряд вопросов, касающихся аналитической транскрипции Н. Я. Марра и его научного наследия в целом, раскрывают роль Е. Д. Поливанова в спорах вокруг этой графической системы и его вклад в абхазское языкознание. Тем самым ААА предстаёт не только как кратковременный и потерпевший неудачу эксперимент создания письменности и своеобразный памятник эпохи господства учения Марра, но и как самостоятельный объект историко-лингвистического исследования, имеющий важное значение для истории абхазоведения и языкового строительства XX века.

Литература

- Абаев 1935 — В. И. Абаев. Николай Яковлевич Марр (1864–1934) // Вестник Академии наук СССР. 1935. № 1. С. 7–18.
- Абаев 1960 — В. И. Абаев. Н. Я. Марр (1864–1934). К 25-летию со дня смерти // Вопросы языкознания. 1960. № 1. С. 90–99 [= Абаев 2006: 87–98].
- Абаев 2006 — В. И. Абаев. Статьи по теории и истории языкознания. Москва, 2006.
- АБС 2015 — Абхазский биографический словарь / под ред. В. Ш. Авидзба. Москва; Сухум, 2015.
- Авидзба 2015 — В. Ш. Авидзба. Хашба Мушни Лаврентьевич // АБС 2015: 695–696.
- Алавердов 1931 — К. А. Алавердов. Практика яфетидологов и современность // Революция и язык. 1931. № 1. С. 50–55.
- Алиева 2019 — А. И. Алиева. Кавказоведческое наследие Н. С. Трубецкого // Традиционная культура. 2019. Т. 20, № 1. С. 127–139.
- Алпатов 1988 — В. М. Алпатов. Изучение японского языка в России и СССР. Москва, 1988.
- Алпатов 1989 — В. М. Алпатов. К истории советского языкознания: Марр и Сталин // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 185–188.
- Алпатов 1991 — В. М. Алпатов. [Рец. на кн.]: René L’Hermitte. Marr, marrisme, marristes. Une page de l’histoire de la linguistique soviétique. Paris, 1987 // Вопросы языкознания. 1991. № 1. С. 153–155.
- Алпатов 2002 — В. М. Алпатов. Послесловие ко второму изданию // Марр 2002: 475–478.
- Алпатов 2003 — В. М. Алпатов. Николай Феофанович Яковлев // Отечественные лингвисты XX века. Ч. 3: Т–Я / отв. ред. Ф. М. Березин. Москва, 2003. С. 149–157. [Переиздание: Алпатов 2016].
- Алпатов 2004 — В. М. Алпатов. История одного мифа: Марр и марризм. 2-е изд., доп. Москва, 2004. [1-е изд. (без дополнений, с. 240–283): Москва, 1991].
- Алпатов 2005 — В. М. Алпатов. Споры о Марре. Три четверти века спустя // Седьмые Поливановские чтения / отв. ред. И. А. Королёва. Ч. I. Смоленск, 2005. С. 4–10.
- Алпатов 2006 — В. М. Алпатов. Предисловие // Абаев 2006: 5–15.
- Алпатов 2009 — В. М. Алпатов. Розалия Осиповна Шор // Вопросы языкознания. 2009. № 5. С. 114–131.

- Алпатов 2012 — В. М. Алпатов. Языковеды, востоковеды, историки. Москва, 2012.
- Алпатов 2016 — В. М. Алпатов. Николай Феофанович Яковлев // Отечественные лингвисты XX века / отв. ред. В. В. Потапов. Москва, 2016. С. 773–779. [1-е изд.: Алпатов 2003].
- Андреев 1929 — А. П. Андреев. Революция языкознания. Яфетическая теория академика Н. Я. Марра. Москва, 1929.
- Андронов 2025 — А. В. Андронов. Аллофонема Ю. С. Маслова, тройкий аспект языковых явлений Л. В. Щербы и структура науки о звуковой стороне языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2025. Т. 22, вып. 4. С. 729–743.
- Андронов, Симонато, Томеллери 2017 — А. В. Андронов, Е. И. Симонато, В. С. Томеллери. Евгений Дмитриевич Поливанов, «Абхазский аналитический алфавит»: издание текста с переводом на английский язык // *Studi Slavistici*. 2017. 14. Р. 191–252.
- Аптекарь 1929 — В. Б. Аптекарь. Шаг назад (Отзыв о книге: И. И. Мещанинов. Введение в яфетидологию. Ленинград, 1929) // Новый Восток. 1929. № 26–27. С. 261–269.
- Аптекарь 1930 — В. Б. Аптекарь. От яфетидологии к марксистской лингвистике. К характеристике седьмого этапа в развитии яфетической теории Н. Я. Марра // Институт этнических и национальных культур народов Востока. Учёные записки. 1930. Т. 1. С. 87–114.
- Аптекарь 1934 — В. Б. Аптекарь. Н. Я. Марр и новое учение о языке. Москва, 1934.
- Аптекарь 1936 — В. Б. Аптекарь. Памяти Н. Я. Марра (1865–1934) // Язык и история. Сб. 1 / отв. ред. Ф. В. Кипарисов. Ленинград, 1936. С. 12–16.
- Ахвледиани 1940 — Г. С. Ахвледиани. Звуковые возможности кавказских языков. I. Принципы классификации согласных абхазского языка // სსრკ მეცნიერებათა აკადემიის საქართველოს ფილიალის მოამბე = Сообщения Грузинского филиала Академии наук СССР. 1940. Т. 1, № 1. С. 87–92.
- Ахвледиани 1951 — Г. С. Ахвледиани. Две системы гармонических смычных в грузинском языке // Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880–1944). Ленинград, 1951. С. 113–116.
- Башинджагян 1936 — Л. Г. Башинджагян. Предисловие к второму тому // М II: V–XVIII.
- Бгажба 1958 — Х. С. Бгажба. Абхазский институт к 40-летию Октября // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. 1958. 29. С. 3–6.
- Бгажба 1961 — Х. С. Бгажба. К истории Абхазского института // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. 1961. 32. С. 197–201.
- Бгажба 1964 — Х. С. Бгажба. Бзыбский диалект абхазского языка (Исследование и тексты). Тбилиси, 1964. [3-е изд., перераб. Сухум, 2006].

- Бгажба 1967 — Х. С. Бгажба. Из истории письменности в Абхазии. Тбилиси, 1967.
- Бигуаа 2015а — В. А. Бигуаа. Гулиа Дмитрий Иосифович // АБС 2015: 255–257.
- Бигуаа 2015б — В. А. Бигуаа. Чанба Самсон Яковлевич // АБС 2015: 739–740.
- Бодуэн де Куртенэ 1895/1963 — И. А. Бодуэн де Куртенэ. Опыт теории фонетических альтернатив. Глава из психофонетики // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. Москва, 1963. С. 265–347. [Русский перевод с немецкого: J. Baudouin de Courtenay. Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen. Ein Kapitel aus der Psychophonetik. Strassburg, 1895].
- Бондарь 2024 — Л. Д. Бондарь. Личный фонд академика Н. Я. Марра в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: история формирования и особенности научно-справочного аппарата фонда // Архивный поиск: сборник научных статей и публикаций. 2024. Т. 7. С. 511–538.
- Борковский 1936 — В. И. Борковский. К вопросу о применении аналитического письма для научной записи русских текстов // Язык и мышление. 6–7 / ред. И. И. Мещанинов. Москва; Ленинград, 1936. С. 281–286.
- Булыгина 1999 — Т. А. Булыгина. Советская идеология и общественные науки. Москва, 1999.
- Бюллетень 1924 — Бюллетень Распорядительного комитета Первого съезда деятелей краеведения Черноморского побережья и Западного Кавказа / Абхазское научное общество. № 2: Отчёты и резолюции Съезда. Сухум, 1924. [На обложке ошибочно указан № 3].
- Васильков 2001 — Я. В. Васильков. Трагедия академика Марра // Христианский Восток. Новая серия. 2001. Т. 2 (8). С. 390–421.
- Волкова, Сергеева 1999 — Н. Г. Волкова, Г. А. Сергеева. Трагические страницы кавказоведения: А. Н. Генко // Репрессированные этнографы. Вып. 1 / сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. Москва, 1999. С. 101–133.
- ВЦКНТА I — Стенографический отчёт Первого пленума Всесоюзного Центрального Комитета нового тюркского алфавита, заседавшего в Баку с 3 по 7 июня 1927 года. Москва, 1927.
- ВЦКНТА II — Стенографический отчёт Второго пленума Всесоюзного Центрального Комитета нового тюркского алфавита, заседавшего в Ташкенте от 7 по 12 января 1928 года. Баку, 1929.
- ВЦКНТА III — Стенографический отчёт Третьего пленума Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита, заседавшего в Казани от 18-го по 23-е декабря 1928 г. Москва, 1929.
- Габуниа 2011 — З. М. Габуниа. Русская лингвистическая наука в становлении и развитии кавказского языкознания (на материале западнокавказских языков). Владикавказ, 2011.

- Габуниа, Гусман Тирадо 2007 — З. М. Габуниа, Р. Гусман Тирадо. История русского языкознания XX века. Нальчик, 2007.
- Гаспаров 1987 — Б. Гаспаров. [Рец. на кн.:] G. Bruche-Schulz. Russische Sprachwissenschaft. Wissenschaft im historisch-politischen Prozess des vorsowjetischen und sowjetischen Rußland. Tübingen, 1984 (Linguistische Arbeiten, 151) // Russian Linguistics. 1987. Vol. 11, № 1. P. 43–49.
- Генко 1928 — А. Н. Генко. Абхазский вокализм // Известия Академии наук СССР, серия VII: Отделение гуманитарных наук. 1928. № 1. С. 45–54.
- Генко 1998 — Ацсуа-аурыстэ жэарэ = Абхазско-русский словарь / сост. А. Н. Генко; подгот. к печати, предисл. и коммент. Т. Х. Халбад. Сухум, 1998.
- Голубева 2002 — О. Д. Голубева. Н. Я. Марр. Санкт-Петербург, 2002. [Более ранняя версия: О. Д. Голубева. Н. Я. Марр и Публичная библиотека. Тбилиси, 1986].
- Гранде 1936 — Б. М. Гранде. Аналитический алфавит Н. Я. Марра и проблема научной транскрипции для нового алфавита // Всесоюзный центральный комитет нового алфавита Н. Я. Марру. Москва, 1936. С. 41–65.
- Гречко 2010 — В. Гречко. Между утопией и ‘Realpolitik’: Марр, Сталин и вопрос о всемирном языке // Russian Linguistics. 2010. Vol. 34, № 2. P. 159–172.
- Гулиа 1965 — Г. Д. Гулиа. Повесть о моём отце. 2-е изд., доп. и испр. Москва, 1965. (Жизнь замечательных людей, серия биографий, вып. 27 (352)). [1-е изд.: Москва, 1962].
- Делба 1951 — М. Делба. К вопросу изучения языка и истории абхазов. Сухуми, 1951.
- Дискуссия 2020 — Дискуссия по вопросам языкознания 1950 года: 70 лет спустя / сост. и ред. Е. Вельмезова. Lausanne; Москва, 2020. (Epistemologica et historiographica linguistica Lausannensia; 2).
- Зуев 2005 — К. В. Зуев. Идеологизация языка в политических, авангардистских и научных текстах начала XX века: дисс. ... канд. филол. наук / Ставропольский государственный университет. Ставрополь, 2005.
- Иванов 1957 — Вяч. Вс. Иванов. Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова // Вопросы языкознания. 1957. № 3. С. 55–76.
- Иннарвос 1930 — Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока // Институт этнических и национальных культур народов Востока. Учёные записки. Москва, 1930. Т. 2. С. 233–263.
- Ионов 1917 — Saqalw: suruk bicik (Якутский букварь) / составлен В. М. Ионовым, изменён и дополнен С. А. Новгородовым при ближайшем участии Н. Афанасьева. Якутск, 1917.

Литература

- Исаева 2011 — Л. М. Исаева. Из истории письменности на Кавказе: языковая политика СССР 1920–1930 гг. // *აზიის* [Амирани]. 2011. 23. С. 147–185.
- Исаченко 1978 — А. В. Исаченко. *Март-Redivivus?* // *Russian Linguistics*. 1978. Vol. 4, № 1. P. 83–87.
- Каганович 2011 — Б. Каганович. Андре Жид и Фёдор Розенберг. История дружбы // *Вопросы литературы*. 2011. № 4. С. 423–479.
- Кацнельсон 1958 — С. Д. Кацнельсон. К фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой системы // *Вопросы языкознания*. 1958. № 3. С. 46–59.
- Кипарисов 1935 — Ф. В. Кипарисов. Памяти великого советского учёного // *Проблемы истории докапиталистических обществ*. 1935. № 3–4. С. 7–11.
- Климов 1962 — Г. А. Климов. О проекте единой фонетической транскрипции для кавказских языков. Москва; Ленинград, 1962.
- Климов 1965 — Г. А. Климов. Кавказские языки. Москва, 1965.
- Климов 1981 — Г. А. Климов. Типологические исследования в СССР: 20–40-е годы. Москва, 1981.
- Клычев, Чкадуа 2001 — Р. Н. Клычев, Л. П. Чкадуа. Абхазский язык // *Языки мира. Кавказские языки* / отв. ред. М. Е. Алексеев. Москва, 2001. С. 113–131.
- Кононов, Иориш 1977 — А. Н. Кононов, И. И. Иориш. Ленинградский восточный институт. Страница истории советского востоковедения. Москва, 1977.
- Концевич 1991a — Л. Р. Концевич. Послесловие (От составителя) // *Поливанов 1991*: 589–621.
- Концевич 1991б — Л. Р. Концевич. Примечания к «Введению в языкознание для востоковедных вузов» // *Поливанов 1991*: 282–294.
- Коркина, Дмитриев 1977 — Е. И. Коркина, С. К. Дмитриев. Первый якутский лингвист // С. А. Новгородов. Первые шаги якутской письменности: статьи и письма. Москва, 1977. С. 5–17.
- Коркина, Макаров 1991 — Е. И. Коркина, Г. Г. Макаров. Семён Андреевич Новгородов // С. А. Новгородов. Во имя просвещения родного народа: сочинения, переписка, материалы. Якутск, 1991. С. 5–16.
- Кукба, Хашба 1928 — Русско-абхазский обратный словарь (по «Абхазско-русскому словарю» Н. Марра, с указателем к нему) / сост. В. Кукба, А. Хашба; под ред. К. Дондуа. Ленинград, 1928.
- Кумахов 1984 — М. А. Кумахов. Очерки общего и кавказского языкознания. Нальчик, 1984.
- Куправа 2015 — А. Э. Куправа. Чочуа Андрей Максимович // *АБС 2015*: 772–773.
- Лакоба, Дбар 2021 — АБНО и его разгром (1922–1931 гг.) / сост. С. З. Лакоба, А. Я. Дбар. Сухум, 2021.

Литература

- Ларцев 1988 — В. Г. Ларцев. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. Москва, 1988.
- Леонтьев 1968 — А. А. Леонтьев. Список работ Е. Д. Поливанова // Поливанов 1968: 31–45.
- Леонтьев, Ройзензон, Хаютин 1968 — А. А. Леонтьев, Л. И. Ройзензон, А. Д. Хаютин. Жизнь и деятельность Е. Д. Поливанова // Поливанов 1968: 7–30.
- Ломтатидзе 1967 — К. В. Ломтатидзе. Абхазский язык // Языки народов СССР. Т. 4: Иберийско-кавказские языки / отв. ред. Е. А. Бокарев, К. В. Ломтатидзе. Москва, 1967. С. 101–122.
- Майсак 2020 — Т. А. Майсак. «Генеалогическое древо» Института языкознания: история и предыстория формирования Института. 2020. // <https://iling-ran.ru/web/ru/history/tree>.
- М I — Н. Я. Марр. Этапы развития яфетической теории (Избранные работы. Т. 1). Ленинград, 1933.
- М II — Н. Я. Марр. Основные вопросы языкознания (Избранные работы. Т. 2). [Ленинград], 1936.
- М III — Н. Я. Марр. Язык и общество (Избранные работы. Т. 3). Москва; Ленинград, 1934.
- М IV — Н. Я. Марр. Основные вопросы истории языка (Избранные работы. Т. 4). [Ленинград], 1937.
- М V — Н. Я. Марр. Этно- и глоттогония Восточной Европы (Избранные работы. Т. 5). Москва; Ленинград, 1935.
- Марр 1899 — Н. Я. Марр. Сборники притч Вардана. Материалы для истории средневековой армянской литературы. Ч. I: Исследование. Санкт-Петербург, 1899.
- Марр 1902 — Н. Я. Марр. Об единстве задач армяно-грузинской филологии. Тифлис, 1902 [= Марр 1995: 24–38].
- Марр 1903 — Н. Я. Марр. Грамматика древнеармянского языка. Этимология. Санкт-Петербург, 1903. (Издания факультета восточных языков Императорского С.-Петербургского университета; 11).
- Марр 1908 — Н. Я. Марр. Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими. Санкт-Петербург, 1908. [Предисловие «Предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими» перепечатано в (Марр 1926ж: 8–30 = М I: 23–38)].
- Марр 1910 — Н. Я. Марр. Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарём. Санкт-Петербург, 1910.
- Марр 1912 — Н. Я. Марр. К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. Санкт-Петербург, 1912. (Материалы по яфетическому языкознанию; 5). [= Марр 1938: 1–33].
- Марр 1913 — Н. Я. Марр. Из лингвистической поездки в Абхазию (К этнологическим вопросам) // Известия Императорской академии наук. 6-я серия. 1913. 7, № 6. С. 303–334 [= Марр 1938: 53–86].

- Марр 1915а — Н. Я. Марр. Кавказский культурный мир и Армения // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1915. Ч. 57. Июнь. С. 280–330 [= Марр 1995: 53–103].
- Марр 1915б — Н. Я. Марр. Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания (предварительное сообщение) // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. 1913–1914. 1915. Т. 22. С. 31–107. [Только предисловие, с. 31–42 = М I: 50–58].
- Марр 1916 — Н. Я. Марр. Кавказоведение и абхазский язык. Петроград, 1916 // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1916. Ч. 63, № 5, отд. 4. С. 1–27 [= М I: 59–78 = Марр 1938: 125–149].
- Марр 1918а — Н. Я. Марр. О записывании абхазских текстов. [Петроград], 1918. (Пособия для работ по яфетическому языкознанию; 1). [= Марр 1938: 150–164].
- Марр 1918б — Н. Я. Марр. О Кавказском университете в Тифлисе // Азиатский сборник. Из Известий Российской академии наук. Новая серия. Петроград, 1918. С. 1496–1516. [Факсимильное воспроизведение в ფუჭვარბი, ჯამჯობი [Путкарадзе, Вашакидзе] 2011: 34–54].
- Марр 1922 — Н. Я. Марр. К изучению современного грузинского языка. Петроград, 1922.
- Марр 1925а — Н. Я. Марр. Грамматика древнелитературного грузинского языка. Ленинград, 1925. (Материалы по яфетическому языкознанию; 12).
- Марр 1925в — Н. Я. Марр. Письмо и язык будущего (Об одной из грядущих задач Всесоюзной Академии Наук) // Вестник знания. 1925. № 15. С. 1011–1016.
- Марр 1926а — Н. Я. Марр. Абхазоведение и абхазы (К вопросу о происхождении абхазов и этногонии восточной Европы) // Восточный сборник. Ленинград, 1926. Вып. 1. С. 123–166. (Государственная публичная библиотека в Ленинграде, серия V: Orientalia). [= М V: 162–186 = Марр 1938: 225–255].
- Марр 1926б — Н. Я. Марр. Абхазский аналитический алфавит (к вопросу о реформах письма). Ленинград, 1926. (ЦИК СССР, Ленинградский институт живых восточных языков имени А. С. Енукидзе; 12. Труды яфетического семинария; 1). [= М II: 321–351 = Марр 1938: 256–293].
- Марр 1926в — Н. Я. Марр. Абхазско-русский словарь. Пособие к лекциям и в исследовательской работе. Ленинград, 1926.
- Марр 1926г — Н. Я. Марр. Материалы к унификации библиотечной транскрипции письмен восточных народов // Восточный сборник. Ленинград, 1926. Вып. 1. С. 193–200. (Государственная публичная библиотека в Ленинграде, серия V: Orientalia).
- Марр 1926д — Н. Я. Марр. О происхождении языка // Марр 1926ж: 286–335 [= М II: 179–209].

Литература

- Марр 1926е — Н. Я. Марр. Пособие для изучения живого грузинского языка. Вып. I. Ленинград, 1926. (ЦИК СССР, Ленинградский институт живых восточных языков имени А. С. Енукидзе; 8. Труды яфетического семинария; 2).
- Марр 1926ж — Н. Я. Марр. По этапам развития яфетической теории. Москва; Ленинград, 1926. (НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР; 8).
- Марр 1926з — Н. Я. Марр. Предисловие // Восточный сборник. Ленинград, 1926. Вып. 1. С. I–XVI. (Государственная публичная библиотека в Ленинграде, серия V: Orientalia).
- Марр 1926и — Н. Я. Марр. Чуваши-яфетиды на Волге. Чебоксары, 1926 [= М V: 323–372].
- Марр 1927а — Н. Я. Марр. Происхождение терминов 'книга' и 'письмо' в освещении яфетической теории // Книга о книге / Научно-исследовательский институт книговедения при Государственной публичной библиотеке. Ленинград, 1927. С. 45–82 [= М III: 219–245].
- Марр 1927б — Н. Я. Марр. Мировой учёный из грузинской сакли. Автобиография академика Н. Я. Марра, написанная специально для «Огонька» // Огонёк. 1927. № 27 (223). С. [5–7] [= М I: 6–13].
- Марр 1927в — Н. Я. Марр. Яфетическая теория. Программа общего курса учения об языке. Баку, 1927 [= М II: 23–126].
- Марр 1928 — Н. Я. Марр. Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык. Ленинград, 1928. (ЦИК СССР, Ленинградский восточный институт имени А. С. Енукидзе; 28). [= М IV: 53–84 = Марр 1938: 347–386].
- Марр 1929а — Н. Я. Марр. Абхазский язык // Литературная энциклопедия. Т. 1. Москва, 1929. Стлб. 18–23 [= Марр 1938: 394–399].
- Марр 1929б — Н. Я. Марр. Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком // Языковедение и материализм: ст. Н. Я. Марра, С. М. Доброгаева, Я. В. Лоя / ред. Н. Я. Марр. Ленинград, 1929. С. 1–56 [= М II: 399–426].
- Марр [1929]/2013 — Н. Я. Марр. Письмо Н. Я. Марра в КЭИ [Комиссию экспедиционных исследований] АН СССР о Балкаро-Карачаевской экспедиции 28 июня 1929 г. // Acta linguistica petropolitana = Труды Института лингвистических исследований. 2013. IX, № 1. С. 234–235.
- Марр 1930а — Н. Я. Марр. К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории // Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов (28/XII-1928 — 4/I-1929). Т. 2, отдел пятый: Социологическая секция. Москва, 1930. С. 267–315 [= М III: 152–179].
- Марр 1930б — Н. Я. Марр. Яфетидология в Ленинградском гос. университете (Читано на торжественном заседании в 110-летнюю годовщину Университета) // Известия Ленинградского государственного университета. 1930. № 2. С. 47–68 [= М I: 254–272].

Литература

- Марр 1931a — Н. Я. Марр. К семантической палеонтологии в языках не яфетических систем. Ленинград, 1931. (Известия Государственной академии истории материальной культуры. Т. 7, вып. VII–VIII). [= М II: 246–288].
- Марр 1931б — Н. Я. Марр. Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык. Москва; Ленинград, 1931. (Учёные записки Научно-исследовательского института народов советского Востока. 1931, вып. 1). [= М I: 273–289].
- Марр 1933а — Н. Я. Марр. Вопросы языка в освещении яфетической теории: Избранные отрывки из работ акад. Н. Я. Марра / сост. В. Б. Аптекарь. Ленинград, 1933. [Переиздание: Марр 2002].
- Марр 1933б — Н. Я. Марр. Предисловие // Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин о проблемах языка и мышления. Ленинград, 1933. С. 3–10. (Известия государственной академии истории материальной культуры; 75).
- Марр 1935 — Н. Я. Марр. Проблема письма трёх славянских языков СССР — белорусского, украинского и русского // Язык и мышление. 3–4 / ред. И. И. Мещанинов. Москва; Ленинград, 1935. С. 7–11.
- Марр 1938 — Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов. Москва; Ленинград, 1938. (Академия наук СССР, Грузинский филиал, Труды института абхазской культуры имени акад. Н. Я. Марра; 10).
- Марр 1995 — Н. Я. Марр. Кавказский культурный мир и Армения. Ереван, 1995.
- Марр 2002 — Н. Я. Марр. Яфетидология. Жуковский; Москва, 2002. [Переиздание работы Марр 1933а].
- Марр 2026 — К 160-летию со дня рождения академика Николая Яковлевича Марра [материалы научной конференции «Научная мысль неудержимо движется с потоком новой жизни...», 28–30 апреля 2025 г.] // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2026. № 34. С. 7–139.
- Мегрелидзе 1984 — И. В. Мегрелидзе. Пособие для авторов и наборщиков восточных шрифтов // Ю. Н. Марр, И. В. Мегрелидзе. Пособие для авторов и наборщиков восточных шрифтов. 4-е изд., доп. Тбилиси, 1984. С. 4–20. [1-е изд. 1938 г.].
- Мегрелидзе 1985 — И. В. Мегрелидзе. У истоков абхазоведения: Воспоминания и документы. Сухуми, 1985.
- Медвенский 2015 — Н. И. Медвенский. Марр Николай Яковлевич // АБС 2015: 502–503.
- Мещанинов [1926]/2013 — И. И. Мещанинов. Объяснительная записка к «Смете на работу экспедиции на Кавказ и в Закавказье, организуемой Яфетическим Институтом» на 1926–1927 гг., 27 ноября 1926 г. // *Acta linguistica petropolitana* = Труды Института лингвистических исследований. 2013. IX, № 1. С. 165–166.
- Мещанинов [1929]/2013 — И. И. Мещанинов. Пятилетний план работы Института на 1929–1934 гг. (6 марта 1929 г.) // *Acta linguistica*

- petropolitana = Труды Института лингвистических исследований. 2013. IX, № 1. С. 216–221.
- Мещанинов 1931 — И. И. Мещанинов. Пособие к пользованию яфетидологическими работами. Ленинград, 1931.
- Мещанинов 1934 — И. И. Мещанинов. Ещё один шаг назад [Рец. на кн.: Марр 1933a] // Язык и мышление. 2 / ред. И. И. Мещанинов. Москва; Ленинград, 1934. С. 131–132.
- Миханкова 1949 — В. А. Миханкова. Николай Яковлевич Марр: Очерк его жизни и научной деятельности. 3-е изд., испр. и доп. Москва; Ленинград, 1949. (Серия «Итоги и проблемы современной науки»). [1-е изд. 1935 г.].
- Немировский 1930 — М. Я. Немировский. К современному состоянию кавказской лингвистики. Владикавказ, 1930.
- Никитин 2018 — О. В. Никитин. «Лингвистическая энциклопедия» — неизвестный лексикографический проект 1930-х годов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 3. С. 612–624
- Оранский 1972 — И. М. Оранский. Древнеиранская филология и иранское языкознание // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. Москва, 1972. С. 305–339.
- Платонова 1998 — Н. И. Платонова. Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // Археологические вести. 1998. № 5. С. 371–382.
- Поливанов 1925 — Е. Д. Поливанов. Краткая классификация грузинских согласных // Бюллетень Среднеазиатского государственного университета. 1925. 8. С. 113–118 [= Tomelleri 2016b: 75–81].
- Поливанов 1928a — Е. Д. Поливанов. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Ленинград, 1928. (Ленинградский восточный институт; 31) [= Поливанов 1991: 9–235].
- Поливанов 1928б — Е. Д. Поливанов. Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР // Новый Восток. Кн. 23–24. Москва, 1928. С. 314–330 [= Поливанов 1931a: 95–116].
- Поливанов [1929]/1991 — Из материалов «поливановской» дискуссии в Коммунистической академии. Февраль, 1929 г. Архивная публикация / подгот. Л. Р. Концевич // Поливанов 1991: 507–588.
- Поливанов 1931a — Е. Д. Поливанов. За марксистское языкознание: сборник популярных лингвистических статей. Москва, 1931. [Переиздание: Смоленск, 2003].
- Поливанов 1931б — Е. Д. Поливанов. Фонетика интеллигентского языка // Поливанов 1931a: 139–151 [= Поливанов 1968: 225–235].
- Поливанов [1931]/2021 — А. В. Андронов, Н. В. Супрунчук. Из акцентологического наследия Е. Д. Поливанова: статья «К общefonетическому вопросу о функциях ударения» (1931) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2021. Т. XXV(2). С. 1365–1406.

Литература

- (Материалы чтений, посвящённых памяти профессора И. М. Тронского, 21–23 июня 2021 г. / гл. ред. Н. Н. Казанский. Санкт-Петербург, 2021).
- Поливанов [1933] — Е. Д. Поливанов. Рецензия на книгу: Р. О. Якобсон. К характеристике евразийского языкового союза. 1931. — Рукопись в фонде Р. Якобсона в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге (коробка 17/С/15, папка 21 — 11 тетрадей, более 130 нумерованных листов).
- Поливанов [1937]/1968 — Е. Д. Поливанов. Закон перехода количества в качество в процессах историко-фонетической эволюции // Поливанов 1968: 114–134.
- Поливанов [1937]/1991 — Е. Д. Поливанов. Толковый терминологический словарь по лингвистике // Поливанов 1991: 318–506.
- Поливанов 1968 — Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. Москва, 1968.
- Поливанов 1991 — Е. Д. Поливанов. Труды по восточному и общему языкознанию (Избранные работы) / сост., послесловие, коммент. и указатели Л. Р. Концевича. Москва, 1991.
- Робинсон 2004 — М. А. Робинсон. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). Москва, 2004.
- Робинсон 2025 — М. А. Робинсон. Русское славяноведение: судьбы научной элиты и академических институций (1917 — начало 1930-х гг.). Москва, 2025.
- Розенберг 1923 — Ф. А. Розенберг. О показателях множественности в языках согдийской группы // Яфетический сборник. 1923. 2. С. 1–17.
- Розенберг 1927 — Ф. А. Розенберг. Материалы по двадцатному счёту // Языковедные проблемы по числительным. 1. Ленинград, 1927. С. 165–170.
- Романенко 2001 — А. П. Романенко. Советская философия языка: Е. Д. Поливанов — Н. Я. Марр // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 110–122.
- Сагидова 1956 — Э. А. Сагидова. Организация фондов и каталогов литературы на языках народов СССР в крупных библиотеках: дисс. ... канд. пед. наук / Ленинградский библиотечный институт имени Н. К. Крупской. Ленинград, 1956.
- Салакая 2006 — Ш. Х. Салакая. Великий Марр как абхазовед // Уи атэыла ссир акны: астатиакэеи ажэеинраалакэеи [В этой чудесной стране: статьи и стихи] / сост. Дж. Ахуба. Акэа [Сухум], 2006. С. 53–70. [Переиздано в: Ш. Х. Салакая. Избранные труды: в 3 т. Т. 3: Литература. Фольклор. Искусство. Наука. Сухум, 2019. С. 207–216].
- Саманба 2015 — Л. Х. Саманба. Кукба Виктор Иосифович // АБС 2015: 436.
- Сидорчук 2016 — И. В. Сидорчук. Деятельность Н. Я. Марра на посту председателя Государственной академии истории материальной культуры (1919–1920, 1922–1934 гг.) // Научно-технические ведомости

- Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, серия: Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4 (255). С. 96–107.
- Сухотин 1932 — А. М. Сухотин. Спор об унификации алфавитов // Революция и письменность. 1932. № 1–2 (11–12). С. 95–103.
- Тихонов 2016 — И. Л. Тихонов. Ф. А. Браун — профессор, декан, проректор Санкт-Петербургского университета // Клио. 2016. 8 (116). С. 72–83.
- Толстой, Иванов, Гамкрелидзе 1987 — Н. И. Толстой, Вяч. Вс. Иванов, Т. В. Гамкрелидзе. Послесловие // Н. С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. Москва, 1987. С. 492–519.
- Тольц 2013 — В. Тольц. «Собственный Восток России». Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. Москва, 2013. [Русский перевод книги: V. Tolz. Russia's own Orient. The politics of identity and Oriental studies in the late imperial and early Soviet periods. Oxford; New York, 2011].
- Томеллеры 2017 — В. С. Томеллеры. Абхазский аналитический алфавит академика Н. Я. Марра. Эволюция, революция и языковое строительство // *Revue des études slaves*. 2017. 88, № 1–2. Р. 69–95.
- Томеллеры 2024 — В. С. Томеллеры. Г. А. Дзагуров и яфетическая теория академика Н. Я. Марра: комментированное переиздание текста [статьи «Яфетическая теория академика Н. Я. Марра и вопрос о происхождении осетин» (1924)] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. Т. 21, вып. 1. С. 224–251.
- Томеллеры, Бондарь 2026 — В. С. Томеллеры, Л. Д. Бондарь. В. И. Абаев и Н. Я. Марр: взаимоотношения ученика и учителя в отражении документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // *Марр* 2026: 84–94.
- Трубецкой 1939/1960 — Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. Москва, 1960. [Оригинал: N. S. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939. (Travaux du Cercle Linguistique de Prague; 7)]
- Труды библиотек 1929 — Труды Второй всероссийской конференции научных библиотек: стенографический отчёт. Ленинград, 1929.
- Тункина 2000 — И. В. Тункина. Н. Я. Марр и Ф. А. Браун: история взаимоотношений (1920–1925 гг.) // *Stratum plus*. 2000. № 4. С. 384–391.
- Турчанинов 1937 — Г. Ф. Турчанинов. Н. Я. Марр — абхазовед // Язык и мышление. 8: Языки Евразии в работах Н. Я. Марра / ред. И. И. Мещанинов. Москва; Ленинград, 1937. С. 147–163.
- Тюркологический съезд 1926 — Первый Всесоюзный тюркологический съезд, 26 февраля — 5 марта 1926 г.: стенографический отчёт. Баку, 1926. [Переиздание: Баку, 2011].
- Университеты 1935 — Университеты и научные учреждения / ред. колл.: Р. И. Белкин, Г. И. Бройдо, Х. З. Габидуллин и др.; Наркомпрос РСФСР. 2-е изд., перераб. и доп. Москва; Ленинград, 1935. [1-е изд.: Москва, 1934].

- Услар 1887 — П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис, 1887.
- Франк-Каменецкий 1937 — И. Г. Франк-Каменецкий. Н. Я. Марр и изучение семитических языков // Язык и мышление. 8: Языки Евразии в работах Н. Я. Марра / ред. И. И. Мещанинов. Москва; Ленинград, 1937. С. 171–181.
- Фриче 1929 — В. М. Фриче. Вступительное слово // Н. Я. Марр. Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории. Москва, 1929. С. 5–8. [Статья Марра переиздана в его «Избранных работах» (М III: 61–77) без вступительного слова Фриче].
- Хашба 1936 — А. К. Хашба. Академик Н. Я. Марр о языке и истории абхазов / под ред. И. И. Мещанинова. Сухуми, 1936. (Академия наук СССР, Грузинский филиал, Труды института абхазской культуры им. акад. Н. Я. Марра; IV).
- Хашба 2015 — М. М. Хашба. Дзидзария Кондрат Фёдорович // АБС 2015: 305.
- Хеция 2015 — А. Д. Хеция. Хашба Арсений Константинович // АБС 2015: 692.
- Хроника ВЦК НА 1931 — Хроника. В президиуме ВЦК НА // Культура и письменность Востока. Москва, 1931. Кн. 7–8. С. 217–219.
- Чарая 1912 — П. Чарая. Об отношении абхазского языка к яфетическим. Санкт-Петербург, 1912. (Материалы по яфетическому языкознанию; 4).
- Чирикба 2018 — В. А. Чирикба. Вклад Н. С. Трубецкого в северокавказскую филологию // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры: альманах. Т. 7. Москва, 2018. С. 259–286.
- Чирикба 2021 — В. А. Чирикба. Из истории абхазских латинизированных алфавитов // Анатолий Несторович Генко и Кавказ: материалы международной научной конференции [посвящённой 125-летию со дня рождения выдающегося филолога и этнографа современности], 25–26 ноября 2021 г. / отв. ред. С. Пазов. Карачаевск, 2021. С. 139–162.
- Чирикба 2025 — В. А. Чирикба. О научном творчестве Арсения Хашба // Ацсуатцаара: Абышэа, алитература, афольклор = Абхазоведение: язык, литература, фольклор. Вып. 5 / отв. ред. Л. Р. Хагба. Акэа (Сухум), 2025. С. 43–54.
- Чобан-Заде 1928 — Б. Чобан-Заде. Итоги унификации алфавитов тюрко-татарских народов // Культура и письменность Востока. 1928. 3. С. 18–34.
- Чочуа 1926 — А. М. Чочуа. Самоучитель русского, абхазского и грузинского языков. Сухум, 1926. [2-е изд.: Сухум, 1934; переиздано в: Чочуа 1969: 151–292].
- Чочуа 1969 — А. М. Чочуа. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Сухуми, 1969.

- Шапиро 1952 — А. Б. Шапиро. Вопросы письма и правописания в работах Н. Я. Марра и его последователей // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. Ч. 2 / ред. В. В. Виноградов, Б. А. Серебренников. Москва, 1952. С. 398–408.
- Шилков 2004 — Ю. М. Шилков. Яфетическая философия языка Н. Я. Марра // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2004. 16. С. 75–91.
- Щерба 1911 — Л. В. Щерба. К вопросу о транскрипции (Доклад, читанный в заседании лингвистической секции СПб. Неофилологического общества 11 мая 1911 г.) // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1911. 16, № 4. С. 161–181.
- Юшманов 1937 — Н. В. Юшманов. Фонетические параллели африканских и яфетических языков // *Africana*. Труды группы африканских языков. 1 / отв. ред. И. И. Мещанинов. Москва; Ленинград, 1937. С. 19–44.
- Яковлев 1928 — Н. Ф. Яковлев. Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории) // Культура и письменность Востока. 1928. 1. С. 41–64.
- Яковлев 1930 — Н. Ф. Яковлев. Унификация алфавитов для горских языков Северного Кавказа // Культура и письменность Востока. 1930. 6. С. 44–67.
- Яковлев 1931 — Н. Ф. Яковлев. Аналитический или новый алфавит? // Культура и письменность Востока. 1931. 10. С. 43–60.
- Яковлев 1932 — Н. Ф. Яковлев. Унификация алфавитов в СССР в переходный период как элемент культурной революции // Революция и письменность. 1932. № 1–2. С. 87–89.
- Яковлев 1936 — Н. Ф. Яковлев. О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов // Революция и письменность. 1936. № 2. С. 26–38.
- Яковлев 2006 — Н. Ф. Яковлев. Грамматика абхазского литературного языка. Сухум, 2006.
- Arens 1969 — H. Arens. Sprachwissenschaft. Der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart, zweite, durchgesehene und stark erweiterte Auflage. Freiburg-München, 1969. (Orbis Academicus, Problemgeschichten der Wissenschaft in Dokumenten und Darstellungen; I/6). [1-е изд. 1955].
- Baldauf 1993 — I. Baldauf. Schriftreform und Schriftwechsel bei den muslimischen Russland- und Sowjettürken (1850–1937): Ein Symptom ideengeschichtlicher und kulturpolitischer Entwicklungen. Budapest, 1993. (Bibliotheca orientalis hungarica; 40).
- Borbé 1974 — T. Borbé. Kritik der marxistischen Sprachtheorie N. Ja. Marr's. Kronberg Ts., 1974. (Skripten Linguistik und Kommunikationswissenschaft; 8).
- Brandist 2015a — C. Brandist. The dimensions of hegemony. Language, culture and politics in revolutionary Russia. Leiden; Boston, 2015. (Historical materialism book series; 86).

- Brandist 2015b — C. Brandist. The Marrist critique of Indo-Europeanism revisited: reconsidering its roots and heritage // К 150-летию кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета / сост.: Е. И. Риехакайнен, Н. А. Слепокурова. Санкт-Петербург, 2015. С. 12–20.
- Catford 1972 — J. C. Catford. Labialisation in Caucasian languages, with special reference to Abkhaz // Actes du septième congrès international des sciences phonétiques. Tenu à l'Université de Montréal et à l'Université McGill 22–28 août 1971 / eds. A. Rigault, R. Charbonneau. La Haye; Paris, 1972. P. 679–682.
- Catford 1977 — J. C. Catford. Fundamental problems in phonetics. Bloomington, 1977.
- Cherchi, Manning 2002 — M. Cherchi, H. P. Manning. Disciplines and nations: Niko Marr vs. his Georgian students on Tbilisi State University and the Japhetidology/Caucasology schism. Pittsburgh, 2002. (The Carl Beck papers in Russian & East European studies; 1603).
- Chirikba 2003 — V. A. Chirikba. Abkhaz. München, 2003. (Languages of the world: materials; 119).
- Chirikba 2023 — V. A. Chirikba. From the history of Abkhaz romanized alphabets // Armenia, Caucaso e Asia Centrale. Ricerche 2022 / eds. D. Artoni, C. Frappi, P. Sorbello. Venezia, 2023. P. 3–27.
- Colarusso 1988 — J. Colarusso. The northwest Caucasian languages: a phonological survey. New York; London, 1988.
- Deeters 1938 — G. Deeters. Die Sprachwissenschaft in der Sowjetunion // Bolschewistische Wissenschaft und «Kulturpolitik»: ein Sammelwerk / Hrsg. B. von Richthofen. Königsberg; Berlin, 1938. S. 236–251. (Schriften der Albertus-Universität, Geisteswissenschaftliche Reihe; 14).
- Greenberg 1974 — J. Greenberg. Language typology. A historical and analytical overview. The Hague; Paris, 1974. (Janua Linguarum, Series Minor; 184).
- Hewitt 1986 — B. G. Hewitt. The labialised sibilants of Ubykh (North West Caucasian) // Revue des Études Géorgiennes et Caucasiennes. 1986. 2. P. 21–30.
- Hewitt 2010 — B. G. Hewitt. Abkhaz. A comprehensive self-tutor. München, 2010. (Lincom student grammars; 3).
- Hewitt 2026 — B. G. Hewitt. The look of a language: scripts used for Abkhaz // Caucasiology in the digital era. A Festschrift for Manana Tandaschwili / ed. M. Kamarauli. Wiesbaden, 2026. P. 199–217. (Folia Caucasica; 7).
- Hewitt, Khiba 2002 — B. G. Hewitt, Z. Khiba. An exercise in Abkhaz comparative dialectology: in the steps of N. Ja. Marr // Philologie, Typologie und Sprachstruktur. Festschrift für Winfried Boeder zum 65. Geburtstag = Philology, Typology and Language Structure. Festschrift for Winfried Boeder on the Occasion of his 65th Birthday / Hrsg. W. Bublitz, M. von Roncador, H. Vater. Frankfurt am Main et al., 2002. S. 47–64.

- Job 1977 — D. M. Job. Probleme eines typologischen Vergleichs iberokaukasischer und indogermanischer Phonemsysteme im Kaukasus. Frankfurt am Main; Bern, 1977. (Europäische Hochschulschriften; Reihe 21: Phonologie und Phonetik; 2).
- Jones, Plaatje 1916 — D. Jones, S. T. Plaatje. A Sechuana reader in international phonetic orthography (with English translation). London, 1916. [Факсимиле в: D. Jones. Selected works. Vol. VI: Non-European languages. London; New York, 2003].
- Lähteenmäki 2006 — M. Lähteenmäki. Nikolai Marr and the idea of a unified language // *Language & communication*. 2006. 26. P. 285–295.
- Lepschy 1969 — G. C. Lepschy. Contributo all'identificazione degli ascoltatori di Saussure a Parigi: Fedor-Friedrich Braun // *Studi e saggi linguistici*. 1969. 9. P. 206–210.
- Manaster Ramer, Bicknell 1995 — A. Manaster Ramer, B. J. Bicknell. Logic and philology: incommensurability of descriptions of one-vowel systems // *Journal of linguistics*. 1995. 31. P. 149–156.
- Mannewitz 2010 — C. Mannewitz. Marr und Marrismus // *Die Rolle von Persönlichkeiten in der Geschichte der Plansprachen. Beiträge der 19. Jahrestagung der Gesellschaft für Interlinguistik e. V.*, 27.–29. November 2009, Berlin / Hrsg. S. Fiedler. Berlin, 2010. S. 93–98. (Interlinguistische Informationen; 17).
- Matthews 1950 — W. K. Matthews. The Soviet contribution to linguistic thought // *Archivum linguisticum*. 1950. 2, № 1. P. 1–23; № 2. P. 97–121.
- Matthews 1951 — W. K. Matthews. Languages of the U. S. S. R. Cambridge, 1951.
- Matthews 1953 — W. K. Matthews. Marr's Analytical Alphabet // *Archivum linguisticum*. 1953. 5, № 1. P. 65–74.
- Menzel 1927 — Th. Menzel. Der 1. Turkologische Kongreß in Baku (26.ii. bis 6.iii.1926) // *Der Islam*. 1927. 16, № 1. S. 1–76; № 2. S. 169–228.
- Meurs 1998 — W. van Meurs. Die Sprachtheorie von Nikolaj Marr: Zwischen Wissenschaftsgeschichte und Wahnsinn // *Wissenschaftsgeschichte in Osteuropa. Europa litterarum artiumque scientiam communicans* / Hrsg. A. Henning, J. Petersdorf. Wiesbaden, 1998. S. 221–241. (Osteuropa-Institut, Multidisziplinäre Veröffentlichungen; 7).
- Olesch 1956 — R. Olesch. Im Wandel der Sprachbetrachtungen // *Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956*. Wiesbaden, 1956 / Hrsg. M. Woltner, H. Bräuer. S. 364–374. (Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Universität Berlin; 9).
- Phillips 1986 — K. H. Phillips. Language theories of the early Soviet period. Exeter, 1986. (Exeter linguistics studies; 10).
- Reznik 2007 — V. Reznik. Succession or subversion: professional strategies of Soviet cultural revolution. The case of Nikolai Marr // *Slavonica*. 2007. 13, 2. P. 150–167.

- Sériot 2013 — P. Sériot. L'alphabet analytique abkhaze de N. Marr: une pasi-graphie génétique? // L'édification linguistique en URSS: thèmes et mythes / éd. E. Simonato. Lausanne, 2013. P. 9–28. (Cahiers de l'Institut de linguistique et des sciences du langage; 35).
- Simonato 2005 — E. Simonato. Marr et Jakovlev: deux projets d'alphabet abkhaz // Un paradigme perdu: la linguistique marriste / éd. P. Sériot. Lausanne, 2005. P. 255–269. (Cahiers de l'Institut de linguistique et des sciences du langage; 20).
- Simonato 2024 — E. Simonato. Le monde abkhaze de Nikolaï Marr // Les mondes de Nikolaï Marr / S. Moret (sous la direction). Toulouse, 2024. P. 107–131. (Slavica Occitania; 59).
- Simonato-Kokochkina 2010 — E. Simonato-Kokochkina. Le mythe de l'unification des alphabets en l'URSS dans les années 1920-1930 // Langage et Société. 2010. 133, Nr. 3. P. 103–123.
- Slezkine 1996 — Yu. Slezkine. N. Ia. Marr and the national origins of Soviet ethnogenesis // Slavic Review. 1996. 55, Nr. 4. P. 826–862. [= Intellectuals and the articulation of the nation / eds. R. G. Suny, M. D. Kennedy. Ann Arbor, 1999. P. 211–256].
- Smith 1993 — M. Smith. The Eurasian imperative in early Soviet language planning: Russian linguists at the service of the nationalities // Beyond sovietology: essays in politics and history / ed. S. Gross Solomon. Armonk; New York, 1993. P. 159–191.
- Smith 1998 — M. G. Smith. Language and power in the creation of the USSR, 1917–1953. Berlin; New York, 1998. (Contributions to the sociology of language; 80).
- Stachowski 2013 — M. Stachowski. Marr i Marryzm // LingVaria. 2013. 8, Nr. 2 (16). P. 249–271.
- Szemerényi 1964 — O. Szemerényi. Structuralism and substratum: Indo-Europeans and Semites in the ancient Near East // Lingua. 1964. 13. P. 1–29.
- Szemerényi 1982 — O. Szemerényi. Die Sprachwissenschaft in der Sowjetunion // O. Szemerényi. Richtungen der modernen Sprachwissenschaft. T. 2: Die fünfziger Jahre (1950–1960). Heidelberg, 1982. S. 1–21. (Sprachwissenschaftliche Studienbücher).
- Šor 2016 — Rozalija Šor (1894–1939) et son environnement académique et culturel / éd. E. Velmezova, S. Moret. Lausanne, 2016. (Cahiers de l'Institut de linguistique et des sciences du langage; 47).
- Thomas 1957 — L. L. Thomas. The linguistic theories of N. Ja. Marr. Berkeley; Los Angeles, 1957. (University of California publications in linguistics; 14).
- Tolz 1997 — V. Tolz. Russian academicians and the revolution. Combining professionalism and politics. Basingstoke, 1997. (Studies in Russian and East European history and society).

- Tolz 2009 — V. Tolz. Imperial scholars and minority nationalisms in late imperial and early Soviet Russia // *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian history*. 2009. 10, Nr. 2. P. 261–290.
- Tomelleri 2016a — V. S. Tomelleri. Das abchasische analytische Alphabet. Einige linguistische und historisch-philologische Überlegungen // *Rivista italiana di linguistica e dialettologia*. 2016. 18. P. 115–173.
- Tomelleri 2016b — V. S. Tomelleri. E. D. Polivanov and the Georgian language: Synchronic questions and diachronic perspectives // *Cinquante nuances du temps et de l'espace dans les théories linguistiques* / éd. S. Moret, E. Simonato. Lausanne, 2016. P. 53–81. (Cahiers de l'Institut de linguistique et des sciences du langage; 49).
- Tomelleri 2020 — V. S. Tomelleri. *Linguistica e filologia in Unione Sovietica. Trilogia fra sapere e potere*. Milano; Udine, 2020. (Eterotropie; 667).
- Tomelleri, Topadze 2018 — V. S. Tomelleri, M. Topadze. Anmerkungen zum georgischen Konsonantismus: Giorgi Axvlediani und Dmitrij Evgen'evič Polivanov // *Rivista italiana di linguistica e dialettologia*. 2018. 20. P. 63–95.
- Troubetzkoy 1924 — N. Troubetzkoy. Langues caucasiques septentrionales // *Les langues du monde* / éd. A. Meillet, M. Cohen. Paris, 1924. P. 327–342.
- Troubetzkoy 1925 — N. Troubetzkoy. [Рец. на кн.:] Trudy podrazrjada issledovanija severno-kavkazskix jazykov pri Institute Vostokovedenija v Moskve. [Travaux de la Section des langues du Caucase septentrional de l'Institut Oriental à Moscou]. — N° 1: N. Jakovlev, Tablicy fonetiki kabardinskogo jazyka [Tables phonétiques de la langue cabarde], Moscou, 1923. — N° 2: N. Jakovlev, Slovarj primerov k tablicam fonetiki kabardinskogo jazyka [Glossaire des exemples aux tables phonétiques de la langue cabarde], Moscou, 1923. — N° 3: L. Žirkov, Grammatika avarskogo jazyka [Grammaire de la langue awar], Moscou, 1924 // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. 1925. 26. P. 277–286.
- Tuite 2011 — K. Tuite. The reception of Marr and Marrism in the Soviet Georgian Academy // *Exploring the edge of empire: The Soviet era anthropology in the Caucasus and Central Asia* / eds. F. Mühlfried, S. Sokolovsky. Halle, 2011. P. 197–214. (Halle studies in the anthropology of Eurasia).
- Velmezova 2007 — E. Velmezova. Les lois du sens: la sémantique marriste. Bern et al., 2007. (Slavica Helvetica; 77).
- Wood 1991 — S. A. J. Wood. Vertical, monovocalic and other “impossible” vowel systems: A review of the articulation of the Kabardian vowels // *Studia Linguistica*. 1991. 45. Nr. 1–2. P. 49–70.
- Young 2022 — R. J. C. Young. Resituating Nikolai Marr // *Interventions*. 2022. Vol. 24. Nr 5: The anticolonial linguistics of Nikolai Marr / eds. M. C. Allen, R. J. C. Young. P. 621–637.

- ახვლედიანი [Ахвледиани] 1926 — გ. ახვლედიანი. მასალები აფხაზურ ბგერათა ფიზიოლოგიისათვის [Материалы по физиологии абхазских звуков] // მიმომხილველი. საქართველოს საისტორიო და საეთნოგრაფიო საზოგადოების ორგანო [Обозреватель. Орган Историко-этнографического Общества Грузии]. 1926. 1. С. 195–197.
- ახვლედიანი [Ахвледиани] 1938 — გ. ახვლედიანი. ზოგადი და ქართული ენის ფონეტიკის საკითხები [Вопросы общей и грузинской фонетики]. თბილისი, 1938.
- ახვლედიანი [Ахвледиани] 1949 — გ. ახვლედიანი. ზოგადი ფონეტიკის საფუძვლები [Основы общей фонетики]. თბილისი, 1949 [Переиздание: თბილისი, 1999].
- ბაბუხადია, ბიჭიკაშვილი [Бабухадия, Бичикашвили] 2004 — მ. ბაბუხადია, ი. ბიჭიკაშვილი. აკადემიკოს ნიკო მარის ნაბეჭდი შრომების ბიბლიოგრაფია = Библиография печатных работ академика Николая Яковлевича Марра. თბილისი, 2004. (ქართველოლოგიური ბიბლიოთეკა [Библиотека картвелистики]; 4).
- მარრი [Марр] 1888 — ნ. მარრი. ბუნება და თვისება ქართული ენისა (მცირე შენიშვნა) [Природа и особенности грузинского языка (маленькая заметка)] // ივერია [Иверия]. 1888. № 86 (21 апреля). С. 3 [= Марр 1926ж: 1–4. Русский перевод: *ibid.*, с. 4–7 = М I: 14–15].
- მარრი [Марр] 1923 — ნ. მარრი. რით ცხოვრობს იაფეთური ენათმეცნიერება? = N. Marri. რუმჭოვრობს იაფეთური ენათმეცნიერება? [Чем живёт яфетическое языкознание?]. Petrograd, 1923.
- ფუტყარაძე, ვაშაკიძე [Футყарадзе, Вашакидзе] 2011 — ტ. ფუტყარაძე, ი. ვაშაკიძე. ქართველოლოგიის ორგვარი დაგეგმვა 1917–1935 წლებში. ივანე ჯავახიშვილისა და ნიკო მარის პოზიციათა შეპირისპირებითი ანალიზი [Два направления развития картвеловедения в 1917–1935 годах: сравнительный анализ позиций Ивана Джавахишвили и Николая Марра]. თბილისი, 2011.
- ჩიქობავა [Чикобава] 1926 — ა. ჩიქობავა. [Рец. на кн.:] Н. Марр. Грамматика древнелитературного грузинского языка. Ленинград, 1925 // მიმომხილველი. საქართველოს საისტორიო და საეთნოგრაფიო საზოგადოების ორგანო [Обозреватель. Орган Историко-этнографического общества Грузии]. 1926. 1. С. 285–330 [= ჩიქობავა [Чикобава] 2010: 128–168].
- ჩიქობავა [Чикобава] 2010 — ა. ჩიქობავა. შრომები, ტომი 1 [Труды, т. 1]. თბილისი, 2010.

Summary

This edited volume is devoted to the history, development, and linguistic legacy of the so-called Abkhaz Analytical Alphabet (AAA), the highly complex Roman-based transcription system devised by Academician Nikolai Yakovlevich Marr (1865–1934) for Abkhaz and briefly adopted as the official alphabet during the Latinization campaign.

Far from being a mere technical device, the AAA gradually became one of the methodological foundations of Marr's linguistic theory, serving, alongside his later four-element analysis, as an indispensable instrument of linguistic inquiry. Originally developed for the transcription of Old Georgian and Classical Armenian, which Marr regarded as genetically related within his Japhetic theory, the system was subsequently expanded and adapted to represent the considerably richer phonological inventory of Abkhaz. In doing so, it acquired a central place in the further evolution of his Japhetic theory and in its transformation into the so-called New Theory of Language.

The volume places the emergence and development of the AAA within the broader intellectual, cultural, and political context that shaped Marr's scholarship. In addition to four introductory chapters that form a coherent whole, it reproduces in facsimile Marr's most comprehensive exposition of the system, "The Abkhaz Analytical Alphabet (On the question of script reforms)" (1926), and offers an annotated publication of the archival manuscript "The Abkhaz Analytical Alphabet (An Attempt at Critical Analysis)" by the eminent linguist, phonetician, and orientalist Evgenij Dmitrievich Polivanov (1891–1938), whose critique provides one of the most detailed and least ideologically-driven systematic linguistic assessments of Marr's transcription system.

The first chapter introduces the analytical principles underlying Marr's transcription system. The AAA was based on the idea that phonetically simple, or basic, sounds should be represented by simple symbols, e.g. *t* (used by Marr to denote the ejective [tʰ]), *d*, etc. In contrast, complex sounds should be expressed through combinations

of basic letters with diacritics: e.g. affricates were analyzed as combinations of stops and hissing and hushing fricatives, with a superscript dot or caron indicating respectively *s*- or *z*-affrication and a subscript dot or circumflex *sh*- or *zh*-affrication (*t* [tʰ] — *ṭ* [tʃ̣], *ḏ* [dʒ̣] — *ḑ* [dʒ̣]). Secondary articulations of labialization and palatalization are expressed with dedicated graphic markers: a postposed circle and an apostrophe-like mark placed at the lower right of the letter (*tʰ* [tʰ°] and *ṭ* [tʃ̣]). The chapter discusses both the internal coherence of the system and its practical limitations.

The second chapter reconstructs the genesis and evolution of the AAA, tracing its development through the successive stages of Marr's intellectual career, from his early comparative studies of Armenian and Georgian to the formulation of Japhetidology and its later integration into Soviet language planning. It demonstrates how a transcription originally conceived for comparative linguistic purposes gradually evolved into an ambitious graphic system intended not only for the languages of the Caucasus but, ultimately, as a model for a universal scientific writing system. Particular attention is devoted to the interaction between linguistic theory, script reform, and Soviet cultural policy.

The third chapter examines the scientific and ideological context in which Polivanov's critique of Marr's project emerged. Although not himself a specialist in Caucasian languages, Polivanov entered the debate over the AAA in order to advocate a linguistically coherent and suitable conception of phonetic transcription and script reform. His intervention is presented and discussed against the broader background of Soviet language planning and the Latinization campaign of the 1920s and 1930s.

The fourth chapter provides an account of the Abkhaz phonological system based on Polivanov's archival manuscript. It discusses his interpretation of the unusual “dorsolabial” consonants, which he regarded as a distinct articulatory class despite their historical derivation from labialized dentals, as well as his treatment of the Abkhaz velar/uvular and epiglottal series. The chapter concludes with a systematic comparison of four alternative representations of the Abkhaz consonant inventory — the International Phonetic Alphabet, modern Abkhaz orthography, Polivanov's transcription, and the AAA — highlighting the phonetic and phonological principles underlying each system.

Summary

By bringing together Marr's original exposition of the AAA, Polivanov's long-unpublished critique, and a series of historical and linguistic introductory studies, this volume offers the first comprehensive reassessment of this system as both a scientific instrument and a product of Soviet intellectual history. Beyond documenting an unusual experiment in phonemic notation, it illuminates the complex relationship between linguistic theory, graphic reform, language planning, and ideology during one of the most formative periods in the history of Soviet linguistics.

The editors gratefully acknowledge the permission of the editorial boards of *Revue des études slaves* and *Studi Slavistici* to reprint, in slightly revised and expanded form, previously published papers included in this volume.

Thanks are also due to the colleagues at the Abkhazian Institute for Humanitarian Research of the Academy of Sciences of Abkhazia — Arda Ashuba, Aleksey Dbar, Vasily Avidzba and Viacheslav Chirikba — for hosting this publication as the inaugural volume of the newly established series *From the History of Abkhaz Alphabets* and for their invaluable support throughout the entire preparation process.

Сведения об авторах

Алексей Викторович Андронов — кандидат филологических наук, главный библиотекарь отдела национальных литератур Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) — крупнейшего в мире хранилища книжности на языках России и ближнего зарубежья. По совместительству — старший научный сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения Российской академии наук (Москва). Более 20 лет работал на кафедре общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета, изучая балтийские языки и проблемы фонологической теории. С 2016 года занимается упорядочением данных о научном наследии выдающегося лингвиста первой половины XX века Е. Д. Поливанова (гранты РНФ 16-18-02042 и 25-28-01352).

Елена Ильинична Симонато — доктор филологических наук, доцент кафедры славянских языков Лозаннского университета. Её исследования охватывают историю лингвистических учений и языковую политику в СССР (в частности, латинизацию алфавитов, развитие фонологии и создание алфавитов для бесписьменных языков). С 2016 года Елена Симонато руководит несколькими международными проектами (под эгидой Швейцарского научного фонда), посвящёнными истории и языку швейцарских переселенцев в Северном Причерноморье в XIX–XX веках. В проектах исследуются их коммуникативные практики и сохранение так называемых эритажных языков — французского, итальянского и немецкого — в иноязычном окружении.

Витторио Спрингфилд Томеллери — доктор филологических наук, ассоциированный профессор славянской филологии Туринского университета. Был стипендиатом Фонда Александра фон Гумбольдта (Бонн) и программы Lise Meitner (Вена). Преподавал итальянский язык как иностранный в Университете Майнца, славянскую филологию — в университетах Павии, Сассари и Мачераты, а также на кафедре общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета. Автор работ по церковнославянской письменности и церковнославянским переводам с греческого и латинского языков, славянской аспектологии, кавказоведению, истории лингвистических учений и советского языкознания.

Содержание

Предисловие редактора	5
<i>Введение. Абхазский аналитический алфавит</i>	9
<i>Глава первая. Общая характеристика Абхазского аналитического алфавита и критические замечания Е. Д. Поливанова</i>	24
<i>Глава вторая. История возникновения и развития Абхазского аналитического алфавита</i>	33
<i>Глава третья. О научном и идеологическом контексте статьи Е. Д. Поливанова</i>	66
<i>Глава четвёртая. К реконструкции несохранившейся «Фонетической характеристики абхазского языка» Е. Д. Поливанова</i>	81
Н. Я. Марр. Абхазский аналитический алфавит (к вопросу о реформах письма)	91
Е. Д. Поливанов. Абхазский аналитический алфавит (Опыт критического анализа)	145
Заключение	165
Литература	168
Summary	187
Сведения об авторах	190

Печать офсетная. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Тираж 200 экз. Физ. печ. л. 12. Заказ № ____.

П РУП «Дом печати»,
г. Сухум, ул. Эшба, 168.